

**Бердянський осередок Запорізького наукового
товариства ім. Я.П. Новицького
Бердянський державний педагогічний університет**

**УСНА ІСТОРІЯ ГОЛОДОМОРУ
1932-1933 РОКІВ
У ПІВНІЧНОМУ ПРИАЗОВ'І.
БЕРДЯНСЬКИЙ ВИМІР**

**АА ТанDEM
Запоріжжя
2009**

ББК 63.3(4 Укр7)622

УДК 94(477.7)

У 75

Рекомендовано до друку вченою радою Бердянського
державного педагогічного університету
(протокол № 2 від 29.09.2009)

Книга видана завдяки коштам гранта Президента України для
обдарованої молоді та підтримці студентів, які взяли участь у
проекті

При оформленні обкладинки використано фотографію меморіалу
жертвам Голодомору 1932-1933 рр., відкритого в БДПУ
16 вересня 2009 р., етюд М.С. Копейкіна «Околиці Бердянська»
(1935 р.) і картина А.П. Шепелюка «Судноверф» (1935 р.) з
фондів Бердянського художнього музею ім. І.І. Бродського

**Усна історія Голодомору 1932-1933 років у Північному
Приазов'ї. Бердянський вимір / Упорядники:
І.І. Лиман, В.М. Константінова. – Запоріжжя: «АА
Тандем», 2009. – 302 с.**

У книзі публікується усний історичний наратив, записаний
експедиціями Бердянського державного педагогічного
університету в 2007-2009 рр.

Розраховано на широке коло читачів – науковців, викладачів,
студентів, школярів, краєзнавців, усіх, хто цікавиться «живою
історією», мікроісторією, історією України ХХ ст.

ББК 63.3(4 Укр7)622

УДК 94(477.7)

ISBN 978-966-488-043-2

© БДПУ, 2009

© ПП «АА Тандем», 2009

**Berdyansk Branch of Zaporizhzhya Scholarly Society
Named After Y.P. Novyts'kyi
Berdyansk State Pedagogical University**

**ORAL HISTORY OF HOLODOMOR
1932-1933 YEARS
IN THE NORTHERN PRYAZOVYA.
BERDYANSK MEASURING**

**Zaporizhzhya
AA Tandem
2009**

It is published by the decision of Berdyansk State Pedagogical
University's academic council
(protocol № 2 from September 29, 2009)

A book is published due to the grant of the President of
Ukraine for the gifted young people and to support of students
which took part in the project.

**Oral History of Holodomor 1932-1933 Years in the
Northern Pryazovya. Berdyansk Measuring / Authors:
I.I.Lyman, V.M.Konstantinova. – Zaporizhzhya: AA
Tandem, 2009. – 302 p.**

The oral historical narrative, gathered in archeographical
expeditions of the Berdyansk State Pedagogical University in
2007-2009 years, is published in this book.

The edition is addressed to wide auditory of readers —
researchers, tutors, students, schoolchildren, everybody who is
interested in oral history, microhistory, history of Ukraine of
XX century.

ВІД УПОРЯДНИКІВ

В історії кожної країни, регіону, населеного пункту, навіть родини є сторінки, звернення до яких викликає вельми неоднозначну, часто болісну реакцію. Причому йдеться вже про сам факт звернення, навіть безвідносно до того, з яких позицій, наскільки кваліфіковано висвітлюється відповідна сторінка минулого. Як правило, причини такої ситуації слід шукати, з одного боку, в значущості, трагічності історичних подій, про які йдеться, а з іншого – у надмірній їх політизації, яка, на жаль, часто заважає адекватно сприймати минуле, примушує розглядати його крізь викривлене дзеркало тих чи інших ідеологічних, партійних, геополітичних інтересів.

Саме до таких сторінок історії належить тема, винесена в заголовок цієї книги. Тож немає нічого дивного в тому, що при підготовці видання нам часто доводилось чути, з одного боку, слова підтримки, а з іншого, обвинувачення у виконанні якогось політичного замовлення. Причому підставою для обвинувачень служив сам факт звернення до історії Голодомору. Адже навіть найзапекліші «недрузи» проекту не мали аргументів проти надання слова свідкам подій 1932-1933 рр. у Бердянську.

А саме в наданні читачам можливості ознайомитись із спогадами старожилів і полягає головний задум цієї книги. Упевнені, що при вдумливому прочитанні це допоможе подолати цілу низку міфів і стереотипів, які вкоренились і в свідомості бердянців, і в історіографічній традиції. Ми не прагнемо давати і тим більше нав'язувати свої оцінки. У цьому й полягає специфіка археографічного видання.

До книги ввійшли інтерв'ю, записані в 2009 р. в рамках проекту «Усна історія Голодомору 1932-1933 років у Північному Приазов'ї (за матеріалами історико-археографічних експедицій)», фрагменти інтерв'ю зі згадками про Голодомор, записаних у Бердянську в 2007-2008 рр. в рамках проектів «Трансформації

релігійності населення в умовах полікультурного регіону» і «Феномен сприйняття урбанізаційних процесів в селянській традиції».

Задля того, аби читачі могли якнайбільш адекватно сприймати матеріали, уміщені нижче, доречно докладніше зупинитися на викладі історії проведення експедицій, під час яких були зібрані ці інтерв'ю. Так само, як і звернути увагу на методологічні підходи, використані під час роботи.

Розповіді свідків Голодомору 1932-1933 рр. упорядникам цієї праці доводилось чути впродовж уже багатьох років. Адже збирання й дослідження матеріалів усної історії вже давно перебуває в сфері їхніх наукових інтересів. В.М. Константінова з 2000 року стояла у витоків історико-етнографічних та археографічних експедицій до населених пунктів Південної України, які проводяться Запорізьким відділенням Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, Запорізьким науковим товариством ім. Я.П. Новицького, Запорізькою філією Східного інституту українознавства ім. Ковальських. Останні кілька років І.І. Лиман і В.М. Константінова організовують та очолюють такі ж експедиції на базі Бердянського державного педагогічного університету та Бердянського осередку Запорізького наукового товариства ім. Я.П. Новицького.

Важливо, що проблематика цих експедицій тривалий час не передбачала виявлення свідчень про події Голодомору, зосередившись на проблемах урбанізаційних процесів і духовного життя населення Північного Приазов'я. Більше того, жоден з пунктів запитальника не стосувався безпосередньо Голодомору. Утім, відповідаючи на різноманітні питання, які є досить далекими від теми Голодомору, респонденти знову й знову згадували страшні події 1932-1933 рр.

Однією з найважливіших складових підготовчо-організаційного етапу тих, не присвячених вивченню Голодомору, експедицій стало формулювання можливих запитань усного опитування.

Тут неабияк прислужився досвід, накопичений під час археографічних експедицій Запорізького відділення Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України та Запорізького наукового товариства ім. Я. Новицького. А.В. Бойко допоміг скорегувати і розширити складений упорядниками цієї праці перелік запитань. До запитальника були включені цілі блоки, які вже були апробовані на практиці учасниками запорізьких експедицій. Упорядники цієї праці мають надію, що і їхні напрацювання виявляться корисними для колег, адже низка сформульованих ними запитань увійшла до «Напрямків можливих зовнішніх запитань усного опитування учасника археографічної експедиції»¹.

Важливо, що і сам запитальник, і взагалі хід проведення експедицій неодноразово обговорювалися під час наукових зібрань, що дало змогу вносити певні корективи, уникати або виправляти деякі організаційні та методичні помилки.

Зокрема, корисною виявилась участь у Міжнародному конгресі Американської Ради Наукових Товариств (Харків, 4-7 жовтня 2007 р.), який був зосереджений, зокрема, на проблематиці усної історії. Там після свого виступу І.І. Лиман одержав поради від С. Плохія (Гарвардський університет), В.І. Ульяновського (Київський національний університет імені Тараса Шевченка), О.Ю. Турія (Український Католицький

¹ Усна історія Степової України / Запорізький край. – Запоріжжя: АА ТанDEM, 2008. – Т. 1. – С. XXXIX-LIII; Усна історія: теорія та практика / Упорядники А. Бойко, С. Білівненко, Ю. Головка та інші. – Запоріжжя: ТанDEM-У, 2008. – С. 47-76.

Університет) та інших провідних закордонних і вітчизняних спеціалістів у царині історії Церкви або ж усної історії.

Невдовзі І.І. Лиман отримав запрошення від О.Ю. Турія провести в грудні 2007 року в Інституті Історії Церкви Українського Католицького Університету семінар «Використання усних свідчень для дослідження історії православної Церкви на півдні України». У результаті І.І. Лиман мав можливість не тільки ознайомити львів'ян із перебігом своїх експедицій¹, але й, скориставшись гостинністю УКУ і безпосередньо пана Турія, упродовж кількох днів особисто ознайомитись із багаторічним досвідом фахівців Інституту Історії Церкви щодо фіксації та зберігання «живої історії» Української Греко-Католицької Церкви.

На початку 2008 року І.І. Лиман виконав функції рецензента книги М.М. Єременка «Українська Голгофа 1921-1923, 1932-1933, 1946-1947 (спогади очевидців, архівні документи та роздуми сучасника про три радянські голодомори)»².

Упродовж першої половини 2008 року І.І. Лиман і В.М. Константінова мали нагоду інформувати про деякі результати проведення експедицій учасників наукових конференцій «Нижньодунайський регіон у XV-XX ст.: історичні, етнічні та культурні трансформації» (Одеса-Тульча, 7-11 травня) (йшлося про проведені інтерв'ю з нащадками козаків Азовського козацького війська – переселенців із Нижнього Придунав'я); «Північне Приазов'я у філософсько-історичному та філологічному вимірі» (Бердянськ, 15-16 травня) (де була здійснена

¹ <http://www.ichistory.org/ukrsite/pages/seminar1d.php?id=665&1=1>

² Єременко М. Українська Голгофа 1921-1923, 1932-1933, 1946-1947 (спогади очевидців, архівні документи та роздуми сучасника про три радянські голодомори). – Чернівці, 2008. – 154 с.

спроба розглянути історію Північного Приазов'я, і, зокрема, його усну історію як складову історичної регіоналістики); «Усна історія в науковому дослідженні» (Запоріжжя, 23-24 травня). Найбільш плідною в плані обміну досвідом виявилась остання зі згаданих конференцій, організована Запорізьким національним університетом, Інститутом усної історії ЗНУ та Інститутом української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Виступивши і на пленарному, і на секційному засіданні, упорядники цієї праці водночас могли краще ознайомитись із підходами до вивчення усної історії, які існують у різних, репрезентованих на конференції, наукових осередках України.

У січні-лютому 2009 р. І.І. Лиман мав можливість удосконалення методології усної історії завдяки участі в Professorial Research Fellowship Program Центрально-Європейському університету (Будапешт), співпрацюючи із знаним фахівцем у цій царині, професором Маршою Сиферт (Marsha Siefert). Важливою складовою цього стажування стало читання публічної лекції «Вивчення релігійної історії і духовного світу населення мультиетнічного регіону: потенційні можливості усної історії» («Research on Religious History and the Popular Spiritual World in a Multiethnic Region: Potential for Oral History»).

Наприкінці лютого 2009 р. І.І. Лиман був запрошений прочитати аналогічну лекцію у стінах Санкт-Петербурзького державного університету.

У червні 2009 р. обидва упорядники цієї книги провели науково-методологічний семінар «Усна історія та її наукові можливості» в Інституті Історії України НАН України.

21-23 вересня 2009 р. В.М. Константінова взяла участь у воркшопі з міської історії Центру міської історії Центрально-Східної Європи (Center of Urban History of

East Central Europe), де виступила з презентацією саме усноісторичних досліджень, проведених на території Північного Приазов'я і безпосередньо Бердянська.

А двома тижнями пізніше на науковій конференції «Міфи і стереотипи в історії Польщі та України XIX і XX ст.» (Лодзь, Польща) В.М. Константінова виступила з доповіддю «“Свої-чужі?”: взаємні міфи та стереотипи в свідомості українського та польського населення Північного Приазов'я (за матеріалами історико-археографічних експедицій)».

Утім, якими б важливими не були контакти з фахівцями з усної історії та апробація результатів експедицій на різноманітних наукових зібраннях, основна робота все ж велася в стінах Бердянського державного педагогічного університету й безпосередньо в помешканнях респондентів.

Належало визначитись із колом інтерв'юєрів. Звичайно, з самого початку передбачалося, що до проведення експедицій будуть залучені студенти БДПУ. Питання полягало в тому, кого саме зі студентів університету задіяти. Беззаперечно, що це мали бути лише студенти-історики, причому такі, що вже мають якщо не практичну, то хоча б теоретичну підготовку щодо проведення інтерв'ю.

І.І. Лиман мав у розпорядженні магістрантів і студентів-старшокурсників, які повинні були писати під його керівництвом дипломні роботи. Аби підвищити зацікавленість цих інтерв'юєрів у проведенні експедицій, за спільною домовленістю їм були підібрані теми магістерських і дипломних, пов'язані саме з усною історією. Між іншим, для Бердянська, віддаленого від архівів і великих бібліотек, формування архіву матеріалів усної історії, яким могли б користуватися студенти при написанні своїх наукових та кваліфікаційних праць, є досить прийнятним виходом із ситуації. Це дозволяє при правильному підході забезпечити належну якість

підготовки студентських робіт, що відрізняються і актуальністю, і новизною.

Аби розширити коло інтерв'юерів і покращити рівень їхньої підготовки, І.І. Лиман об'єднав зусилля з В.М. Константиною. Вона мала своїх магістрантів і дипломників, які займались усною історією; до того ж, керувала практикою студентів-істориків. Задля досягнення найоптимальнішого результату було налагоджене взаємовигідне співробітництво. Було досягнуто домовленості, що спільними зусиллями формується архів, до якого матимуть доступ усі зацікавлені студенти.

Важливо було визначитися з генеральною сукупною групою, з критеріями вибору респондентів. З огляду на поставлені завдання, на територіальні межі досліджень, було вирішено опитувати лише осіб, не молодших за 75 років, які народились у Північному Приазов'ї або переселилися сюди в дитинстві чи юнацтві. В останньому випадку, ставлячи питання, слід було тактовно пояснювати респондентові, що інтерв'юерів цікавлять насамперед розповіді про той період, коли ця людина вже жила в Північному Приазов'ї, а її спогади про інші краї для інтерв'юерів важливі, якщо людина порівнює обряди, події, ставлення і т.д., які мали місце до і після її переїзду сюди. Причому під час опитування варто зосередитися на подіях і спогадах, які стосуються періоду до 1945 року. Задля гендерної репрезентативності, з огляду на сучасну демографічну ситуацію із суттєвим переважанням серед старожилів жінок, було домовлено, що серед опитаних кожним інтерв'юером мають бути присутні чоловіки. Специфіка тематики В.М. Константиною передбачала, що міські мешканці підходять для опитування лише в тому випадку, якщо вони дитинство та молодість провели в селі, а вже потім переїхали до міста. Утім, для проблематики І.І. Лимана цей критерій не був обов'язковим. Натомість було вкрай важливо, аби до числа респондентів потрапили

представники якомога більшої кількості конфесій і національностей.

З останнім критерієм тісно пов'язані критерії вибору населених пунктів, де мали збиратись усноісторичні свідчення. Крім очевидної необхідності приналежності цих сіл, селищ, міст до Північного Приазов'я (хоча в кількох випадках цей критерій порушений, що зумовлено переселенням респондента за межі під регіону вже в зрілому віці), повинні були бути представлені поселення не лише з українським населенням, але й такі, у яких переважають ті чи інші національні меншини. Важливо також, щоб були представлені населені пункти різних типів, оскільки заради репрезентативності був змінений первісний намір проводити опитування лише селян. Репрезентативність мала бути забезпечена і широкою географією охоплених населених пунктів у межах під регіону.

Треба було визначитись і з методами пошуку респондентів. Тут було вирішено віддати перевагу приватному, а не архівно-документальному чи інституційному методу, хоча й останній у ряді випадків застосовувався також. Такий вибір був зумовлений тим, що упорядники цієї праці свідомо зробили ставку переважно на проведення мобільних міні-експедицій, коли, як правило, одним-двома інтерв'юерами в одному населеному пункті опитувалося до двадцяти респондентів. Причому опитування в абсолютній більшості випадків доручалися тим студентам, які самі були вихідцями з цього ж населеного пункту (тут добре прислужилася специфіка контингенту студентів БДПУ, яка полягає саме в домінуванні представників сіл, поселень та міст Північного Приазов'я). Таким чином, певною мірою розв'язувалася проблема довіри респондента до інтерв'юера: люди почувалися набагато впевненіше й розкутіше, були набагато відвертішими з молодими хлопцями та дівчатами, які були, що називається,

«своїми», бо фактично зростали на їх очах. У деяких випадках студенти брали інтерв'ю у своїх бабусь, дідів, прабабусь і прадідів. Попри побоювання, що родичі не захочуть розповідати членам своєї родини деякі подробиці свого життя, саме ці інтерв'ю виявились одними з найбільш докладних і відвертих. Зовсім не так приязно ставились сільські старожили до «чужих», за яких вони часто мали заїжджих, не відомих їм раніше городян.

При виборі типу інтерв'ю було вирішено віддати перевагу інтерв'ю одноосібному, коли одночасно велося спілкування лише з одним респондентом. За кількома винятками, інтерв'ю проводилися саме віч-на-віч, без присутності третіх осіб. Винятком стали декілька опитувань, які потребували присутності перекладача з болгарської. Опитувались одразу двоє респондентів лише в тих випадках, коли вони категорично відмовлялись спілкуватись по одному. Разом з тим, досить скоро упорядники цієї праці відмовилися від поширеної практики проведення кожного інтерв'ю групою з двох осіб. За умови проведення опитування родичем або знайомим це сприяло досягненню в багатьох випадках ефекту задушевної розмови, коли наявність третього може лише відволікати, насторожувати та заважати, а не допомогти знайти підхід до людини і створити сприятливий мікроклімат. Аргументи ж прибічників інтерв'ювання саме двома особами¹ не є вельми переконливими. Адже передбачається, що один веде опитування і виконує, власне, функцію співрозмовника, до якого, в основному, і звертаються опитувані, а інший стежить за якістю аудіозапису, робить необхідні записи у блокноті (наприклад, прізвища або географічні назви, які

¹ Головка Ю. Настанови до проведення експедиційних опитувань // Усна історія Степової України / Запорізький край. – Запоріжжя: АА ТанDEM, 2008. – Т. 1. – С. XXXII.

можуть нечітко прозвучати в аудіозапису)¹. Утім, при наявності пристойних цифрових диктофонів завдання стеження за якістю аудіозапису й загроза «нечіткого звучання» останніх не є актуальними. Тож проведення інтерв'ю групою з двох осіб є доречним переважно в тих випадках, коли один із інтерв'юерів є досвідченим учасником експедицій і має на меті «продемонструвати клас» і водночас «побачити в справі» свого недосвідченого напарника.

За іншою типологією інтерв'ю, які планувалося проводити, мали відноситися до проблемних, тобто спрямованих на вивчення «переживання» людиною окремих історичних подій, ситуацій та явищ.

Нарешті, за характером питань інтерв'ю мали бути напівструктурованими, тобто за наявності запитальника вони містили відкриту фазу вільного оповідання. Причому інтерв'юери націлювалися на те, щоб ця відкрита фаза охоплювала якомога більше компонентів інтерв'ю.

Отже, узгодивши таким чином методику організації та проведення опитування, І.І. Лиман та В.М. Константінова вирішили не відкладати справу і вже в липні-серпні 2007 року скористатися студентською практикою, аби одержати перші інтерв'ю і, головне, апробувати і запитальник, і випрацьовані підходи, котрі в цілому виявилися достатньо адекватними і такими, що «спрацьовували». Водночас за результатами літньої апробації було внесено низку коректив і у формулювання запитань, і в методи проведення інтерв'ю. А головне, що аудіозаписи й транскрипти перших інтерв'ю прислужились як матеріал, на якому студенти вчилися не повторювати помилки своїх попередників. А таких виявилось ой як багато! Тому, перш ніж розгортати широкомасштабні опитування, упорядники цієї праці зосередилися на

¹ Там само.

інтенсивній теоретичній підготовці інтерв'юєрів, що зайняло весь перший семестр 2007-2008 навчального року.

Тут не було достатньо знань з історії України, спеціальних історичних дисциплін та інших предметів, які студенти вчили раніше. Не було достатньо й кількадечного «масованого» інструктажу. Тому і при проведенні консультацій з дипломниками й магістрантами, і в межах курсів «Історія Південної України», «Методологія та методи наукових досліджень», «Джерелознавство історії України» І.І. Лиман та В.М. Константінова акцентували саме на методиці організації та проведення інтерв'ювання. Фактично, упродовж чотирьох-шістьох академічних годин кожного тижня в університетських аудиторіях проходило обговорення напрацювань вітчизняних і закордонних фахівців з усної історії. Була сформована й постійно продовжує поповнюватися відповідна база даних. В її основу покладено література (і на електронних, і на паперових носіях), люб'язно надана колегами із Запорізького відділення Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, Запорізького наукового товариства ім. Я. Новицького, фахівцями секції усної історії Східного інституту українознавства ім. Ковальських, Інституту Історії Церкви Українського Католицького Університету, Центрально-Європейського університету; матеріали, виявлені в результаті систематичного пошуку в мережі Internet.

А після того, як наприкінці грудня упорядники цієї праці почали направляти інтерв'юєрів в експедиції, вивчення літератури стало поєднуватися з практикою обговорення результатів цих експедицій, коли не лише їх учасники, але й інші студенти та магістранти, залучені до проектів, аналізують транскрипти, слухають аудіозаписи проведених інтерв'ю, обговорюють, що можна було б зробити (або, навпаки, не зробити), аби одержати повнішу інформацію, допомогти респондентові краще «розкритися», пригадати давно підзабуті подробиці.

Щодо технічного забезпечення проведення інтерв'ювання, то учасники експедицій користувались як власними, так і придбаними упорядниками цієї праці диктофонами. Те, що різні міні-експедиції проводилися не одночасно, дало можливість якомога ефективніше використовувати наявний «технічний парк».

Їдучи в експедицію, кожен її учасник одержував роздруковану, складену упорядниками цієї праці «Пам'ятку», у якій містяться рекомендації щодо проведення опитування з усної історії. «Пам'ятка» включає широкий спектр порад, починаючи з суто технічних, організаційних і завершуючи психологічними.

Безумовно, упорядники цієї праці цілком усвідомлювали, що попри наявність цієї «Пам'ятки», як і попри всю проведену підготовку, у процесі роботи інтерв'юери будуть стикатися з цілою низкою складностей, причини чого полягають і в самій природі інтерв'ю, адже кожне з них є унікальною, неповторною двосторонньою комунікацією, творчим процесом, перебіг якого не можна точно «прорахувати» наперед, як не можна і заздалегідь визначити, користування якими конкретно техніками, прийомами і стратегіями призведе до одержання оптимального результату у випадку з кожним респондентом.

Оскільки записане на аудіоносії інтерв'ю є об'єктом спільного авторського права оповідача, інтерв'юера та установи, яку він представляє, кожен опитувач мав пропонувати кожному респондентові підписати угоду про зберігання та використання матеріалів інтерв'ю. Текст був складений за прикладом тексту угод, що використовуються секцією усної історії Східного інституту українознавства ім. Ковальських¹:

¹ Грінченко Г.Г. Усна історія: Методичні рекомендації з організації дослідження: Для студентів і аспірантів. – Х.:

*«Угода про зберігання та використання в наукових цілях
матеріалів інтерв'ю*

Бердянський державний педагогічний університет

м. Бердянськ « » _____ 200_р.

*1. Висловлюючи щиру подяку, Бердянський
державний педагогічний університет прийняв від
Прізвище, ім'я, по батькові*

Адреса _____

*аудіозапис інтерв'ю, записаного в рамках проектів
«Трансформації релігійності населення в умовах
полікультурного регіону» і «Феномен сприйняття
урбанізаційних процесів в селянській традиції».*

*2. Я підтверджую, що передав(ла) аудіозапис свого
інтерв'ю Бердянському державному педагогічному
університету для збереження й використання в наукових
цілях. Я передаю Бердянському державному педагогічному
університету усі права на використання аудіозапису мого
інтерв'ю за винятком наступних обмежень з
використання (якщо вони є)*

*3. Мені відомо про те, що при наявності питань
стосовно дослідницьких проектів «Трансформації
релігійності населення в умовах полікультурного регіону» і
«Феномен сприйняття урбанізаційних процесів в
селянській традиції» я можу вступити в контакт із
дослідником _____*

*Бердянського державного педагогічного університету за
адресою: БДПУ, корп. 1, вул. Шмідта, 4, м. Бердянськ.*

Інтерв'юер

Респондент»

*При підписанні таких угод уже вкотре прислужилась
практика проведення інтерв'ю із земляками та родичами,
адже відомо, з якою підозрою ставляться старі люди до*

підписання будь-яких документів, а особливо тих, які пропонуються невідомими їм особами.

Принципово важливо, що кожен інтерв'юер був зобов'язаний власноруч невідкладно, «по гарячих слідах», «по свіжій пам'яті» набрати транскрипт проведеного ним інтерв'ю. Загалом же, по завершенні експедиції (або експедицій, оскільки в багатьох випадках студенти проводили опитування впродовж кількох приїздів до населеного пункту) всі повинні були здати з кожного проведеного інтерв'ю теку, яка включає:

1. Касети (диск) з аудіозаписом інтерв'ю.
2. Дискету (диск) з дослівним транскриптом інтерв'ю (правила транскрибування кожен одержує заздалегідь, разом із «Пам'яткою»).
3. Щоденник інтерв'юера (складається після кожного опитування в той же день. У ньому інтерв'юер зазначає, як він дізнався про респондента, хто його з ним познайомив, як респондент зустрів (радісно, з готовністю відповідати, насторожено, вороже тощо), чи був хтось ще присутній під час інтерв'ю, у якій обстановці проходило інтерв'ю, які враження у студента залишились після інтерв'ю тощо).
4. Угоду про зберігання та використання в наукових цілях матеріалів інтерв'ю.
5. Фотографії респондентів.
6. Мемуари, щоденники, інші документи, надані респондентом (по можливості).

Після одержання кожної такої теки вже наставала черга І.І. Лимана і В.М. Константінової зв'язати відповідність аудіозаписам кожного слова в набраних транскриптах.

У результаті на квітень 2008 року в розпорядженні упорядників цієї праці вже був сформований комплекс джерел усної історії. Студенти і магістранти тепер могли завершувати свої дипломні та магістерські дослідження, а

упорядники цієї праці могли перейти до підготовки інтерв'ю до публікації.

Проблематика експедицій 2007-2008 років не дала можливості сконцентруватись на фіксуванні лише свідчень про Голодомор, на їх деталізації, на виявленні і спілкуванні саме з тими респондентами, які були свідками Голодомору. Тож постала необхідність і запису свідчень старожилів, раніше не охоплених опитуванням, і повторних вузькосфокусованих інтерв'ю з уже виявленими свідками.

Відповідні завдання розв'язувались під час реалізації проекту «Усна історія Голодомору 1932-1933 років у Північному Приазов'ї (за матеріалами історико-археографічних експедицій)», підтриманого грантом Президента для обдарованої молоді.

Підготовчо-організаційний етап цього проекту передбачав:

- вибір населених пунктів, респондентів;
- вибір типу інтерв'ю;
- розробку схеми інтерв'ю;
- розв'язання організаційно-побутових питань, пов'язаних із запланованими експедиціями;
- безпосередній інструктаж учасників археографічних експедицій;
- технічну підготовку апаратури для проведення інтерв'ю.

Наступний етап (проведення історико-етнографічних експедицій) мав полягати в:

- збиранні джерел з усної історії (опитуванні свідків Голодомору);
- транскрибуванні аудіозаписів інтерв'ю.

Етап систематизації зібраних джерел з усної історії Голодомору передбачав:

- звірення ідентичності транскриптів та аудіозаписів;

- уніфікацію оформлення транскриптів;
- упорядкування тек з матеріалами кожного інтерв'ю.

Нарешті, останній етап (публікація археографічного видання) мав полягати в:

- археографічному оформленні текстів-транскриптів джерел усної історії;
- підготовці науково-довідкового апарату (іменного та географічного покажчиків, переліку текстів-транскриптів, що публікуються, списку скорочень);
- макетуванні видання;
- публікації тому джерел з усної історії Голодомору;
- розміщенні електронної версії цього видання в мережі Internet.

Обумовимось, що фактично реалізація цього проекту, розпочавшись уже в січні 2009 р., багато в чому базувалась на методологічних підходах, які добре зарекомендували себе при підготовці і проведенні попередніх експедицій БДПУ. Найсуттєвіша відмінність полягала в тому, що опитування деяких респондентів було проведено двічі, з досить тривалим часовим інтервалом. Це дає ґрунт для низки досить цікавих спостережень стосовно до того, наскільки стійкими і важливими є ті чи інші спогади про події Голодомору для конкретного респондента, наскільки вкоріненими в його свідомості є ті чи інші оцінки, судження тощо. Це ж допомагає заповнити прогалини, припущені при проведенні першого опитування. Доречно згадати, що відповідна методика є далеко не новою; між іншим, до практики проведення повторного опитування досить часто звертався і вже неодноразово згадуваний вище Я.П. Новицький.

При визначенні кола респондентів було вирішено, що воно має включати осіб, які народились до 1931 р. включно і які в часи Голодомору мешкали на території Північного Приазов'я. Тут маємо зізнатись, що деякі наші

інтерв'юери настільки захопились, що порушили визначений принцип і провели опитування респондентів, які народились після 1931 р., але добре пам'ятають розповіді батьків про Голодомор. Такі інтерв'ю, містячи цінні, хоча й опосередковані, свідчення про події 1932-1933 рр., стали важливою складовою архіву кафедри історії України БДПУ.

При складанні запитальника були використані як питання, що вже давно апробовані запорізькими експедиціями, так і питання, що містяться в чотиритомному виданні «Великий голод в Україні 1932-1933 років» (Київ, 2008).

Тексти-транскрипції джерел усної історії, що ввійшли до цієї книги, складають три блоки. Перший – інтерв'ю з бердянськими старожилами, що стосуються безпосередньо 1932-1933 рр. Другий – фрагменти інтерв'ю з бердянськими старожилами, які, хоча й не включали запитання про Голодомор, але містять спогади про страшні події 1932-1933 рр. Третій – інтерв'ю з мешканцями інших населених пунктів, у яких Бердянськ згадується в контексті розповідей про Голодомор.

Для зручності інтерв'ю в перших двох блоках розміщені у відповідності з віком респондентів: першим розташоване інтерв'ю з найстарішим старожилом, останнім – з наймолодшим. У третьому блоці цей же принцип дотриманий стосовно до мешканців тих самих населених пунктів. Що ж стосується черги розміщення інтерв'ю, зібраних у різних населених пунктах, то тут упорядники надали читачеві змогу здійснити уявну подорож Північним Приазов'ям, поступово просуваючись із півдня на північ. Саме такий принцип розташування матеріалів про Голодомор у Північному Приазов'ї є найбільш виправданим. Адже географічно південним «кордоном» підregionу є Азовське море, завдяки фауні якого, згідно зі свідченнями старожилів, велика частина

населення й рятувалась від голоду. Тож саме з віддаленням від моря голод ставав усе масштабнішим. Такою була закономірність, яка простежується при вивченні зібраних усноісторичних матеріалів. Разом з тим, варто наголосити на необхідності не абсолютизувати зазначену вище закономірність і брати до уваги цілий комплекс інших, крім географічного, факторів, які визначали масштаби Голодомору в тому чи іншому населеному пункті чи в окремій родині.

Під час розв'язання проблеми уніфікації археографічного оформлення текстів-транскрипцій зібраних джерел усної історії упорядники цієї праці мали визначитись, який саме з «паралельно існуючих» на сьогодні підходів до передачі текстів і археографічного освоєння джерел найбільш відповідає поставленим завданням.

У плані усвідомлення проблем, пов'язаних з відсутністю єдиного підходу, дуже багато матеріалів для плідних роздумів упорядникам цієї праці дала, між іншим, участь у всеукраїнському круглому столі з обговорення проекту «Правил видання джерел усної історії»¹, який зібрав 11 березня 2005 року в стінах кафедри джерелознавства, історіографії та спеціальних історичних дисциплін Запорізького національного університету провідних фахівців у галузі архівознавства, фольклористики, археографії та джерелознавства. У результаті обговорення той проект зазнав суттєвих змін, з урахуванням яких був опублікований, на жаль, лише нещодавно².

¹ Сурева Н. Правила видання джерел усної історії (проект). – Запоріжжя: РА ТанDEM-У, 2005. – 20 с.

² Методичні рекомендації до видання джерел усної історії // Усна історія Степової України / Запорізький край. – Запоріжжя: АА ТанDEM, 2008. – Т. 1. – С. LV-LXV; Методичні рекомендації до видання джерел усної історії // Усна історія: теорія та практика /

Саме він і покладений в основу правил, використаних під час підготовки цієї праці, щоправда, із суттєвими модифікаціями. Адже, з огляду на намір зробити ці джерела надбанням не лише вузького кола спеціалістів, але і широкої громадськості, не було доречним транскрибування усних повідомлень науково-критичним методом у його розумінні авторами «Методичних рекомендацій до видання джерел усної історії». У той же час з огляду на орієнтацію видання *в тому числі* і на професіоналів, на необхідність краще зберегти інформацію усного повідомлення, не є доцільним припускатись до багатьох з тих спрощень, які пропонуються в «Методичних рекомендаціях...» для транскрибування усних повідомлень науково-популярним методом. Йдеться про запропоновану необов'язковість наведення транскрипцій запитань опитувача, потребу розподілу тексту на абзаци всередині однієї репліки тощо.

Симптоматично, що й самі розробники згадуваних вище правил і рекомендацій згодом, у процесі практичної роботи з підготовки до публікації матеріалів, усвідомили, що «попередні правила відірвані від реальності» і «не враховували силу-силенну ситуацій, якими рясніли розповіді»¹. Тому були розроблені «Методичні рекомендації до публікації науково-популярним методом усних джерел, зібраних археографічними експедиціями ЗНТН у 2000-2001 рр.»². Утім, тут рекомендується вносити

Упорядники А. Бойко, С. Білівненко, Ю. Головка та інші. – Запоріжжя: Тандем-У, 2008. – С. 78-93.

¹ Усна історія Степової України / Запорізький край. – Запоріжжя: АА Тандем, 2008. – Т. 1. – С. LXVI.

² Методичні рекомендації до публікації науково-популярним методом усних джерел, зібраних археографічними експедиціями ЗНТН у 2000-2001 рр. // Усна історія Степової України / Запорізький край. – Запоріжжя: АА Тандем, 2008. – Т. 1. – С. LXVI-LXIX; Методичні рекомендації до публікації науково-популярним методом усних джерел, зібраних археографічними

ще більші зміни в оригінальний текст транскрипції, які упорядники цієї праці теж не вважали за доцільне використовувати. Йдеться, зокрема, про рекомендацію у випадку, якщо респондент на поставлені запитання відповідає не розширено («так», «ні», «не пам'ятаю», «не знаю такого»), передавати запитання як складову його розповіді й нічим не виділяти таке запитання. Задля більшого збереження відповідності транскрипції, що публікується, аудіозапису інтерв'ю, упорядниками цієї праці не сприйнята і рекомендація, згідно з якою археограф самостійно здійснює впорядкування поданої в розповіді інформації за тематико-хронологічним принципом, об'єднує поодинокі згадки, обмовки, пригадування в логічні тематичні блоки.

Маючи за мету надати читачам можливість якомога глибше відчувати «атмосферу» кожного інтерв'ю, «поринути» в нього, прагнучи краще зберегти відповідність транскрипції оригіналу, упорядники цієї праці не збиралися приховувати «огріхи» інтерв'юєрів, їхню певну недосвідченість, іноді – неухважність, іноді – дещо формальний підхід до проведення опитування.

Таким чином, при підготовці цієї праці були дотримані наступні правила.

Кожне джерело забезпечено заголовком, який містить його загальну характеристику. У заголовку зазначаються:

- дата та місце проведення інтерв'ю;
- прізвище, ім'я, по батькові респондента;
- рік народження респондента;
- місце постійного проживання респондента на момент інтерв'ю;
- прізвище, ім'я, по батькові інтерв'юєра;

- назва установи, яку представляє інтерв'юер.

Текст поділено на слова та речення відповідно до норм сучасного українського правопису, але з максимальною передачею особливостей мовлення респондента (наприклад, якщо без великих пауз промовляється довга фраза, вона передається переважно одним складним реченням із застосуванням крапок з комою – /;/).

Текст однієї репліки на абзаци не розділяється.

Транскрипція запису інтерв'ю (запитань та відповідей) здійснена із застосуванням звичайних знаків пунктуації: звичайне твердження – /./, звичайне запитання – /?/, запитання з емфазою – /?!/, твердження з емфазою – /!/, незакінчена відповідь або різкий перехід до нового сюжету – /.../ та ін.

Уточнення під час розповіді, зроблені респондентом, беруться в круглі дужки /()/.

У квадратних дужках зазначаються зміни емоційного стану респондента – [сміється], [посміхається], [плаче] та ін., що безпосередньо впливали на пригадування та розповідь.

Пропущені при публікації фрагменти інтерв'ю позначені трьома крапками в квадратних дужках – /[...]/.

З етичних міркувань при публікації інтерв'ю низку прізвищ, згадуваних респондентами, подано у скороченні (наводиться лише перша літера прізвища, після якої ставляться три крапки в квадратних дужках). З цих же міркувань не публікуються ті місця інтерв'ю, які респонденти попросили не повідомляти. Хоча в багатьох випадках саме ці місця є вельми інформативними, знаковими.

Орфоепія мови зберігається. Передається специфічне поєднання української мови з російською (суржик), характерне для сільської місцевості Південної України. Відповідно зберігаються русизми, вимова українських слів на російський манер, для передачі яких застосовується

фонетичний принцип написання слів ([колхоз], [сахарь], [щігали], [фамілія], [єслі] тощо).

Усі власні, географічні назви, імена та прізвища, назви установ передаються за оригінальною вимовою респондента.

Пряма мова в розповідях респондентів зберігається і передається за нормами сучасного правопису.

Для адекватного сприйняття матеріалів інтерв'ю слід постійно мати на увазі, що усна історія за своєю природою великою мірою індивідуальна, суб'єктивна, і часто відбиває не реальну дійсність, а її сприйняття (згадування) респондентом. Саме з цієї причини немає нічого дивного в тому, що іноді спостерігаємо діаметрально протилежні свідчення різних осіб про ті самі події. Нічого дивного немає і в певній непослідовності, у неузгодженості між твердженнями одного й того ж респондента¹.

Запропонована назва книги має підкреслити, що опубліковані в цьому виданні інтерв'ю слід розглядати в комплексі з усноісторичними матеріалами, уміщеними в книзі «Усна історія Голодомору 1932-1933 років у Північному Приазов'ї (матеріали історико-археографічних експедицій)». Тим же часом, має місце певне перегукування з назвою збірки «Голодомор 1932-1933:

¹ Варіанти відповіді на питання, наскільки достовірними є усноісторичні інтерв'ю, як ці інтерв'ю можуть бути співставлені з іншими видами джерел дивіться, зокрема, у роботах Portelli A. *Oral History as Genre // Narrative and Genre / Ed. by M. Chamberlain and P. Thompson.* – NY: Routledge, 2001. – P. 37-40; Charlton T. *Oral History for Texans. – Second edition.* – Austin, 1985. – P. 35-37; Ritchie D. *Doing Oral History.* – NY: Twayne Publishers. – P. 6-8; Moss W. *Oral History: What is it and Where did it Come From? // The Past Meets the Present. Essays on Oral History / Ed. by D. Stricklin and R. Sharpless.* – Lanham-NY-London: University Press of America, 1988. – P. 8-11.

запорізький вимір»¹, що повинно привернути увагу і до тісного взаємозв'язку трагічних подій у Бердянську та в цілому в Запорізькому краї, і разом із тим до певної специфіки бердянського виміру Голодомору.

Упорядники цієї праці мають моральний борг подякувати всім тим, хто так чи інакше залучився до реалізації проекту.

Безумовно, що найбільша подяка адресується нашим респондентам, чий спогади без перебільшення є безцінними.

Щиро вдячні всім нашим студентам і магістрантам, які і виступили в якості інтерв'юерів, і зголосились передати на публікацію цієї книги кошти, отримані на проведення експедицій у рамках гранту Президента України для обдарованої молоді.

За багаторічну допомогу, підтримку та консультації дякуємо доктору історичних наук, професору Запорізького національного університету А.В. Бойку.

Вельми вдячні аспірантці кафедри історії України БДПУ І.П. Дерман, яка опікувалась складанням показчиків; кандидату філологічних наук, доценту В.М. Ліпич і кандидату філологічних наук, доценту В.О. Юносовій, які взяли на себе коректорські функції.

Дякуємо Ю.Ю. Королевській, Х.О. Сербіновій, М.В. Вовк, які виконали безліч «особливих доручень»; С.К. Акімову, який опікувався оформленням обкладинки.

І.І. Лиман, В.М. Константинова

¹ Голодомор 1932-1933: запорізький вимір. – Запоріжжя: Просвіта, 2008. – 320 с.

**ДЖЕРЕЛА
УСНОЇ ІСТОРІЇ ГОЛОДОМОРУ**

№ 1. – 2009 р., лютий 2. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Поповою Ольгою Іванівною, 1918 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Демко Наталею Анатоліївною (БДПУ).

Демко Н.А. (далі – Д.Н.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Попова О.І. (далі – П.О.) – Попова Ольга Ивановна.

Д.Н. – А девичья фамилия?

П.О. – А девичья Мэкк.

Д.Н. – Ваша национальность?

П.О. – Русская.

Д.Н. – Дата рождения?

П.О. – 18-й год.

Д.Н. – Место рождения?

П.О. – Город Бердянск.

Д.Н. – Какое Ваше образование и профессия?

П.О. – Образование у меня 7 классов и рабочий факультет нашего университета. [...]

Д.Н. – Как звали Ваших дедушку и бабушку?

П.О. – Дедушку, бабу – Анна и Карл.

Д.Н. – Какой они национальности?

П.О. – Они писались, бабушка – лютеран, а дедушка – католик. Это же национальность?

Д.Н. – Нет, национальность – это например: поляк, украинец, русский.

П.О. – Она была поляк. [...] Я бабушку помню, а дедушку я не видела. Только фамилия осталась. Ее была Потерик, фамилия. Потерик – это тоже польская, наверное.

Д.Н. – Откуда родом Ваши родители?

П.О. – Мама – город Чернигов, село Перелип Сочницкого уезду. Папа в Бердянске, родился в Бердянске. [...]

Д.Н. – Что Вам известно про коллективизацию?

П.О. – В коллективизацию мама поступила, когда папа уже умер, нас было четверо детей. Мама взяла соседского, у

которого умерли дети и дружил с моим братом, он попал в нашу семью и мы еще помогали на земле работать, брат, я и мама, и мы выработали, приготовили себе. На море они ходили, брали бычки, им давали эти, которые ловили, рыбаки, и тюлька и мы немножко начали пухнуть, а потом мама уже послала... надо уже какое-то мясо иметь, коровы у нас уже не было. Сбыли коров. И поэтому мы так жили очень просто, бедно. Но и мальчик тот, а брат и тот мальчик взяты на Финскую войну, когда они повзрослели, и они погибли там. Мы с сестрой остались.

Д.Н. – Ольга Ивановна, а когда Вы слышали слово «кулак»?

П.О. – «Кулак»? Это был тот, кто имел... имел две коровы и там или корову и лошадь, и это были кулаки, которые хозяйновали хорошо и они не голодали. Это были люди, которые очень хорошо умели работать и приобретать на свою семью, своими способами, индивидуальными. Ни у кого ничего не просили. Их называли кулаками, их выслали в Сибирь как тоже, как врагов народа, потому что они как были, как бы имели вот эти вот существование.

Д.Н. – Ольга Ивановна, а Вы помните Голодомор 1932-33-го годов?

П.О. – Да, это я помню. А мы уже тоже чуть ли не погибли. Мама работали на двух работах. В саду работала там, а потом в артели двигатели работала она. Там она убирала цеха и попадались... Там кузнечнопрессовый был, и потом там еще перерабатывали какие-то сукновалка, и мама там убирала все. И если какой уголек попадетсЯ ей при уборке, она его сохраняла и готовила себе топливо для нас. Вот, 32-й и 33-й год был действительно тоже очень ужасный, люди не имели хлеба, ничего, потому что забирали хлебные разверстку. Для чего, для кого не знаю. И обесточивали продукты среди той семьи, которая напасла на семью. Это правда. Это было, правда было. И 32-й и 33-й на той земле тошнило нам и желчь мы на этом поле прямо умирали. Нечего было кушать.

Д.Н. – Ольга Ивановна, что говорили про причины Голодомора?

П.О. – Причины: не созревание всех продуктов, которые садились, или годы такие были, или не знаю, у нас вообще не только в Украине и России, Россия в этих лаптях ходила и все, Средняя Азия была только с хлебом. В Среднюю Азию попадали люди.

Д.Н. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

П.О. – Борьба с голодом – это руки и голова, чтобы надо работать было. Чтобы ты не пропал. День и ночь работаешь, спишь 2 часа в сутки. Будешь при луне работать, будешь что-то кушать. Посадила я кукурузу, а она выросла в 20 см., а был дождь, намочил, а птицы эти: скворцы, вороны по одной этой кукурузине вырывали и на корнях была кукурузка, они это ели, а это все клали как-будто как человек все складывает. Причина та, что птицы были голодные и я не могла вырастить, хоть я выращивала продукты уже. Мне ж было сколько уже? Это мне было 14 лет? И я при луне выращивала помидоры, там и эту, картошечку, такую вот родила, картошка была как яйцо голубиное.

Д.Н. – Ольга Ивановна, а Вы слышали про закон о «Пяти колосках»?

П.О. – О колосках?

Д.Н. – Да.

П.О. – Закон был. Колоски нельзя было собирать. Пусть бы они гибли, но собирать не надо. Люди приспособливались, а колоски собирали, и дома их размлачивали и люди ели их. Кто уже там дежурил, вот как их там называли, с лошадьми ездили и плетками лупили, чтоб не собирали колоски. Кто это правил, кто это делал, я не могу сказать. Там был специальный объездчик или потом собирали их, мы не собирали эти колоски. Морковку ели, буряки сырые, потом выкапывали орешки земляные, потом кашку ели, с деревьев акацию кушали мы место конфетки. Цвет сладкий. Так мы и выжили. А кто

ленился, спал, лежал, ничего не делал, тот и помирал, а мы не померли.

Д.Н. – Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел? В города. Из села в город.

П.О. – Из сел в город? На фабрики и заводы?

Д.Н. – Да. Во время Голодомора.

П.О. – Они сами приезжали. Село ж опустело, не было зерна, они сами сюда приезжали, особенно молодежь, потому что тут культура немного была лучше, я имею ввиду в клубы могли приходить и участвовать в клубах, как я участвовала в клубе в синей блузе, мне было 13-12 лет. А я уже на сцене выступала и мыла там полы в клубе, и поэтому мне было возможность от директора получать какую-то пищу. Вдобавок к своей семье. [...]

Д.Н. – Ольга Ивановна, были ли Вам известны случаи нищенства во время Голодомора?

П.О. – Нищенства было много.

Д.Н. – А как относились к этим людям?

П.О. – Кто мог, давал. Мы всегда хоть не было, а поделишься и дай человеку, если он пришел к тебе. Это, между прочим, я читала Библию, там кое-что много можно подчеркнуть. [...]

Д.Н. – Ольга Ивановна, можно было в это время покинуть свою местность и пойти на поиски еды и работы?

П.О. – Я ездила вот в наш... Когда меня... я поехала, чтоб мы немножко обогатили свою жизнь.

Д.Н. – А были ли в то время, кто не голодовал?

П.О. – Кто не голодовал? Были, это те люди, это те кулаки. Их не надо было трогать. Надо было по ним равняться и не трогать с места его нахождения, где он накопил свое семейный очаг и накопил все. Он бы поделился с соседом, который имеет много семьи.

Д.Н. – Были ли в это время базары и места, где можно было что-то купить?

П.О. – Были базары. Открытые базары. Там была самая большая камбала была 3 рубля. А сейчас она стоит 100 рублей.

Д.Н. – Кто там торговал?

П.О. – Бабушки, дедушки, рыбкой торговали. И там всякой мелочь, там чеснок, там лучок, там туда-сюда, и кто это выращивал, и кто это продавал – накопийл свои средства. В государстве ничего не брали, это уже те люди, это золото страны, не надо брать, пускай они вырабатывают, чтоб они не вырабатывали, а это идет в благо всего находящегося в том месте, где есть кулаки и есть богачи. Это хорошо, он не возьмет себе в могилу, останется, и кому-то будет пусть даже не родственникам, а пусть будет кому-то, но оно не погибнет его труд. [...]

Д.Н. – Ольга Ивановна, Вы знаете, сколько людей умерло в Бердянске во время Голодомора?

П.О. – Многие умерли. У нас, там, где я жила в Колонии, пухли и умирали.

Д.Н. – Какую официальную причину смерти указывали в документе?

П.О. – Недомогание, в связи исходом от того, чего-то они не могли приобрести себе или больные были или чего, те люди умирали, слабые люди умирали.

Д.Н. – Что делали с умершими во время голода?

П.О. – Что делали? Людоеды были такие и еще оно не умерло, их убивали и доедали, были такие и пирожки делали, и ото все такое делали. Это было безобразие только, это не при Брежнев было.

Д.Н. – Если после смерти родителей оставались дети, что делали с ними?

П.О. – Вот мы взяли одного мальчика, о котором я говорила, вот. Он был очень хорошим мальчиком. Они погибли с братом.

Д.Н. – Так люди помогали друг другу и делились продуктами?

П.О. – Да.

Д.Н. – А как местное руководство объясняло то, что происходило?

П.О. – Ну, они сами были не такие уж больно грамотные, что происходило с ними. Им довелось до кормушки добраться, они ели и молчали.

Д.Н. – Как сами люди объясняли эти события?

П.О. – Как люди объясняли эти события? Что вот кулаков то убрали? А эти не справлялись ни с чем и хаты и на огороде он не умеет вырастить тот продукт, который нужен был. [...]

Д.Н. – Как потом вспоминали и в связи с чем события Голодомора в Вашей семье?

П.О. – Голодомора в нашей семье... Потому что мама работала еще на второй работе в магазине. Когда она убирала, ей позволила завмаг собирать вот эти вот все там недоеденные мышами, вот эти хлебные корки там и крыточки. Все мама в фартушке приносила, высыпала на стол и говорит: «Выбирайте мышиные пометы». И делала нам тюлю. И поэтому мы вышли, в финал ее трудовой деятельности. Финал голодовки как таковой. Мы начали... у нас мама испугалась и пошла, и она 2-3 часа спала в сутки.

Д.Н. – Помните ли Вы голод 21-го, 46-го годов?

П.О. – 21-й – это мне было 3 года. Была у нас соседка хорошая, и вот в этот голод, значит 21-й голод, она стакан молока давала. А мама там тоже убирала, тоже зарабатывала этот уголек, там складывала, это ж тепленько нам было. А мы камышом топили, травой топили плитку. Мама старалась все, а один дядюшка взял и вывез там, вывез этот уголь себе, украл. Мама плакала. Ну, кому жалится? Некому жалится. Мы остались, опять листиками топили, веточками топили. Потом подсолнухами топили, вот этими стволиками. [...]

Д.Н. – Ольга Ивановна, а голод 46-го Вы помните?

П.О. – Помню, 250 рублей булка хлеба. В связи с тем, что я хорошо работала, когда меня сделали антисоветской,

сделали меня это имя. Я попала за антисоветскую деятельность, а я только работала пионервожатой. Это не посмотрели ничего. Не посмотрели, что дедушка 9 месяцев плавучей тюрьмы. Не посмотрели, что муж на фронте. Не посмотрели, что бабушка старенькая и воспитывала моего ребенка. Оставили, потом они уже приехали ко мне на помощь.

Д.Н. – Еще раз расскажите, куда Вас выслали?

П.О. – Я сначала попали в спецлагерь.

Д.Н. – Это в каком году?

П.О. – В 46-м году. Попали мы в шахту. Шахта, где добывают уголь. Сибирь, за Новосибирском [...].

Д.Н. – Как относились к вере Ваши родители?

П.О. – До 29-го года они ходили в церковь с нами в Покровскую церковь, где все дети наши крещенные и дочь моя крещенная, и эти крещенные все, и внуки крещенные. Вот где водопровод стоит, там была Покровская церковь большая, красивая, хорошая, а после 29-го года то голодовка, в церковь надо нести что-то, а что понесешь? Ничего не понесешь, кроме того, что мы кушаем траву эту. Жуткое время было. Уже не стали, отвыкали от церкви. Даже колокола снимали и церкви поломали все, прямо разрушили до земли. [...]

Д.Н. – Как праздновали Масленицу?

П.О. – А Масленицу – самое хорошее дело. Блины ели сколько хотели, но когда голод был, такого не было. Голод был – все были голодные. Очень редкий процент был, чтоб были сытые. [...]

№ 2. – 2009 р., вересень 2. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Лук'яненко Євдокією Антонівною, 1918 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Магомедовою Саніят Селімханівною (БДПУ).

Магомедова С.С. (далі – М.С.) – Назовите свою фамилию (и девичью), имя и отчество.

Лук'яненко Є.А. (далі – Л.Є.) – Девичья, да? Лукьяненко Евдокия Антоновна.

М.С. – Какого Вы года рождения?

Л.Є. – 18-го.

М.С. – А где Вы родились?

Л.Є. – Я родилась в селе Карла Маркса.

М.С. – А какой район и область?

Л.Є. – Бердянский район.

М.С. – А какое Ваше образование и профессия?

Л.Є. – Сем классов. Профессии нема никакой. Сем классов кончила и пошла работать. [...]

М.С. – Как звали Ваших родителей?

Л.Є. – Антон Гордеевич и Фрося Ехфимовна. Матір і батька так моїх.

М.С. – А какой они были национальности?

Л.Є. – Вони? Я українка, он українець. [...]

М.С. – А с какого года Вы здесь живете?

Л.Є. – А здесь пять год я вже живу. [...]

М.С. – А каким было хозяйство Вашей семьи?

Л.Є. – У матері коровка була и поросьонка держала. А у мене тоже як я жила в сели, тоже коровка була и поросьонок був. Я работала тоді в колхозе. І муж у колхозе работав. А в 30-є годи, я ж с 18-го, я в школу ходила. Я сьомий клас кончила. Маме помогала. Коли вийду на роботу, коли ні. У бригаде работала на рядових работах. Ну, загрибала, то полола там. Хлопок тоді був.

М.С. – А как появлялись колхозы?

Л.Є. – Ну, як появлялись? У 29-м годі була колективізація, появлялись колхозы. У 29-м годі все позабирали. От. Була коровка, вони забрали. У нас дев'ятеро дітей. Коровку забрали. Все вони в колхоз, колхоз забрали.

М.С. – А люди туда хотели идти добровольно?

Л.Є. – Не, не хотелі, но надо. А шо ж зробиш? Надо.

М.С. – У Вас тоже забирали хозяйство?

Л.Є. – Ну, в мене коровка, у нас коровка була. Я ж з батьком жила, з матір'ю. Коровка була, оце і все. Правда, в їх було господарство яке? Землі скільки там, я вже і не памню скільки в їх землі було, в батька і в матері. Ото землю забрали, господарство забрали. Конячка в батька, матері була одна. Ми спрягалися там з господарями, сусідами, їздили на степ, повбирали, молотили на току дома. Це ж реб'яком я була, з родітелями. А вже як я вийшла заміж у етому, в 41-м році, в війну я вийшла заміж. [...].

М.С. – Вы не знаете, что было с теми людьми, кто не хотел идти в колхоз?

Л.Є. – Не знаю, не знаю. Я ж тоді молода була. Багаті були, їх ото виселяли. Ну, тоді як їх за Маріуполь вивезли, там бросили, і вони там жили.

М.С. – А когда началось раскулачивание в Вашем селе?

Л.Є. – У нашом селі раскулачиваніє... Ну, колективізація почалась у 29-м році, от, ну, тоді, видно, і раскулачивали. Я вже і забула.

М.С. – Были в Вашем селе комитеты бедных крестьян?

Л.Є. – Нє, в нашом селі не було.

М.С. – А когда Вы впервые слышали слово «кулак»?

Л.Є. – Та то ще давно уже. Я вже не памню.

М.С. – А что Вы понимали под этим словом?

Л.Є. – Ну, багаті. Люди багаті, і називали їх кулаками. А кулаки ми розуміли так: це чоловік спав на кулаку і должен бути богат. І їх називали «кулаками». На кулаку спав і був багатий.

М.С. – А что Вы помните о Голодоморе 32-33-го года? Чем питались, как одевались, как Вы жили?

Л.Є. – Ми пігались, траву рвали. У нас в огороді, там возле балки, там були різні трави. Ми траву рвали, запарювали різні трави, вишивкой, це труба називали, вишивкой затолкали ето, наліпили ліпешки, коржики називали, коржики називали. І на кружках, на плиті пекли, їли. Голодовка страшна була, страшна. Пухли були, пухли. У нас брат був пухлий, Василь, дуже пухлий. Він совсім

опух, і сестра була пухла. А я не була пухла. Я старша була, і Маруся ще в мене була старша. Ми ж працювали, нам більше хліба давали. Дома, дома ділили. Ану дев'ятеро дітей, їм нужно поділити. А ми працювали, нам більший кусочок хліба, а те хто не працював, то тим уже може і не попасти.

М.С. – Было такое, что люди ели людей?

Л.Є. – Не, я такого не помню. Такого я не помню. А етіх, собак їли.

М.С. – Что говорили о причинах голода?

Л.Є. – Ну, что говорили? Ну, от эта ж, колективізація. Все забрали, іскусственный голод зробили. Забрали все в людей, і колективізація була, в 29-м годі колективізація, а то в 30-х, 33-х вже начали голодовка, потому шо в людей все забрали, все. Все шо було зерно... Люди поховали зерно в стінах. О, а вони ходили, как їх там називали... партійні чи комуністи, вже не помню. І ото пробивали стени, зерно звідтіля витікало, з стен, і хліб звідтіля забирали, і везли туди, де їм надо. Люди прятали зерно, еду. Люди як почули, шо вибирають, і давай прятать, давай прятать. І все равно палили, бухкали комуністи, бухкали, бухкали. Ага, де есть воно – такий глухий звук. Зразу пробивають, а звідтіля пшениця, шо поховали. І зразу забирають, і все. [...]

М.С. – А в огородах что люди садили?

Л.Є. – А в огородах... огородик був небольшой, кукурузу садовили, картошку садовили. Садилі картошку, буряк, моркву.

М.С. – Кто приходил, забирал скот, зерно?

Л.Є. – Комуністи.

М.С. – Как это все проходило?

Л.Є. – Проходило скандалом, нічьо не могли люди сделать. Онi подчинялись.

М.С. – А как коммунисты объясняли такое поведение?

Л.Є. – В колхоз надо. В колхоз собирали. Все в колхоз. Організовивались колхозы, і ото в колхоз все забирали.

М.С. – Были люди, которые не хотели отдавать в колхоз хозяйство?

Л.Є. – Були такі, що не хотіли отдавать. Не знаю, що вони їм робили, но були такі люди, що не хотіли. Но тоді таке врем'я було, що люди були такі запугані, усе боялись. Все боялись, вони запугані. Шо там балакать?

М.С. – Что было с теми, кто сразу пошел в колхоз?

Л.Є. – Нічого не було. Просто жили, работали, получали, трудодні писали. Гроші нічо не давали. Палочка – це трудодень. Ото одробила, записали мне трудодень. Да, а в кінці году вже... даже не каждый місяць, а в кінці году, там я заработала триста трудоднів, ото стіки причитається, чи по двісті, чи по триста грам зерна, по пійсят копійек на трудодень, от ето ми в кінці году получали. А до кінця году ми нічо не получали. Ми работали, нам нічо не платили. Палочки писали, трудодні називались тоді раньше, трудодень. А в кінці году, шо там, я знаю, було по триста грам на трудодень зерном давали і по пійсят копійек на трудодень давали. Ну, примерно у нас, я работала на рядових работах, то хлопок полола, то буряк пололи, то кукурузу пололи. Он у місяць триста трудоднів, от і щитай, по рублю, по пійсят копійек і по триста грам зерна. Ето наш доход був. Как можно било жить? Плохо.

М.С. – Забирали у тех людей, которые пошли в колхоз, зерно?

Л.Є. – Не, такого не було. Де було багаті такі люди, кулаки, багато вони жили – забирали, да. А так у нас сім'я була большая, детей багато, хліба не багато, в нас не забирали. В нас не забирали.

М.С. – Были случаи укрывательства еды? Что делали с такими людьми, когда находили их тайники?

Л.Є. – Нічо, в нас нічо. Зерно прятали в стенках. Нічо не робили. Забирали.

М.С. – Вы слышали о «Законе о пяти колосках»?

Л.Є. – Було таке. І ми ходили, куди ж там не ходить? Я сама старша в сєм'є, а ті всі менші й менші. Ходили

колоски собирали. Пока ніхто не відел. Було, було таке. Собирали. [...] Ну, жизнь це важна була, це важна. То шо в трудовень палочку запишуть, а нічо не дають, тіки в кінці году. Чим же надо жить, чим надо жить до кінця года. Ото з огорода. З огорода, тоді вже колоски ходили собирали. Хто як мог, той так робив. А такого щоб словили за колоски, такого не було. Ми прожили на Карла Маркса, це в нашому Бердянському районі, там під Берестовой.

М.С. – Как люди выживали во время голода, чем питались?

Л.Є. – От так и выживали. От як ми вижили. Я ж тобі кажу, шо коржики пекли з лободи, вишивкою, де найдем з труби, затовчемо, наліпемо прямо на печке, на кружках. І прямо там пекли коржики і їли. І то ділять по коржику, іногда і по два коржика. Траву їли. Много травы їли, много.

М.С. – Были случаи нищенства, люди попрошайничали?

Л.Є. – Були, були.

М.С. – Как к ним относились?

Л.Є. – Ну, нічого. Люди как: у кого еслі есть, то дає; еслі в чоловіка нема, він сам ні в кого не просе. А так давали люди. Жалко било.

М.С. – Кто были эти люди?

Л.Є. – Наші були. Более-менеє такіє ніщіє були.

М.С. – Можно было покинуть свое село и пойти в город работать?

Л.Є. – Ні. Село не паспортизіровано, а в городе не прінімают без паспорта. А в нас у селі не дають паспортов. Ми там і мучалися. Де село паспортизіровано, то, може, и можно, а в нас не було паспортизіровано, паспортов не давали, а в город без паспорта не брали. Так и жили, выживали.

М.С. – А были люди, которые не голодовали в то время?

Л.Є. – Билі, билі. Большинство люди то такі, які более-менеє зажиточні. А щас такі зажиточні! А тоді зажиточний, еслі коняка есть. Щас пожалуста, машини, все, і вони не зажиточні. А тоді люди мали коняку – і вже

зажиточний, коровка – вже зажиточний. У кого було что-то, считали багатим.

М.С. – В 30-е годы были рынки или места, где можно было что-то купить или выменять?

Л.Є. – Нет, в нас не було. Не було такого. От это село прям під Берестовой, так і називається – Берестова, Миколаєвка. От это ми там жили.

М.С. – Как в это время выживали люди в селе?

Л.Є. – Плохо. Ото з огорода. Огород возле дома, там картошечка, буряк, кукуруза. Городів тоді чималенько. Тоді було по гектару городи були, по 70 сотих. Садовили картошку. З огородів виживали. Тіки з огородів.

М.С. – Как вы думаете, где легче жилось людям: в селе или в городе?

Л.Є. – Тоді легче жилось у городі, а в селі надо больше работать. В селі тяжеліше жилось. Того шо у городі тоді хоть чуть-чуть та платили. Копейки якісь, тоже ж плохо було. А в селі нічо ж не платили. Ми цілий год работаем, нам нічо не платять, нічого! [...] В городе хоть немношко платили. От моя там подруга жила, тоже трудно було, ну, платили. Ті 30 рублів, но платили. [...]

М.С. – Что писали в документах, от чего люди умирали?

Л.Є. – Були і болєзні, були і от болєзні. Були и пухли, і умирали от голоду. Були пухли. Нічого їсти було, і ото пухли, вмирали. Багато їх повмирало. Возле дворів умирали. І такі були. [...]

М.С. – А люди делились продуктами, помогали друг другу?

Л.Є. – Помагали, помагали. [...]

М.С. – Как местное руководство объясняло то, что происходило?

Л.Є. – А шо воно там об'ясняло? Нічо воно не об'ясняло. Люди самі знали, шо такий період настав: хліб забрали, раскулачили, вигнали, а ми бідняки остались. Нічо. Люди знали, шо іскуственный голод. Виживали хто як мог.

М.С. – Ваша жизнь во время голода изменилась?

Л.Є. – Після голода. А во время голода нічьо. Дев'ятеро дітей, ми голодні були, пухлі були. Я-то не була пухла, я сама старша була. А у нас такий порядок: старші повинні працювати. От. А працювати? Колоски піді збирай, загрибай за гарбами, ага, скирдуй ото іди в колхоз. [...]

М.С. – А Вы голод 21-го года знаете?

Л.Є. – Ні, 21-го я не знаю. Мені три роки було.

М.С. – А 47-го?

Л.Є. – 47-го я знаю. В мене син 47-го рождѐний, я знаю. 47-й я знаю. [...]

М.С. – Вы работали тогда?

Л.Є. – Да, я работала тогда. [...] Тоже недоїдали, недоїдали, голод був.

М.С. – Из-за чего голод был в 47-м?

Л.Є. – Кажуть, не вродило. І війна єщѐ була. [...] Но в 47-м голод не такой бил, як в 32-м. [...]

№ 3. – 2009 р., лютий 9. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Черненко Пелагесю Назарівною, 1922 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Буриліною Наталією Валеріївною (БДПУ).

Буриліна Н.В. (далі – Б.Н.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество (девичью фамилию). Национальность.

Черненко П.Н. (далі – Ч.П.) – Билад Пелагея Назаровна.

Б.Н. – Дата рождения?

Ч.П. – 1922 год, 11 марта.

Б.Н. – Место рождения (какое именно село, район, область)?

Ч.П. – Село Елисеевка, Приморский район.

Б.Н. – Какое Ваше образование и профессия?

Ч.П. – Четыре класса, работница. На фабрике работала, просто работница.

Б.Н. – Как звали Ваших отца и мать, деда и бабу?

Ч.П. – Отца знаю и мать, а бабушку и дедушку нет. Мама – Елена Григорьевна, а папу звали Назар Яковлевич.

Б.Н. – Какой они национальности?

Ч.П. – Украинцы.

Б.Н. – Откуда родом Ваши родители, Ваши предки?

Ч.П. – Тоже из села Елисеевки. [...]

Б.Н. – С какого времени Вы живете в этом населенном пункте?

Ч.П. – В Елисеевке я родилась, с 22-го года, а в Бердянске с 29-го года. [...]

Б.Н. – Что Вам известно о коллективизации?

Ч.П. – Не помню, в город переехали.

Б.Н. – Когда Вы впервые услышали слово «кулак»? Кого понимали под этим словом?

Ч.П. – Кулак? Там раньше были лошадка и коровка – то уже кулак. Считался если богатый, то кулак.

Б.Н. – Помните ли Вы Голодомор 1932-1933 годов?

Ч.П. – Да, это я помню. В 1933-м году мой папа умер.

Б.Н. – Что говорили о его причинах?

Ч.П. – Я же маленькая была, что там говорили... Голодали мы, нечего кушать было, ни хлеба, ничего. Голодные были. И в 33-м отец умер от голода. А мы с 32-33-й как-то выживали, море нас спасало. А еще маленькие ж были и бегали аж на Верховую, на море, и там-то бычки собирали. Весной, когда щавель конский зеленел, его собирали. А так много помирало. [...]

Б.Н. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

Ч.П. – Гоняли, судили за то, что собирали колоски.

Б.Н. – Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

Ч.П. – Сами переезжали. В основном молодежь ехала в город. А те сельские старые как-то держались в селе. Когда вот это в 29-м году колхозы забирали, тогда люди тикали.

Б.Н. – Что они делали, как они находили работу в городе?

Ч.П. – В город переезжали без документов, потому что в селе не давали документы на переезд в город, а принимали... отец работал в винсовхозе, колония, там принимали без документов. И он устроился туда, там и жили в колонии, пока он не умер в 33-м году.

Б.Н. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

Ч.П. – Мы побирались, когда голодовка. И мы ходили со старшей сестрой побирались. Бывало, рыбаки что-то дадут, люди шкурки с картошки давали, с капусточки. И мы рады были! И мама не готовила, а положит на сковородку эти шкурочки и мы кушали [плаче].

Б.Н. – Как относились к этим попрошайкам, откуда они были?

Ч.П. – Неплохо. Кто давал что-то, а кто-то и кусочек хлеба выносил. Но никогда ни на кого не кричали, не били, не грубили. [...]

Б.Н. – Были ли те, кто не голодал? Кто они были и как они жили?

Ч.П. – В то время, может быть... может быть, были такие, но большинство голодали.

Б.Н. – Существовали ли в это время рынки или места, где можно было что-то купить, выменять?

Ч.П. – Было, но не помню, где золото, как оно называлось [замислилась]. Где золото можно было выменять, кушанья. Только те, у кого было золото. Мы, школьники, могли туда заглядывать. Турчин! Это песня была «По магазинам по турчинам, масло, сало, колбаса, а у нашем турчине завонялась камса». [...]

Б.Н. – Как в это время выживали люди в городе?

Ч.П. – Ну, выживали в основном рыбаки, а так бедствовали. Много, много умирало.

Б.Н. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе? Почему?

Ч.П. – В то время везде было трудно, и в селе нечего было кушать и в городе. [...]

Б.Н. – Что делали с умершими во время голода?

Ч.П. – Хоронили в общих могилах. Вот яма выкопана на кладбище и всех туда ложат. Моего отца так хоронили. У меня брат старший вот так хоронил, повез на кладбище, а ямы не копали, ничего. Так он в общей яме подрыл так и в сторону положил. Тогда ж не гробов не было, ничего. Так в одеялко... и положили. [...]

Б.Н. – Помните ли Вы голод 1946-го года. Что помните? Расскажите подробнее.

Ч.П. – Помню, помню. Я тогда работала. Очень трудно было с харчами. Нам тогда давали поечек и хлебушка по пол кило, и такой как тесто. Я тогда работала, дадут пол кило и идешь, щипаешь, пока не скушаешь. А детям давали по двести грамм. А больше ничего такого не было. Это в 47-м году уже летом, весной, когда огороды уже посадили, и тогда уродила кукуруза, фасоль, тогда легче было. [...]

№ 4. – 2009 р., лютий 3. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Северин Ольгою Семенівною, 1923 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Демко Наталею Анатоліївною (БДПУ).

Демко Н.А. (далі – Д.Н.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові.

Северин О.С. (далі – С.О.) – Северин Ольга Семенівна.

Д.Н. – Дівоче прізвище?

С.О. – Вареник Ольга Семенівна.

Д.Н. – Ваша національність?

С.О. – Українка.

Д.Н. – Дата народження?

С.О. – 1923-го года 11 мая.

Д.Н. – Місце народження?

С.О. – Нововасильівка.

Д.Н. – Яка Ваша освіта і професія?

С.О. – Тоді у нас освіта була 7 класів, а 8 класів я закінчувала у лікбезі нашому. [...]

Д.Н. – Звітки родом Ваші батьки?

С.О. – Бог його зна. Все-таки папа говорив, що нас населяли, нас донськи казаки називали, а потім же. Бог його знає. [...]

Д.Н. – З якого часу ви живете в Бердянську?

С.О. – Я живу з 46-го года. [...]

Д.Н. – Яким було господарство Вашої родини в часи Вашого дитинства?

С.О. – Це ж довоєне в нас, так? Занімалися, як і всі хлібопашеством.

Д.Н. – А худоба, птиця була?

С.О. – Жило три брати вмісті, в хатинці невеличкій. Старшому брату (папа був середній, менший був ще), а старшому построїли... гектар був города... хатинку з самана, камишом накрита була – одділились. А спали як? В одній хаті. Оце як поженилися вже, папа женився й брат женився, одна хатина була, от такий був пол на всю хату, каждая сім'я отгороджувалася ряднами. От як ми жили. Я ще помню, як на тім полу старший брат на одній половині своєю сім'єю спав (в нього четверо дітей було), папини посередині (нас вже було четверо), менший брат – один тільки хлопець був в нього. Тоді взяли, давайте ж розкидається, куди ж можна жити в одній хаті?! Це ми зараз живемо кожний в своїй спальні, а тоді пол був такий, як кровать, дерев'яні доски, отгороджувалися ряднами. Дедушка й бабушка спали на печі. Піч була одна на всю хату: і варили, й пекли, й топили піч. Оце от так. Тоді меншому брату, один алкашок: «Іди мене до смерті докорми, я тобі оставлю свій курник». Отділилися, папа остався в цій хаті. Тоді вже ж начали... Сім'я була очень дружна, один одного не откидав. У старшого брата батько, це дедушка мій, отдав коня, а нашим папа говорив, якісь товарищ з Берестовой лошонка подарили, та лошиця вже вийшла мамою, і вона родила собі лошонка. Уже в нас дві

було конячки на сім'ю на ету. Троє барашок було, щоб
чулки та таке в'язали. Гусей не було в нас, бо річка далеко
була, одні кури були і все. Даже я помню. [...]

Д.Н. – Чи люди хотіли добровільно йти до колхозів?

С.О. – У колхоз? Наші йшли добровільно. Труженики було
страшно, тоді як у нас зараз... [...] Давайте когось будемо
розкулачувать (це ж до війни ще було). Кого ж будемо
розкулачувать? Давайте труженіков возмемо. Попався
папа, вони ж тоді в колхозі не були, як оце розкулачували,
тоді такі совхози були, а в совхозах лодарі робили, а
завідували труженікам. Щоб нам не було соромно, що ми
лодарі, давайте ми евакуйруємо їх де-небудь. І з нашої
сторони, української, було папа мій з колхоза, з «Труд
Іліча», це жнеколхоз, а тоді совхози і артелі називали, там
ще двоїх всіх в кучу, з другої сторони цих, що
«Комінтерном» там не найшли, тоже ледаченьки такі були
люди, не найшли, щоб вислать їх на виселку. А в колхозі
«Сталін» там тільки організовувалися, дуже робочі люди
були.

Д.Н. – Що було з тими, хто не хотів йти до колгоспів?

С.О. – Я не знаю. У нас один дядько на нашому краю не
хотів в колгосп іти і йому продали й хату забрали, і лошадей
в нього забрали, і брічку все таке забрали. А наші хотіли в
колгосп і вступили. Є, но їм не інтересний, що роботящий.

Д.Н. – Коли почалося розкуркулення?

С.О. – У 29-м году. [...]

Д.Н. – Кого Ви розуміли під словом «куркуль»?

С.О. – Бог його знає... «Куркулями» тоді називали чи
багатих, чи я не знаю. Ну, ми оце в 29-м году забрали все з
дому і лошадку цю забрали, лошонок був, барашок
порізали, три ж барашки було, курей забрали, забирали в
нас все где що було у хаті, все забрали. І ще я помню, коли
вже на виселку нас стали висилать, мама взяла, сумочка
була в неї чи з мукою, чи з крупною якою, не знаю, а тоді ж
такі багаті були, в кожухах ходіли. Знаєш, що це за кожух?
Кожух це з барашки такий. Вона ж от то в кожуху стояла,

за пазуху положила, це ж я своїми очима бачила. Заходе там у нас Расторгуєв [...]. І взяв от так, як открив мамі кожух і цю сумочку взяв. Мама: «Дітям остав. Діти ж, ви бачете, голодні і босі». Не було ні лохманини, в чому ми стояли, в тому і zostалися. Через нескілько днів під'їжає підвода, дощ був, помню, як сьогодні, і нас починають викидати із хати на виселку. Начали плакати, а бабушка zostалася, бабушка ще жива була. І я помню цей випадок, ніколи не забуду. Мені навіть впрекав цей [...] Расторгуєв, ярий був, все забирав, в хаті не було нічого, такий ярий. Мама пішла, я вже виходжу, а він мене тягне, а у нас в дверях де закривалися, тоді ж не закривалися люди, не крющочок, а як тобі, ну, туди, де ставлять двері. І я вцепилась цим пальчиком [показує] за цей, а він мене тяне, а я кричу, що «Куди ви мене тягнете?» А підвода, вже маму погрузили, дітей (це ж нас п'ять дітей було) вже грузять, одна я zostалася – не хотіла з хати виходити. І він мене тягне. Як схватила молодими ж зубами, і всю шкіру йому передерла на руках. І він мене бросив, і вже тоді папа: «Іди. Ти ж все равно не зостанешся одна». Кинули нас в ці брички як собачат. Голі, дощ іде, люди все зносять, лохмоття, вкривають нас, кидають... ми зараз одсялами, а тоді ряднами називали. Що-небудь, хоч дітям зробити поднавес, тут же діти. Зібралися мужики, які пооставалися, зробили кругом у бричці [показує] з віток, отгородили, щоб хоч на нас дощ не йшов. І повезли нас. Все бросили. [...] В Розі привезли аж на станцію. [...] І кидають нас у телячі вагони. Батьків наших і звезли з усього краю туди, забулась, як це село називається, і от то скидають всіх як собачат у телячий вагон. Напхали туди людей з нашого села, забула як фамілія, ну, нас 3 чоловіка з нашого села, так як нас кинули і соединились у поїзді в телячий вагон, як оце зараз, та тоді якось більше вони були, як зараз ходять. Сидемо, довезли нас до Москви. Всі кричать, що «вас на Соловки виселять», а «кулаками» начали називать. Тепер я вспомнила, що «кулаками». «Нажилися – матюком

гонять – а тепер ідіть страдайте». Де ж нажилися? [...] Мама служила з 8 год, служила де зараз медичинське училище, це їхній двор був, мама показувала, де вона служила. [...] Мама служила, маму заміж отдала ця бариня, де мама служила, пов села сходилось, дивилось, яке мамі багатство дала хазяйка. Подушки і наволоки, і одеяла такі, як ми ряднами називали, ну, багаті люди були. А батько женився – то сапоги десь попросив, у сусідів чи людей, женився – нічого не було. Женився – рубашка була і штани в батька, це в мого батька, це бабушка розказувала. [...] І когда нас привезли у Вологду, вони думали, що на Соловки, не доїхали, висадили. Батьків наших до єдиного мужика забрали в Москві, а нас оставили з діворою, нас 5 дітей було і привезли нас, виграли нас в Вологді на вокзалі. Стоять санки, виграємося ми з дітьми, мама плаче і ми ж коло мами, як же 5 дітей, старшому братику було 14 год. Стоїть дядько той, що з санками, загрузає нас, а мама на саночки та й плаче. Можна заматюкатися, як на нас казали чи не надо? Можна? Це ж я не забуду ніколи і дітям розказувала. Сіла мама, пригорнула нас і плаче, а цей дядько говорить: «Що, є[...]на мати, любила кататися, люби й саночки возить». Їхнім людям, куди нас повинні привести, всім наказали: «Запасайтесь водою, хлібом, їщею – людоедів привезуть». Люди всі поховалися. Нас привезли. А ще мама сказала йому: «Мой дорогой, якби ти такі саночки провозив, як я з самого дитинства». Привозе він нас, виграють нас возле церкви, а сніга! Це ж город Вологда на севері. Виграють, розподіляють, де кому поселиться. Заходимо ми з мамою, як курчата коло неї. Церква большая, розділена була на три нари. Українці – внизу, посередині нари – болгар, а останній етаж – греки. І оце лестниці стоять і кожен лізе до себе [...]. І ми прожили там, ну, з місяць. Люди ці, яким вони сказали, що це людоедів привезли, заглядають, а забори там та й підглядають, а ми також підглядаємо, до них у щелочки заглядаємо, а вони ж дивляться і кажуть «Вони такі ж

люди, як і ми. Які ж вони людоїди?». Якраз діло було перед Паскою, виносять нам тоді вже їду, а нам принесуть от такий кусочок хліба, кинуть де відділення наше, кинуть, як собачатам і все в порядку. Потом люди бачать, що ми ж такі, як вони, почали подкармлювати нас. Потім, як почали поміряти люди в церкві, кожен день виносили, а церква ж большая забита людьми була. Всю України. Чи в їх там розкулачка була, не знаю, ще мені не доходило. Начали вмирати, потом приходе комендант, один дядька, і говорить: «У кого єсть родітелі, то пускай приїжають, хоть дітей забирають». Ну, що, мама неграмотна, нашли таких людей, написали письмо. Приїхав дядя старший, дядько наш – папин брат. І нас забрали, а-ну дітей забирають, а матіреш оставлять там. І под поїзд падали матіреш. Дітей забрали, а батькі пооставались, а діти не знають куди й батьків подівали. І у нас брату 14 год було, його не пускають: «Пускай остається, буде в нас роботать на лісорубці». Сделав дядько ящик та сховали брата, а пока погрузять у вагон, нанімали носильщиків, заносили в вагон брата в цьому ящику. Пока Москву проїдем, еслі Москву проїдемо – тоді вже не страшно. Ну, грузили нас вже не в телячі вагони, а пасажирські – когда заберали. У мами був племянник, він мені брат двоюрідний, як заходився, клопотав ж: «Як же могли цю сім'ю тружену вислать в Вологду на виселку? Вони ж труженники, в колхоз заходили, все ж було». І доїхав цей мамин племянник, а мій брат (його все село Коля Москва називало) до Москви, добився до Кремля – маму випустили.

Д.Н. – А батько де Ваш був?

С.О. – А батько не знаєм де [зігхає]. Коли вже мама приїхала до нас, папа ж не знаєм де. Через якесь время і папа прийшов. А папа втік, їх там десь на лісорубку, втік звідтілля. [...] Приходе міліція, а папа на печі лежав, стянули, як вони його били – міліція наша. Ми падаємо в ноги, цілуєм ноги міліції. А били страшено – палками, такими палками били – добивали. Дві війни пройшов, 14-й

і 18-й год, і ще прийшлось от цих сволочей такими палками. Забрали папу. Ну, що ж осталися, а на Вологді вмер у нас один братик і другой. Вмерли, там і осталися. Так що ми втрюх приїхали додому. Приїхали – голі стіни, нема ніде нічого, люди почали зносити, хоч на чомусь должны лягти чи діти, чи мати. [...]

Д.Н. – [...] Ви пам'ятаєте Голодомор 32-33-го?

С.О. – Тепер я про Голодомор тобі розкажу. Це ж уже коли з'їхалися ми от тут, вже ж і папа прийшов, вже і папу освободили, це ж добився мій брат, а мамин племянник. Ну, що делать, давайте якось жить. У колхоз пішли. Колхоз презирали, як ми їх називали фашистами, ті, що не любили. В колхоз ходили мама й папа, день і ніч греблися, щоб оправдать себе, і навіть лишили права голоса, вроде ми такі фашисти були. От зараз творять далеко ходити не надо. Ну, дожили до 33-го года. Врожай був хороший, вже в колхозах було і в селах у кого що посіять було. Урожай був хороший, що й папа розказував: «Ну де вони могли це все діть?!» В колхозі такі стоги лежали зерна, грузили на машини. Куди вони вивозили?! Забрали повністю, ніде нічого не було ні по закромам, ні в колхозі нічого не оставили. Це якраз 32-й год врожайний був, 33-й повністю нічого не було – все загребли. Все загребли. 32-33-й год. В школу ходили босі, голі. Тоді Покрова була, раніш вона не така була, не такі холода були, як зараз, ми в школу ще босі ходили. Було, біжим в школу, а по окраїні землі мороз вже стояв. Діти мерли на партах від голоду. Сидить, сидить бідняжка – от вже нема, вже вмерло. Вже учителя потянули його мертвого. Тоді почали дітей кормить. Ми як старшеньки були, такий суп був жирний. По одній капельки хліба давали, бо якщо зразу пустий шлунок, та й помре. А батьки страшно! Дожили ми до весни 33-го году, травичка пішла, слава Богу. Я пухла від голоду – помирала. Я от голоду вже вмирала. У нас дядя був, робота в вокзалі грузчиком, жалко ж сестру і племінників, так вони ворували просо, що з віників

сшкрібають. Привезуть. А у нас була ступка в селі, папа товче, а мама стоїть дивиться, чи ніхто не чує, що папа товче. Супчиком цим кормилися, травичка пішла – вже нам було легше. Я сильно була пухла, вмирала, на мені зараз тіло тут полопане. Коли человек голодний – він починає пухнути, водою наливається. Я ж така була страшна. Ну, потім то дядьки, то травичка, то акація почала цвісти, і ми трошки підбодрилися. Бог його знає, як даліше тобі сказати, батьки витримали, а я вмирала. В мене сестра була менша з 25-го года, та как-то маленька була і худенька, но не пухла. Я, напевно, більше була, енергичніше, мені потреба була більше покушати. Та чмакала, а мені хотілось покушати, от я бистріше всіх попухла. Вижили ж слава Богу. Далі що?

Д.Н. – Ольга Семенівна, що говорили про причини голоду?

С.О. – Голодомору причина, що в нас весь хліб забрали. Весь хліб забрали – це причина Голодомору. Забрали все. Ні в колхозах, ні в совхозах. Де що було – кругом ходили, до грамочки вибирали. Оце причина була. Забрали весь хліб, вивезли, а куди вивезли – Бог його знає, куди цей хліб діли.

Д.Н. – Чи відомі Вам випадки боротьби с голодом?

С.О. – Бог його. Хто як мог виживати. Потом це як у колхозі наші як роботали, подарили телочку. Вже трохи бачуть, що неправі, ті, хто зацікавився цими ділами. Подарили телочку на Октябрську, а мамі барашеня, барашка маленька. А цю телочку ми виростили і вона вже була тельная. І вона отелилась, і ми цим трохи підживились, вже легше стало. На городі сіяли, а город був більшой, і пшеничку там... Я зараз як гляну, де кусочок хліба лежить – мене аж трусе, що його, а ще як де на вулиці гляну! Підбираю його в сумочку, прийду, посушу. Лучше хай собачка поїсть. Крихту... завжди казав папа, що за цю крихту ми голодуємо... підіймали і їли. І я сейчас бережу цей хліб Боже сохрани як! [...]

Д.Н. – Де брали зерно під час голоду?

С.О. – На базарі купляли. У нас в селі такі вітки були акації, обгорожен гектар цими вітками. Вітки рубили, складав папа, віз на базар, а звідти стаканчиками брали що попадається, що могло попасти, чи зерно. Оце трошки піджилися. Більше спасли ці вітки. І зимою папа пиляв, рубали, возили на ринок сюди в город, продавали.

Д.Н. – Що сіяли у себе в городі в цей час?

С.О. – Пшеничку, картошку люди приносили, які були багатеньки на нашому краю, у кого дітей було мало, та трошки зажиточнеє вони жили. Приносили шкорки із картошки, а мама саджала, а ми поливали. У нас колодяць був у дворі. Глибокий-глибокий колодяць! Як начнеш тягати цю воду! Поливали картошечку. Десь весна в 33-му году – вже трошки почали робити й ми, як кошенята ті травичку виривали, де яка полізна і сушили на зиму. На зиму сушили, а потім варили з неї.

Д.Н. – Хто забирав зерно, худобу і як це відбувалося під час голоду?

С.О. – Активісти були такі. Не роботящі, лодарюги. І зараз... Я не хочу, їх вже немає на світі. І зараз їхні предки. Активісти такі були. І по пазухах лазили, вибирали, що де було. Були активісти, і зараз у нас є активісти такі, чи з умом чи без ума, а все ж активісти були добрячі.

Д.Н. – Як аргументували люди, які вилучали власність, свої дії? Чому вони це робили?

С.О. – Вони це роблять, їх ніхто не спрашував.

Д.Н. – Куди вивозили все це?

С.О. – Бог його знає! В город возили і грузили на баржі.

Д.Н. – Що було з тими, хто не хотів віддавати зерно?

С.О. – Самі забирали, приходили активісти, забирали повністю. Даже були люди, які заковували зерно у землю. Я як вспомню, у нас дядько жив по сусідству, не хтів у колхоз йти нічого, то штиряли весь двір, всю хату – шукали ями з хлібом. Откривали ці ями й забирали. Де вони його дівали – Бог його знає.

Д.Н. – Чи відомо Вам про «чорні дошки»?

С.О. – А що це таке? Не знаю, дєтка. [...]

Д.Н. – Ви казали, що деякі люди приховували їжу під час голоду, а що сталося з цими людьми?

С.О. – І вони також мерли з голоду, як і ми.

Д.Н. – Їх не карали за те, що вони їжу приховували?

С.О. – Бог його знає, ще мені не доходило. Люди всі були дружні, не було таких, щоб дуже. Оце тільки активісти, їх там кучка була. Їх кучка, їх ненавідили і до війни, і після війни. Які пороз'їхались, бо стидно було, що творили у селах. А так люди були очень дружні.

Д.Н. – Чули Ви про «Закон про п'ять колосків»?

С.О. – «Закон про п'ять колосків» чула.

Д.Н. – Розповісте?

С.О. – Розповім. Колоски ми собирали. Єслі йде косарка, після косарки ми ходимо і собираємо ці колосочки і здаємо. В нас же там була бригада, то туди зносили, а вони вже молотили, цепами молотили. А ще є такі... Це вже бездушніє було страшне. Жінка одна взяла в сумочку насобирала колосків, йде додому, думає, що невже я за ці колосочки...? Догнав її об'єзчик, забрав ці колосочки і вона 10 год одсиділа. Випустили її перед війною за ці колосочки. Я точно знаю, тому що вона троюрідна сестра. В неї була ще Рая, дочка, ще ми в заводі роботали, вона каже: «Тьотя Оля, вспоминаю, часто мені мама розказувала про тебе». Як ми кричали, коли її міліція забирала! Забирали ж – бездушно били. Я зараз як гляну форму міліцейскую, мене аж трусе. [...]

Д.Н. – Ви вже казали, а можете ще докладніше, чим харчувались під час голоду? Ви казали «трава».

С.О. – Трава, акація, сушили траву, вже пирій ми м'яли: вродє він пахнув хлібом. Оце жили, як Бог дасть. Жили та й все.

Д.Н. – Чи знаєте Ви випадки жебрацтва в селі? [...] Ті, що ходили, просили помощи?

С.О. – А помощи просили. Тоді всі були такі. Що давать, як самі всі голодні були? Що давать?! Якби воно вже

обжилися, тоді жебракам вже давали. А що вони просили, як вони нікуди не ходили, вони ж голодні. До мене прийде – я сама сиджу голодна, пухла.

Д.Н. – Чи можна було покинути свою місцевість та піти на пошуки їжі та роботи?

С.О. – Ніхто не ризикував, ніхто не хотів бросать своє поселище.

Д.Н. – Чи були в селі ті, хто не голодував?

С.О. – Були.

Д.Н. – Хто вони були і як жили?

С.О. – В них по дітю, такі заможненькі люди, їм було трошки легше. То який був председатель сільсовету, такі люди були трошки заможніше. Тім конечно. Як казав Кравчук: «Я голода не знав». Родився в 33-му году.

Д.Н. – Чи існували в цей час базари або місця, де можна щось купити?

С.О. – Були. Вже люди в 34-му, кінець 33-го і в нас був... Ти нашого села не знаєш, де церква в нас була, там базарчик невеликий. Мама в колхозі робила. А коли в вихідний – мама в Осіпенко, там базар у нас був богатирський. [...]

Д.Н. – Як в цей час виживали люди в селі?

С.О. – От так і було, виживали. Мерли страшно, купами вивозили на кладбище.

Д.Н. – Де, по-вашому, легше жилося: у селі чи у місті?

С.О. – Де б лучше жилося? В селі ми жили, в селі є землі кусочок, хто що міг. Хто допомагав... У нас дядя роботавав у городі, мамин брат, на вокзалі, і племінник родний мами моєї. Вони тут роботали грузчиками: і в пазухи наберуть, і до тьотки несуть.

Д.Н. – Ольга Семенівна, Ви знаєте скільки людей померло у Вашому населеному пункті під час голоду?

С.О. – Мамочка дорогая, детка, чи там третя часть осталась людей?!

Д.Н. – Яку офіційну причину вказували в документах?

С.О. – А Бог його знає, я ж не знаю, в церкву заносили, отспівують і на кладбище.

Д.Н. – Якщо після смерті батьків залишались діти, що робили з ними?

С.О. – З цими дітьми? Жебракували діти. [...] 33-й кончався, 34-й почався, вже і врожаї пішли. Ну, тоді за зернину судили, люди боялись за зерно. Я ж говорю за сумочку, там і кілограма не було цієї пшенички, а 10 год дали.

Д.Н. – Чи допомагали люди один одному?

С.О. – Допомогали, очень даже.

Д.Н. – Ділилися продуктами?

С.О. – Ділилися продуктами, що було. Які там, детка, продукти. Воно там мама напече, що папа натовче чорне просо, ніхто його не сіяв, ніхто не вів, от туди трави натовче. Прийде дитина пухла, то «На, мої діти пухнуть і тобі ж надо».

Д.Н. – Чи продовжували Ви в цей час святкувати свята?

С.О. – Бог його знає. Які там свята [посміхається], якщо люди голодні не знали, куди себе подіти?!

Д.Н. – Як місцеве керівництво пояснювало те, що відбувалось?

С.О. – Нічого. Балаболки і тоді були, як і зараз.

Д.Н. – Як самі люди пояснювали ці події?

С.О. – Бог його знає. Як що у кожного на душі було. Тоді боялись розмовляти, так не було як зараз язики свої порозпускали. При Сталіні боялися. Там за одне слово в мене дядя так і погіб в тюрмі. Сказав: «Скільки ж ми будемо страдати? Коли це все кінчиться?» І йому таке діло приписали, пожиттєве. Вот так боялися люди. Когда ж це горе кончиться? Хіба можна так страдати народу?!

Д.Н. – Чи змінилось Ваше повсякденне життя під час голоду? Дозвіля?

С.О. – Тоді вже люди і в церкву почали ходити після цієї голодовки, уже люди стали трошки живіше, які

пооставалися. Много людей померло, гарбами вивозили на кладбіще. [...]

Д.Н. – Як потім згадували і у зв'язку з чим події Голодомору у Вашій родині?

С.О. – Ну, що, що творили власті, я ж кажу: боялися рти розкрити. Знали, що творилося, бачили, но боялися роти розкрити.

Д.Н. – Чи пам'ятаєте Ви голод 1946-го року?

С.О. – [...] А в 47-му году я голода сильно не бачила. Це ж вже після війни. Осталось тоже на все село. Ой, я як вспомню, аж плакать хочеться, тоже так голодували, батьків же нема, а дітей пооставалось по троє, по четверо дітей оставалось. Ще казали: «А Соньці хорошо, в неї троє, а в мене шість». І діти всі вижили. В мене так: я була у колхозі председателем комісії, і осталися такі... Я бойка була дівка, і председателем була, як тільки зайшли наші, і бухгалтером була, і грузчиком, і бригадиром. Нікому ж було, одні жінки пооставались і три дедушкі, старенькі вже були. І от то «Оля, там ті подралися. Оля, що робить?». І всі йдуть до Олі. Ну, дівчора. Я цей случай розкажу. Так було нікого ж не пускали в склад, а в складі і кукурудза була посівная, і семечки були, пшениця була посівная. На замки замикали: люди ж голодні йшли. Я як була председателем, і кладовщик знав де яка в мене сумочка. Понапихаю і надіваю халат, взяла халат такий, щоб не видно було, що я понабирала куди мені надо. А ці хлопці з 28-го года сидять на бичці, дожидаються поки я вийду зі складу. І макуха була. Це золота їда макуха. Зараз розсипна, а тоді кружками була, і жирніша: тоді не так видавлювали, а зараз дуже жадні вижимають, що вона і сипеться. Надо ж вкрати і куди дїть. Взяла прив'язала поясок, аби мені вийти. А ці хлопці вже прийшли, інваліди у нас поприходили, бригадірами стали. «Чого Ви не идете?» – на хлопців. А хлопці на бичці ждуть, поки я вийду. «Їжайте. Сонце вже де, а ви досі не идите на степ». Я вискакую. Вони мені сидіння готовлять і соломи

настелять, щоб мені легко було, і елі заладжу я на ту бричку, хлопці тянуть мене. Залізла в бричку, макуху витягаю. Ой, беруть цю макуху, сидять, гризуть, а в мене душа болить. Я хоть жменю возьму і поїм. Я голоду вже не бачила такого тому, що і на бригаді не пускали там, де зерно висипали. Не пускали нікого, стояли спеціально дежурили ці поліція, ці міліція, ну, не пускали нікого туди. А я в бутилки понасипаю, тільки височу – людям роздаю ці бутилки. Я в кармані винесу, я в кармані собі приносила. Людей жаліла, може, за це Бог мене тримає, що я багато спасала. Ну, от то сидять хлопці молча, навіть і спасибі не говорять, макуху поділили. Сидять та гризуть, а в мене ще й кукурудза є. Встаєм на бригаді, беруть кукурудзу, сипаєм кукурудзу, а в них же там трактор. Воду наливали... Це вже зараз механізація разная... Всипають в цей бачок, куди воду наливають, і варять кукурудзу. Семечки вже не жарять, а так лускають. Так я свою братву виручала. [...]

№ 5. – 2009 р., січень 18. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Пашко Марією Артемівною, 1923 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Демко Наталею Анатоліївною (БДПУ).

Демко Н.А. (далі – Д.Н.) – Назвіть своє прізвище, ім'я та по батькові.

Пашко М.А. (далі – П.М.) – Пашко Марія Артемівна. [...]

Д.Н. – Ваша дата народження?

П.М. – 1923-й.

Д.Н. – А місяць?

П.М. – Іюнь місяць. Літом. Іюнь-іюль.

Д.Н. – А місце народження?

П.М. – Місце народження? Куйбишевський район, село Водяно.

Д.Н. – Яка Ваша освіта і професія?

П.М. – Я всього ходила два годика в школу, був якраз голод, двадцять третьому родилась, у 33-34-й, коли голод був. [...]

Д.Н. – А своїх діда та бабу Ви знаєте?

П.М. – Бабу знаю, а діда не знаю. Дід умер до мого приходу, а баба жила, в 33-му умерла.

Д.Н. – А як її звали?

П.М. – Марта.

Д.Н. – Якої вони були національності?

П.М. – Українці. [...] Це надсилали люди все з Полтави в наше село. [...]

Д.Н. – А з якого часу Ви живете в Бердянську?

П.М. – Я в Бердянську тільки третій год живу. Три года оце буде. [...]

Д.Н. – Що Вам відомо про колективізацію?

П.М. – Ой, моя ти дигина! Я як раз росла у колективізації, мені 8 год було, як ми строїлися. Була в батька мого велика сім'я: 6 братів і 2 сестри, і всі виїмали хто куда: і в Гуляй-Поле, і в Заророжжя, і в село Попівка, і в Ланців от туди, і в Маріуполь, кругом раз'їхались. [...]

Д.Н. – Кого Ви зрозуміли під словом куркуль?

П.М. – Ну, як це у нас були, оце ж хіба це були куркулі?! Це люди роботящі були. Це не куркулі. То люди труженки були. У кожного була олійниця, мельниця, оце було все те, що не обходимо до хазяйства. Він справий був багатий, всі люди несли до нього, він обробив, олійки зробив, муки намолов. Це хіба був куркуль? Він просто був заможний сел'янин. Це не куркуль.

Д.Н. – Зрозуміло. Марія Артемівна, пам'ятаєте Ви Голодомор 32-33-го років?

П.М. – 33-й дуже помню, а в 32-му, бо я родилася в 23-му, вже другий пройшов, а в третьому вже мені було, в 33-му мені вже було десять год.

Д.Н. – Що Ви знаєте, що говорили про його причини, Голодомору?

П.М. – Що була причиною? Просто була викачка.

Д.Н. – Чого?

П.М. – Хліба. Що вродило, під'їдуть, заберуть і все. Нас п'ятеро було, батько і мати, і нас п'ятеро. Потом почали мерти. Одно вмерло. А в... а в нас була коровка, та якраз весною розтелилася, і якраз ми і усі... нас мати виглядила. Ми всі живі осталися. Наріжем лободи, акація була біла, саме весною цвіла, і от це все молоком мати полле і нас годувала. І нас четверо вижило, одне тільки вмерло.

Д.Н. – Чи відомі Вам інші випадки боротьби з голодом?

П.М. – [Зітхає]. Ну, були, були, нам привезли.... Вже я на роботу ходила, вже в 33-му, а в 34-му я вже на роботу ходила. Мені було 11 год, я вже була на роботі, і всі діти були, потому що на степу привезли з Америки білої кукурудзи і варили в отаких котлах здорових, варили, мамалига називалась вона або каша. І оце наварять, і кожному усім пороздають, і на обід усі ж понаїдаються, і сутки кукурудзяна каша, це ж каша. І сутки живуть до завтряшнього дня, як вдома немає у кого що їсти. У нас було молочко, то мати нам по кружечкі, а є такі дітки, що і корову з'їли, зарізали і з'їли. Бо нічого було... Оце так було.

Д.Н. – Марія Артемівна, а Ви чули «Закон про п'ять колосків»?

П.М. – Чула. Бо мене саму били за колосок [плаче]. Ой, на що ти мені згадуєш? У нас недалеко степ був, край села жили. Вивели нас: бабушка моя, батькова мати, забрали нас усіх діточок і пішли колосочки збирати. І ми уже так у торбочки поназбиравали, там обімінеш, і було ж уже густо після голоду цього оце ж 33-го, а це вже весною 34-го, весною вже вродило, вродило на 34-й. Пшениця ловко вродила, і такі колосочки, як обімінеш, так і жменька, ото так хліб вродив після голоду. Воно голод зробило... [зітхає] Ну, не можу, не можу, дітка, згадувати, як у нас в сем'ї, я ж кажу тобі, у нас п'ятеро було, і ми мати намолотили мішок кукурудзки із города, воно недород був, но трошки вродило. Квасолі відеречко, проса отака вродило трошки.

Ну, вони ж забирали, їздили, а ми не дали їм. Вобщем так, мати нас посадила у піч нас, така була, і нас посадили на пічі і ото все склали, вот так зосипали по печерені, вот так вот і у куток і сказали: «Вот це як отдасте – ми помрем». Що ж ти думаєш, ми сидимо, один прийшов з бабою і шукать: «У тебе є?» Мати сказала: «В мене нема». Він: «Заховала?» І давай шукать же, а ми на пічі і скраю сидемо, ноги попускали. «Що, на піч заховала? До дітей?» Та до нас, а мій братик ухвати та як укусе, так отут так і вирвав йому, укусив за руку. «Ах, ви ще і кусаетесь?» Та стає, а ми його як шпурлили, а мати каже: «Не займай моїх дітей, бо – каже, – і з'їдять тебе. Вони як наткують, так і з'їдять. Як скажу кусать, так вони кусатимуть тебе, так що лучше йди, – каже, – щоб їх нема нечого». І вправду вийшов і пішов. І він і пішов, от тоді у нас як раз ми і визимували. Оце ріденька мати кукурузячка була такушечка, натруть і те і врятувало. Зимувала.

Д.Н. – Марія Артемівна, а можете ще розповісти, чим харчувалися під час голоду?

П.М. – Харчувалися, оце ж ми діти були, весна, нічого їсти було, а в колхозі був льон, намолотили і заховали його сіяти. Така була і тут були дежурка така, і засипана льоном, і в нас у селі як взнали оце дігворня, і як тільки сумерки, вікно виймаємо і очередь дігворні і льону в пазухи так нікуди брать в мішок. Попідв'язуємо такі були сорочечки, ну, бідність було яке було, аби ж полотняне, що ткали самі. У нас тоже і верстат був, ми самі робили, ткали полотно таке біле, а літом вибілювали і шили: сорочки, штани, все і той, і ото тим люди, дигворня і багато дітей оцим і вижили льоном, намелять льону, а тоді і травичка, туди напечуть і одна под ній, діти один під них, що ті роблять, так і вижили. Понімаєш? І багато дітей вижили оцим льоном.

Д.Н. – Марія Артемівна, чи відомо Вам випадки, коли до міст переселялись мешканці сіл? До міст їхали під час голоду?

П.М. – Їхали, їхали, їхали. Відомо.

Д.Н. – А що вони робили, як вони знаходили роботу в місті?

П.М. – У місті приймали на заводи, шахти. В мене самої є дядько там, і два дядьки на шахту пішли. Із села багато на Маріуполь поїхали в заводи. Мої тьотки туди виїхали, в 33-му поїхали вони, там на заводах давали по кілограму, на заводах.

Д.Н. – Чи знаєте Ви випадки жебрацтва під час Голодомору?

П.М. – Та, ходили дітки просили.

Д.Н. – А як ставились до цих жебраків? Звідки вони були?

П.М. – Де дітей багато було, і то не той, а голод застали вони й ходили. Це не жебраки були, це просто діти голодні ходили. Жабраків таких не було, не називали раньше, а зараз їх... Тому що це не жабраки були, це просто діти були з великих семей. А ми їх так, як кажуть, хто кому яке щастя остатися живим. Так, як і зараз, так і тоді було. Судьба твоя остатся живим. Мерли, і на вулиці мерли, ховали дітей. І під загатами. Раньше загати були ж такі із соломи. Дивись, уже лежить дитина або баба стара. Ховали, брали і ховали.

Д.Н. – Чи можна було в цей час покинути свою місцевість і піти на пошуки роботи?

П.М. – Було, було. Ходили всі, да.

Д.Н. – А куди, як правило, уходили?

П.М. – Ну, більше на заводи, в Запоріжжя, Маріуполь, Донецьк. Ото всі туди йшли, там наших і зараз людей багато.

Д.Н. – Марія Артемівна, чи існували ті, хто не голодував?

П.М. – Існували.

Д.Н. – А хто вони були, як вони жили?

П.М. – Вони так жили саме, но тільки якось їм було доступно взятъ. Оце, например, що оте той сестра, брат і кум, вони там ночью поділяться оцими харчами, крали там і живуть, тоже не було, ото ж отак.

Д.Н. – Скажіть, існували в цей час базари або місця, де можна було щось купити?

П.М. – Існували.

Д.Н. – А хто там торгував?

П.М. – Люди йшли, просто у кого що було. От, наприклад, ми держали коровку, мати було ізберуть трошки там і треба ж купити сирників, треба ж палить. Мило купляли, бо нема чим вистиратись. Мати збере. У кого корівка... І несуть на базар, а базар був – з города наїзжали, бо в селі в цей год не було це, а це ще як на другий год уродило. Тоді вже все було на базарі у нас в Смирновці, було два ряди лавок і повно, виносили вже люди на базарі йшли і картонку все, продукти всякі несли, тому що оце трього на четвертий, а на четвертий уже все вродило. Усе вродило, прямо дощі йшли і уродило все. У четвертому, і тоді все було, й базари, і з городів наїзжали і купляли.

Д.Н. – Марія Артемівна, як в цей час виживали люди в місті?

П.М. – А я ж тобі кажу, вони получали гроші.

Д.Н. – А їм краще жилось?

П.М. – Їм тоді ж, конечно, краще жилось, вони вже й вертались в село, хто не мог вже видержати, вже дітей багато. Верталися в село, бо вони ж бросили свою хату. Потім верталися, а є більш не верталися.

Д.Н. – Чи знаєте ви, скільки померло у Вашому населеному пункті?

П.М. – А хто знає? Багато, та счету я не знаю. [...]

Д.Н. – А якщо після смерті батьків залишались діти, що робили з ними?

П.М. – Одвозили в дом, скільки в Бердянськ поназвозили! У нашому селі одна одвезла трьох дівчаток. У неї п'ятеро було, а хазяїн умер. Она одвезла цих дівчаток у Бердянськ, під приютдомом і покинула.

Д.Н. – Марія Артемівна, чи допомагали люди один одному під час голоду?

П.М. – Помагали в нашому селі.

Д.Н. – Ділилися продуктами?

П.М. – В нашому селі – да. Ну, всякому селі є по-разному. У нас у селі, у нас не було такого, щоб діти було ходять, просять, а в мене мати була жаліслива, своїх п'ятеро, вона ще прийме та нагодує. Була коровка, ловко давала молочка, це у четвертому уродило і паса хватало.

Д.Н. – Як місцеве керівництво пояснювало те, що відбувалось?

П.М. – Хто зна? Кожний по-різному. Ми, я ж тобі, так колосочки почала, так їхав і забрав у нас сумочки і познімав, а ми ж плачемо, раньше й сумочка дорога була, познімали і поїхали, молотят там. Ми в чотирьох були, а баба п'ята. «Давайте, дітки, йти, уже у нас буде завтра на хліб». Ото ж помолотим. І була така терочка, поки прийдуть батько й мати з роботи, а баба вже напече, та ще ж тільки молотили, а тоді вже як умолотили, тоді й дали, дали хліба вже, бо хліба було після голоду як уродив, та ще отака пшениця крупна, та як змелять, так хліб і держав угору. Така була пшениця, тепер такої нема.

Д.Н. – Чи змінилось Ваше життя під час голоду? Дозвілля, свята якимось змінилися?

П.М. – Так само празднували і в голод у нас в селі, оце все і було обряд. Обряд цей не сходив. І церкву спалили. В нас довго церква була, аж у тому хліб зсипали. [...] Як праздник – ще батько мій... Оце набіжать, сипаєм вечерять і під голод, і після голоду... Бере ложку, набере куті, йде до вікна, гука Мороза вечеряти: «Йди, Морозе, вечерять, а як не йдеш – не йди». А мороз – вікна от так понамерзали. І він гукати на весь двор: «Морозе, вечеряти йди, а не йдеш, не йди ні на що, ні на телятко, ні на ягнятко, ні на поросятко, ні на курчатка, ні на що, ні на що». Ото тричі скаже так, і беріть діти, а ми ж всі терпімо, не їмо, аж поки батько прийде з роботи.

Д.Н. – Марія Артемівна, знаєте Ви якісь приказки, вірші, які описують ці події Голодомору?

П.М. – Я тобі би розказала, но я тобі скажу, що моя дитина, я у школу всього два годи ходила. У 33-му яка ж була учоба? [...]

Д.Н. – Марія Артемівна, як потім згадували і у зв'язку з чим події Голодомору у Вашій родині? Згадували ці події?

П.М. – Часто і густо згадували, часто. Як зійдемося [...].

Д.Н. – Марія Артемівна, а пам'ятаєте ви голод 46-го року?

П.М. – 47-й був. Пам'ятаю, ну, тоді воно якось було недород. Ну, вже не ходили однімати, ні, то в 33-му однімали, а у 47-й вже ніхто не віднімав. Уже хто де їздили, наприклад, на Запад, через бугор якось пройшов – там кукурудза уродила, так їздили туди. Кукурудза, просо. Їздили туди купляли, на плечах я приносила мішок, бо пішли туди, а вродила багато було насіння. У селі убирали люди, голова платив кукурудзою, платив не грішма, а тільки той, бери додому, хто чим, хто машиною... Машин тоді не було, зовсім мало у кого, а так на плечах, велосипеді [...].

А земля ж не дуже у 33-му оброблялася, і такий осот, бур'ян от такий [показує]. І нас як поставлять цепочкою, все село виходило, хто не вмер. Хто помер – то вже тих нема, а ці дігвора повиживали, я ж тобі кажу, то льон крали, і так повиживали діти. Тоді ж рвали бур'ян оцей, зривали. Отак цепкою поставлять, і поле пройдем. Ти не знаєш, от такий лапатий. І всіх дітей вигоняли, і дітям їсти варили. Ми в ліго поки вмолили аж хліба. Так дітей спасали, людей, це після 33-го. Варять, кухарка і такий котел, ведра три-чотири, здоровий котел. І цим дітям. І поки вмолили... це вже в четвергій. Як умолити, тоді вже дали вже всім по 3 центнери пшениці, тільки тому, хто заробив. Усім давали по 3 центнери на сім'ю пшениці. [...]

Д.Н. – А баба була у Вас чи ні?

П.М. – Баба у 33-му вмерла. Діда вже й баби не було. Вони померли. 33-му померли, оце тобі 33-й був голод, що тут розказувати. Аж у четвертому, я ж тобі розказую, і оце ж молотили. Уже нас забрали всіх на роботу, оце ж рвали

був, осот отакий був пшениці, і по ячмень, увесь степ зривали, тому що, я ж тобі кажу, посіяли, а після 33-го земля не оброблялася, бур'яни взялися і пололи люди руками. [...]

До війни люди все забрали, переживання людське було велике. Понімаєш? Велике переживання. Як у нас батько відвів коня додому, прийшов з ботажком, а в мене брат був та дивиться на батька, батько до того плаче! А він: «Що ти коника не приведеш додому?» Кінь був молодий такий, батько все його садовив на коня. Тоді батько же відвів в колхоз, прийшов з батажком додому, а цей хлопець плаче. Ми дівчата, нам якось той, а він же на конях побільше з батьком. Тоді колективізація була. Та прийшов з батожком додому, а ми всі плачем за тим конем. Він же запряже, батько, бричечка, і поїдем на млин [плаче].

Д.Н. – А звідки Ви дізналися в дитинстві про існування міста?

П.М. – Під голод, дітка, всі виїжали в місто, і там приїжали до нас тьотки мої, батькові, материні сестри – всі були у городі. Вот я і знала про місто, бо вони було приїдуть – привезуть якийсь подарочок. Тоді в нас же в селі були мало одягу. Дивись платочок привезуть, матерії було навезуть і ще і тут і продають. Вот так, ото я і знала про місто. [...]

№ 6. – 2009 р., січень 18. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Гутневим Аркадієм Сергійовичем, 1923 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

Кульбак В.О. (далі – К.В.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Гутнев А.С. (далі – Г.А.) – Гутнев Аркадий Сергеевич.

К.В. – Кто Вы по национальности?

Г.А. – Русский.

К.В. – Когда и где Вы родились?

Г.А. – Я родился в городе Бердянске, в 1923 году, 20 декабря.

К.В. – Какое Ваше образование?

Г.А. – Высшее.

К.В. – Кто Вы по профессии?

Г.А. – Учитель истории. [...]

К.В. – Что Вам известно о коллективизации?

Г.А. – О коллективизации очень много. В 1930-м году началась коллективизация в городе, в Колонии: отбиралась земля колонистов, много иностранных было немцев, я их фамилии называл: Классен, Фрибус, Бех и другие немецкие, итальянцы, немецкие, русские колонисты. У них отбирали земли, отбирались дома большие, отбирались лошади, скот и все такое. Ни одной машины в городе не было.

К.В. – Когда Вы впервые услышали слово «кулак»?

Г.А. – «Кулак» я услышал, когда в институте учился, в Бердянском институте учился по истории. Историю партии мы изучали в 1945-м году, обязательно изучали. Голодомора мы не испытали, никто в Камыш-Заре... в этом населенном пункте никакого Голодомора не было.

К.В. – Кого понимали под словом «кулак»?

Г.А. – Понимали кого... Сначала мы понимали, что это богачи были, а потом некоторые говорили, что это не богачи, а те люди, которые целую ночь трудились на участках на своих, выращивали хлеб, а если спать, передышка ко сну, так под голову кулак ложили и спали на кулаке, чтобы долго не спать, а час-два отдохнул и снова давай. Трудяги.

К.В. – Помните ли Вы Голодомор 1932-1933-го годов?

Г.А. – Я помню. У нас не было его. Помню почему? Говорили, что в колхозах люди голодуют, потому что рядом были села, возле Камыш-Зари, много сел и говорили, что у крестьян хлеб забирали. Милиция даже

забирала и просо, забирала хлеб. Были ж богатые крестьяне и были бедные крестьяне, потому что НЭП проводился до этого, политика НЭПа и, поэтому свободно, значит, многие кто побогаче, имел земельные участки, выращивал много, у них было много хлеба.

К.В. – Что говорили о причинах голода?

Г.А. – О причинах голода говорили то, что не хватало, неурожаи во многих районах, и поэтому надо было спасать народ, и поэтому хлеб забирали и увозили.

К.В. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

Г.А. – Ничего не могу сказать. У нас не было, я был пацаном, мне было 10 лет, что я мог знать, какая борьба велась против голода и так дальше.

К.В. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

Г.А. – Это я скажу. В войну в 1944-1945-м годах когда убирали хлеб, осталось много тех, кому не хватало, и много оставалось неубранного зерна: некачественная уборка. И посылали людей, школьников всех собирать колоски в сумки и сдавать эти колоски в колхозы. Это не в период голода об этих пяти колосках. А кто прятал этот хлеб, колоски те забирал домой, того, конечно, карали. У нас в Камыш-Заре был такой один случай, что директора Госсовфонда, женщина была, она член партии была, но ее поймали, она была директором Госсовфонда, где семенной хлеб лежит, пшеница, и она, значит, как идет домой – в карманы насыпет зерна. И ее поймали, и 5 лет тюрьмы дали за то, что она этого хлеба немного брала, потому что у нее было трое детей, надо было кормить всех.

К.В. – Как выживали люди, чем они питались во время голода?

Г.А. – У нас такого не было. Я ж говорю, на нашем поселке все было нормально, корову каждый держал, поэтому у каждого почти корова была, базар был, питались хлебом, что давали, давали крупы разные железнодорожникам, элеваторщикам, рабочий класс этого

не испытал. Это испытали колхозники, что в колхозах трудились, в сельском хозяйстве. А на производстве этого голода не было.

К.В. — Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

Г.А. — С нашего поселка никто в город в то время не переселялся. Во всех была работа, всем выдавали паяк, хлебные талоны, талоны на крупу, талоны на сахар. Ну, вот, например, у нас была мать и отец, отец получал 800 грамм хлеба, мать полкилограмма хлеба в день, а на нас, на детей, по 300 грамм хлеба. Нам хватало, потому что выращивали картофель свою, у каждого огород был, подсобное хозяйство. Кроме того, в магазинах вермишель получали, получали сахар по талонам, карточки были на продукты. Вот видите, производство было, а в селах этого не было.

К.В. — Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

Г.А. — У нас нищенства, например, на поселке не было. Были такие, которые недоедали, у кого много детей было, и по 10 и по 12 детей, конечно, там они вволю хлеба не ели.

К.В. — Как относились к попрошайкам?

Г.А. — Попрошайек у нас не было. Я не помню такого, чтобы ходили там, хлеб выпрашивали или другое что-то. [...] Я не голодал, семья не голодала, все, кто жил в железнодорожнике, они не голодали. Я могу перед судом отвечать, что железнодорожники не голодали, и вам любой скажет железнодорожник, что они не голодали, потому что они получали от государства паяк, давали им талоны, они идут в магазин, хлеб покупают, вырезают с талонов на каждый день, сколько оно положено. Нормы были установлены. [...]

К.В. — Как в это время выживали люди в городе?

Г.А. — Я часто ездил в Бердянск, к бабушке. Жили нормально в Бердянске. Голода не было. В городе вот жила бабушка моя, в Колонии, на Пролетарском

проспекте. У нее старшая дочь в институте работала главным бухгалтером, Ксения Ефимовна, вторая работала на Первомайском заводе фельдшером-акушеркой. Все в городе получали пайки. На пайках.

К.В. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе?

Г.А. – Конечно, в городе! Почему в городе? Потому что в городе работали и на каждом предприятии, на заводах, на фабриках пайки давали. А в селе хуже было. У нас в поселке всего-навсего в то время было три предприятия: железнодорожный узел, элеватор и МТС. Больше ничего не было. Поэтому там категории такие были, что всех обеспечивало государство.

К.В. – Сколько людей умерло в Вашем населенном пункте?

Г.А. – Ни один человек, я имею в виду от голода ни один. Это я точно знаю. Потому что отец врачом был, обслуживал всех людей в селе. [...]

К.В. – Как сами люди объясняли эти события?

Г.А. – У нас на эту тему разговоров не было. Я ж говорю, люди этого не ощущали, что было в колхозах. [...]

К.В. – Знаете ли Вы какие-то стихотворения, песни, которые описывают события Голодомора?

Г.А. – [...] Слово «голод», «Голодомор» я услышал, когда советский строй рухнул, и то не с самого начала, а прошло время и тогда уже...

К.В. – Как потом вспоминали события Голодомора в Вашей семье, городе?

Г.А. – Никогда не вспоминали этого, и разговоров не было. [...]

К.В. – А помните ли Вы голод 1946-1947-го годов?

Г.А. – Я в это время был студентом, никакого голода не было, студентом был. Каждому студенту выдавали хлебные карточки, любого студента спросите, выдавали хлебную карточку, выдавали карточку на получение круп разных. Выдавали стипендию, стипендия 180 рублей в

месяц по тому времени, повышенная стипендия, отличникам, 240 рублей. [...]

К.В. – Какая роль в Вашей семье отводилась каждому ее члену?

Г.А. – Как говорят, «кесареву кесарево». Мы были дети, честно Вам признаюсь, нас до 10 лет воспитывала няня, потому что разрешалось в советское время держать няню, домохозяйка, была у нас и домработница, кроме няни, еще держали дома и домработницу. Но домработница то полы мыла, то стирать помогала, потому что отец и мать целый день на работе, а за нами надо было следить, и поэтому благодаря няням, что няня воспитывала. Потом, когда мы переехали в Камыш-Зарю, уже няни не было, отец и мать воспитывали. [...] В Камыш-Заре когда жили, няни не было, была домработница, мыла посуду и все такое. [...]

К.В. – Вот во время голода были ли люди, которые приезжали в Бердянск из других городов и сел в поисках еды и работы?

Г.А. – Я в Бердянске не жил в то время, в Камыш-Заре я жил. Там, например, никто не голодал, я Вам говорил, никто не умирал, потому что как и в городах, Вам скажут жители того периода, что никто, ни один не умер от голода. Почему не умерли? Каждому рабочему выдавали паек, карточки выдавали на хлеб, на продукты, на все остальное. [...]

№ 7. – 2009 р., червень 22. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Гутневим Аркадієм Сергійовичем, 1923 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

Кульбак В.О. (далі – К.В.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Гутнев А.С. (далі – Г.А.) – Гутнев Аркадий Сергеевич.

К.В. – Кто Вы по национальности?

Г.А. – Русский.

К.В. – Когда Вы родились?

Г.А. – 20 декабря 1923 года.

К.В. – Где Вы родились?

Г.А. – Родился я в Дмитровке, но вообще в Бердянске. Как получилось? Жили мои родители в Бердянске, а мама поехала в Дмитровку перед родами, значит, в Дмитровку, к бабушке и там меня родила, в Дмитровке, в селе. В Бердянске я, Бердянского района, здесь родился, вот и жил до 1930-го года в Бердянске. Отец работал главным врачом больницы здесь, я вам рассказывал, а мать фельдшером-акушеркой в горбольнице. Жили в Колонии, 2-я линия, дом № 19, хорошо помню, Бердянск хорошо помню до 1930-го года, все подробности.

К.В. – Какое Ваше образование?

Г.А. – Высшее. Кончил Бердянский учительский институт. После него продолжал учебу в Харьковском педагогическом институте имени Сковороды, где получил образование по специальности учитель истории и обществоведения, написано в дипломе. [...]

К.В. – Какой национальности Ваши предки?

Г.А. – Русские, русские... Кроме русских больше никого не было. [...]

К.В. – Скажите, с какого времени Вы переехали из города Бердянска в село Камыш-Заря?

Г.А. – Я переехал в 1930-м году. Отец, мать и вся моя семья в 1930-м году мы переехали в Камыш-Зарю. Переехали потому, что отец не был членом партии, между нами говоря, поэтому его в 1923-м году... был главврачом больницы, его сняли, потому что было тогда положение такое, главный должен быть членом коммунистической партии, партии большевиков, а отец был беспартийным. Таких, как отец, в партию не принимали, потому что он был из богатых. Отца сняли в 1923-м году с главврачей, и он работал сначала просто в больнице врачом, лучшим

врачом был города, а потом на Первомайском заводе в медпункте работал.

К.В. – Кто первый из Вашей семьи и почему переехал?

Г.А. – Ну, отец переехал с матерью и вся семья. Ему работу предложил товарищ бердянский, заведующий поликлиникой железнодорожной, говорит, в Камыш-Заре больница участковая, железнодорожная больница, и там нужен главврач. И отец переехал, потому что жили в Колонии, а там отцу отрезали часть земли нашей, забрали виноградники, часть виноградников сказали, поступайте в сельхозартель имени Шмидта, чтобы был членом сельхозартеля, налоги платил соответствующие и так дальше. И отец хотел дом второй построить там, чтобы два дома было, одному сыну и второму сыну (моему брату). Но получилось, что не разрешили это, и отец поругался с властями и переехал в Камыш-Зарю, и работал до 1943-го года, пока немцы не убили его. [...]

К.В. – Скажите, каким было хозяйство Вашей семьи во времена Вашего детства?

Г.А. – Хозяйство... Мы жили в Бердянске, детство мое, до 1930-го года. Что мы держали? Отец, мать целые дни работали. Сад был, огород хороший был у нас, все свое было, помидоры свои, огурцы свои, картофель своя, синенькие свои. Это сами выращивали, земельные участки большие тогда были, в то время. Сейчас нет этого в Колонии, потому что жили мы на 2-й линии, а сейчас 2-я линия – это уже 4-я улица: поотрезали, позабирали землю в 1930-м году у людей и так дальше. Так что я хочу сказать: живность мы никакую не держали в Бердянске, ни курей, ни гусей, ничего. Хороший сад был, хороший виноград, одного виноградника 15 соток было у нас, фруктовый сад был у нас хороший, и груши, яблони были у нас, черешни. Отец очень любил после работы заниматься садоводством. Я признаюсь честно, в то время отец целые дни на работе, мать тоже, поэтому в доме держали няню, жила у нас няня, которая воспитывала нас,

детей. И кроме няни была у нас еще домохозяйка: полы мыла, стирала и так дальше. Законами правительства тогда разрешалось, что люди эти... мы могли их содержать, и они работали, помогали нам. И когда нужно было виноград или что обрезать, на помощь приходили колонисты. Колонисты-немцы были... итальянцы, немцы, греки, русские. Основная масса – это русские переселенцы из Курской, Черниговской, различных губерний. Сопины, Бессоновы, Алексеевы – все это из Курской губернии. И помогали друг другу в уборке урожая, вести хозяйство такое обширное. Но много, конечно, и реализовывали потом, продукцию. Приходили покупатели на дом прямо, на базар не носили ни отец, ни мать. Ведрами продавали и яблоки, и груши, и сливы, виноград, и что ты хочешь.

К.В. – Вспомните, как появились первые колхозы в Вашем селе?

Г.А. – В селе я не могу сказать, потому что здесь в 1930-м году, в Бердянске, сельхозартель была создана имени Шмидта на базе Колонии, создана, выполняя решение съезда партии, съезда по коллективизации, который, по моему, в 1929-м году был. Проводилась коллективизация сельского хозяйства: отбирали земли у колонистов. Почему большинство иностранных колонистов покинуло Бердянск? У них отбирали дома, отбирали скот, скот какой, лошади были, там и все остальное, и коровы, лошади, свиньи и так дальше у колонистов. Жили богато. Вот, например, отец дружил с колонистами Классен (фамилия Классен), Фрибус и Бех. Это немцы. А с этими своими земляками курскими, так они чувствовали, как дома (Бессоновы, Сопины, Алексеевы и другие).

К.В. – Хотели ли люди добровольно идти в колхозы?

Г.А. – Не хотели. Принуждали, по принуждению... Приходили, говорили: «Не будешь идти, значит, заберем все. Земли не оставим, а оставим маленький кусочек возле дома».

К.В. – А что было с теми, кто не хотел?

Г.А. – Да таких в Бердянске не было. Потому что земли у каждого много было, много в Колонии. Это в 1930-м году в Бердянске... А что в селах творилось, я не могу рассказать, потому что я в 1930-м году переехал в Камыш-Зарю. А что такое Камыш-Заря был в то время? Железнодорожный узел и рядом элеватор, и больше ни одного предприятия, ни колхоза, ни совхоза – ничего не было. Одни рабочий класс, служащие были, учителя в школах, медбольница и так дальше, а колхозников ни одного не было. Колхозы были по селам вокруг Камыш-Зари, там колхозы создавались.

К.В. – Что Вам известно о коллективизации?

Г.А. – Известно то, что и в истории. Партия ставила задачу, значит, чтобы механизировано было сельское хозяйство. Лозунги выдвигались в прессе, проводились собрания, агитаторы приезжали, что только объединившись, вместе вести, обрабатывать большие земельные массивы не коровами, не волами, а техникой: тракторами, комбайнами убирать и так дальше. А не в состоянии были крестьяне эти, а только объединенными усилиями, значит.

К.В. – Когда Вы впервые услышали слово «кулак»?

Г.А. – «Кулак» я услышал впервые, значит, в 1930-м году в Бердянске, когда началась коллективизация. Ну, а народ говорил, в народе была пословица тогда, кто такие кулаки. Те, что на кулаках спали всю ночь. Это я в селе услышали, по соседним селам говорили. Самые трудяги большие – это были кулаки, потому что они ночами просыпались и рано обрабатывали землю и так дальше.

К.В. – Кого понимали под этим словом?

Г.А. – Ну, понимали богатых крестьян, у кого больше всего земли было, больше всех скота было, коровы, воны были. Крестьяне не имели ни коров, не имели, например, некоторые лошадей, волов и так дальше. Это только богачи имели, кулаками их называли.

К.В. – Помните ли Вы Голодомор 1932-1933-го годов?

Г.А. – Ну, помню как? Сейчас я только помню. Почему сейчас? Мне было в то время, когда Голодомор начался, мне было около десяти лет, девять-десять лет. Что я мог помнить, если у нас в поселке, где я жил, никакого Голодомора не было? И в Бердянске не было Голодомора. Вы спросите у любого бердянца старого. Он скажет, что все рабочие, что трудились, интеллигенция, всем давали хлебные талоны. Получали хлеб, паек получали, хлебные пайки, там крупа, масло, сахар и так дальше. И мы, железнодорожники, например, отец на нашу семью, нас четыре человека жило в Камыш-Заре (отец, мать и нас два братика), полторы булки хлеба на день нам давали по норме. На иждивенца давали 300 грамм хлеба в день. Отец получал 800 грамм хлеба в день, мать получала 600 грамм хлеба в день. Если на тяжелой работе (путейцы, связисты, паровозники), им килограмм хлеба, кто работал, в день давалось по норме. Поэтому ни одного трупа, ни одного, чтобы голодал, железнодорожника я не знаю.

К.В. – Что говорили о причинах голода?

Г.А. – Ну, о причинах голода, значит, я потом узнал. Говорили, что нужна была валюта для государства, чтобы строить заводы, фабрики и так дальше, трактора выпускать, комбайны выпускать. Нужно было за границей станки покупать, а за границей требовали зерно. Вот в Германии, например, покупали много, немцы говорили, под хлебушек, под зерно будем. Поэтому составами туда вывозили зерно, за границу.

К.В. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

Г.А. – Случаев борьбы не видел, ну, пацанами были. Никто не умер, я ж говорю, у нас на поселке, никто не голодал, потому что тогда безработицы не было у нас. Все трудились сто процентов, а не трудился, значит, судили. Тунеядец.. И суд, шесть месяцев принудработы, посылали работать, куда ты не хотел, на транспорте там.

К.В. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

Г.А. – Я слышал. Я не читал и не слышал, нас никого не судили. Но говорили: даже за пять колосков, кто пойдет в степь и соберет колоски самовольно, даже пять колосков, тех людей судили. Но у нас такого не было, потому что никто не ходил. [...]

К.В. – Где брали зерно во время голода?

Г.А. – Ну, зерно где брали... Воровали часто, потому что были случаи у нас на элеваторе, рассказывали. Вывозили все зерно, отбирали, и куда? На элеватор завозилось. Ну, были случаи, говорили некоторые, мол, семья многодетная, не хватает у них, и поэтому поступали на работу родители, а потом выносили, карманы понабивают пшеницей. В карманах, потом, всякими путями, значит, то в сумочке, под ремешок выносили оттуда и так дальше. Воровали-таки, воровство было. Только не в колхозах, в колхозах не знаю. В колхозе там, может, по-другому было. Говорили, что кулаки хлеб прятали в землю, находили, писали в газете, рассказывали родители, что там милиция, значит, у одного обнаружила богача в селе одном, недалеко, в Червоном Озере, у кулака одного. Так пять мешков пшеницы в землю было спрятано, землей накрыто и спрятано. Ну, его судили, зерно забрали, а его осудили и его выслали. Так это разговоры, я не видел, но слышал, говорили, что выслали его из нашего края куда-то.

К.В. – Что люди сеяли у себя в огороде в это время?

Г.А. – Обязательно, потому что все занимались сто процентов огородами. Основные культуры, это были, на первом месте второй хлеб – картофель, морковочку, лук, кукурузу сажали, подсолнух почти, что не выращивали в то время, потому что убирать нужно его, и что с него делать. Масло бить, это государство занималось, завозило, в совхозах, а у нас огороды все имели до единого. Хочешь, не хочешь, тебе навязывают. Потому что очень много было земли возле железной дороги, отводилась полоса отчуждения, называлась, колхоз не касался к этой земле. Вот идет железная дорога, по одну сторону дороги двести

метров и по другую двести метров. Колхоз не имел права на эту землю. Это была государственная собственность, не колхозная, а государственная, и государство эти земли раздавало своим железнодорожникам под огороды. Так что вот это спасало.

К.В. – Как Вы выживали, чем питались во время голода?

Г.А. – Я ж говорю, железнодорожники жили как люди, то есть не голодали. Как это говорят, что пухли там, недоедали, возможно, и нам, железнодорожникам, не хватало сахара, например, не хватало масла коровьего, ну, на рынке покупали, люди коровок держали, железнодорожники... У нас в Камыш-Заре была, северная сторона поселка, отара своя коров, очень многие дворы держали коров, и вот то, значит, пили, молочком питались. Ну, что корова дает? И сыр дает, кормилица, и масло, и молочко, и сыр, и сметанку, и все, что надо.

К.В. – Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

Г.А. – В города? Ну, переезжали. Молодежь кончала школу, а устроиться нигде в селе, у нас, в Камыш-Заре, значит, многие молодые уезжали в город, где поступали. ФЗО были раньше, фабрично-заводского обучения школы, училища технические разные. Поступала учиться, переезжала, а потом, кончая, оставались жить в городе, в село уже не ехали.

К.В. – Что они делали, как они находили работу в городе?

Г.А. – Ну, как находили? Распределяли их, безработицы не было. На каждом предприятии висели объявления, что требуются токаря, требуются слесаря, требуются там каменщики, столяра, плотники и так дальше, люди разных специальностей. На счет безработицы, я ж говорю, даже в Камыш-Заре как раз была организована МТС в 1930-м году (машинно-тракторная станция), во время коллективизации в Камыш-Заре и набирали людей: токарей, слесарей, по ремонту, значит, тракторов. Уже начали появляться первые трактора, начали появляться

первые автомашины, плуги ремонтировать, бороны, сеялки.

К.В. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

Г.А. – Ну, у нас, например, никого не было нищих. Попрошайек не было, потому что велась борьба с безработицей в городах.

К.В. – Как относились к попрошайкам?

Г.А. – «Иди, работай!» – говорили. Прийдет кто, это рассказывали, там из села и просит, а ему говорили, иди на работу и будешь получать, иди в сельхозтехникум или МТС, иди на элеватор, иди на транспорт, им путейцы нужны, им связисты нужны, транспортники, элеватор, там рабочие нужны и так дальше. «Иди на работу, работай, а не ходи, проси, выпрашивай». И так дальше.

К.В. – Откуда были эти люди, которые просили?

Г.А. – Были откуда... Из колхозов, из населенных пунктов близлежащих.

К.В. – Можно ли было покинуть свою местность и пойти на поиски еды и работы?

Г.А. – Пожалуйста, у нас это не запрещали. В колхозах, говорят, там было другое положение. У них паспортов... это говорили, что не давали паспорта. А у нас, на станции, пожалуйста. Захотел ехать в город или в Запорожье – езжай в Запорожье, в Пологи – в Пологи, в Бердянск – в Бердянск, пожалуйста. Никто никому не запрещал.

К.В. – Куда, как правило, уходили?

Г.А. – Ну, куда... В города шли, где можно было найти работу. Не нравилось тут, дома, едет в город. А города ж кругом. Шло массовое строительство заводов в тот период, индустриализация государства, строили тысячи заводов. Вот, пожалуйста, наборы, наборы, наборы, кто желает добровольно. Целыми составами нас грузили, добровольцев, чтобы ехать, значит, поступать на заводы, в Днепропетровск, в Запорожье, еще область была у нас Днепропетровская, не Запорожская. До 1939-го года

Запорожской не было области. Мы принадлежали к Днепропетровской, Екатеринославской области.

К.В. – Были ли те, кто не голодал?

Г.А. – Да у нас никто. Я ж говорю, у нас в Камыш-Заре никто не голодал. Я понимаю голод, когда нечего кушать и человек пухнет, как говорили кое-где, и умирает. У нас такого не было.

К.В. – Существовали ли в это время рынки или места, где можно было что-то купить или продать?

Г.А. – Да. У нас в Камыш-Заре на привокзальной площади продавалась различная сельскохозяйственная продукция. Мы с рынка покупали. Молоко покупали у женщин, сметану, масло, мясо, курей покупали и так дальше, яйца и так дальше. [...]

К.В. – Как в это время выживали люди в городе?

Г.А. – Ну, вот в Бердянске рыба спасала всех. И стар и млад занимались рыбальством, в свободное время от работы с удочкой выходили. Бычок – спаситель был, и его как было тогда... Можно было залезть в воду и руками вылавливать бычок.

К.В. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе?

Г.А. – Легче жилось в рабочих поселках, вот как я жил. Ну, и в селах, конечно, каждый имел огород, хоть что-то имел.

К.В. – Сколько людей умерло в Вашем населенном пункте?

Г.А. – Ни единого человека. Я чего даю подписку: отец врачом работал; что б он, не знал бы? Сказал: вот семья голодает, умер человек от голода. Это ж ЧП было на железнодорожном транспорте допустить такое или на поселке. Ни один человек от Голодомора. Ну, говорят, что в селах помирали там и так дальше, это слышал я.

К.В. – Какую официальную причину смерти указывали в документах?

Г.А. – Кто голодал? Ну, как указывали... Недоедание, дистрофия. А дистрофики – это люди, которые недоедали,

не хватало им еды. Но у нас такого не было, так что отец никому такого не ставил. [...]

К.В. – Помогали ли люди друг другу во время голода, делились ли продуктами?

Г.А. – Ну, у нас, я ж говорю, что такого не было, чтобы голодали, делились и так дальше. Ну, если, например, каждый занимался огородничеством, полно было земли, полно... Это не колхозы, где колхознику дадут участок там 15 соток, а нам, пожалуйста, хочешь 10 соток, хочешь 20 соток, как и сейчас в Камыш-Заре. [...]

К.В. – Как местное руководство объясняло то, что происходило?

Г.А. – Ну, пацаны... Как я могу эти местные события рассказывать, если я ж говорю, что у нас не было этого, поэтому даже не было и разговоров на эту тему ни в доме не было на эту тему, ни среди людей там. Ну, что пацаны? Пацанам давай футбол гонять, цурку там играть.

К.В. – Как сами люди объясняли эти события?

Г.А. – Борьба с кулачеством, с богачами, выкоренить богачей. Это пресса писала, что кулачество осталось, эксплуататоры остались и поэтому государство, значит, отбирает хлеб у них. Люди говорили, что правильно, у богачей надо, значит, отбирать у них. Потому что каждый богатый, что был в селе, они ж нанимали бедных крестьян, нанимали бедных, а потом не давали того, что он зарабатывал, бедный.

К.В. – Изменилась ли Ваша повседневная жизнь во время голода?

Г.А. – Абсолютно нет, ни в чем. Как жили, так мы... Я ж говорю, личная жизнь, какая? Абсолютно...

К.В. – Может, жизнь Вашей семьи?

Г.А. – Да ничего не изменилось, не голодали, питались то, что надо и так дальше, тем более врачи, медперсонал, учителя и так дальше, я ж говорю. Получали полные государственные пайки, особенно на железной дороге так это и уголь бесплатно, и дрова бесплатно, шпалы и так дальше. Ну, паек, я ж рассказывал, что и хлеб получали, и

масло, и сахар. Может, недостаточно этого давали, хотелось конфет, хотелось шоколада, а его конечно... А так не нуждались мы. [...]

К.В. – Как потом вспоминали события Голодомора в Вашей семье?

Г.А. – Та даже разговора не было на эту тему, не было разговора. Потому что другие темы были. [...]

К.В. – А помните ли Вы голод 1946-1947-го годов?

Г.А. – Я помню. Я учился, был студентом, паек получал в институте. Ни один студент не голодал. Стипендию платили регулярно, столовая была студенческая, карточки получали на продукты и так дальше. Подсобные хозяйства, при предприятиях, даже в институте у нас было подсобное хозяйство. Рыба вот так, две рыболовецких бригады были, ловили бычка, рыбаки ловили тюлька баркасами. Кому надо, студенту, захочет, в выходной день выходит помогать разгружать баркасы. Поработал, заработал ведро, а то и два ведра тюльки, свежей тюльки, вот такая вот, жир с нее течет и так дальше.

К.В. – А как в этот период выживали люди?

Г.А. – Да как выживали... Ни один, я ж говорю, даже понятия у нас не было такого, что это был голод. Вот спросите в селе... В 1946-47-м году не было.

К.В. – Как Вы думаете, есть ли разница между Голодомором 1932-1933-го годов и 1946-1947-го годов?

Г.А. – Ну, я ж не переживал этого, поэтому не могу объяснить. В 1946-47-м годах более легче было. Это по слухам, что легче было, потому что и помощь поступала всевозможная. У нас даже говорили, что тут преподаватели в институте получали американские посылки. Кроме того, что они от государства получали хлеб, сахар, все остальное, кроме того им давалось Организация Объединенных Наций собирала в Америке и из других богатых государств им в коробках приносили и джем, и разные масла, и постное масло, и коровье масло, и разные наборы продуктов, консервы разные и так дальше. [...]

№ 8. – 2009 р., січень 23. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Марковим Іваном Юхимовичем, 1924 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Демко Наталею Анатоліївною (БДПУ).

Демко Н.А. (далі – Д.Н.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Марков І.Ю. (далі – М.І.) – Марков Иван Ефимович.

Д.Н. – Ваша дата рождения?

М.І. – 1924-й, 10 апреля.

Д.Н. – Ваша национальность?

М.І. – Русский.

Д.Н. – Место рождения?

М.І. – Место рождения: Запорожская область, Приморский район, село Орловка.

Д.Н. – Какое Ваше образование и профессия?

М.І. – Как Вам сказать? Профессия у меня механизатор.
[...]

Д.Н. – Какой национальности Ваши родители?

М.І. – Русские. Мать – украинка, а отец – русский.

Д.Н. – Откуда родом Ваши родители?

М.І. – Отец отсюда, по адресу, где я живу, а мать – Воскресевка, тут недалеко. [...]

Д.Н. – С какого времени Вы живете в Бердянске?

М.І. – [...] Я был на Целине аж, там жил 20 лет, а потом оттуда переехал аж в Бердянск. [...]

Д.Н. – Что Вам известно про коллективизацию?

М.І. – А коллективизацию еще выговорить надо [сміється].
Та ну что, когда начали колхозы, я еще был поменьше немножко, когда Голодомор был 22-й год и 23-й, вот в это время началась коллективизация. Начали колхозы, начали забирать у родителей транспорт, ну, чем они обрабатывали землю, все в общем.

Д.Н. – Когда Вы впервые слышали слово «кулак»?

М.І. – «Кулак»... это ж мы жили дома, а отец и мать у них была уже бабушка, я набрежал, а она не хотела идти в колхоз. Кто не хотел в колхоз идти – это значит «кулак» уже. Выгоняли с хаты и от то.

Д.Н. – А кого Вы поняли под словом «кулак»?

М.І. – Богатый. Это богатые люди «кулаки». Они трудились хорошо, поэтому они состояние нажили большое.

Д.Н. – Помните ли Вы Голодомор 32-33-го?

М.І. – Да.

Д.Н. – А что говорили про его причины?

М.І. – Про Голодомор... Ну, забирали хлеб, начали ховать этот хлеб от людей потому, что приезжали, забирали все. Присылали с Москвы специально этих людей и забирали последний хлеб, даже в детей. Это и Голодомор получился, что хлеб забрали, а дома кушать нечего, вот и...

Д.Н. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

М.І. – [Замислився]. Ну, как... жили как-то, мы только выжили ради моря, жили и поэтому выжили. Если б не это море, то нас давно бы не было.

Д.Н. – Иван Ефимович, а Вы слышали «Закон о пяти колосках»?

М.І. – Да.

Д.Н. – Что Вы можете о нем рассказать?

М.І. – Это значит, когда подходит осень после уборки, а раньше мыши таскали колоски эти и складывали, вот люди искали колоски эти, хлеб и приобретали немножко это, а за это наказывали сильно.

Д.Н. – Чем питались люди во время голода? [...]

М.І. – Колоски – это хлеб, немножко там было, а то море. Нас море хорошо выручило. [...]

Д.Н. – Известны ли вам случаи нищенства в это время? [...]

М.І. – Да. Я помню и мать, и это просили, молоко. У нас был сепаратор, и от сепаратор когда был и мать посылала, и сестра у меня была, но я не ходил никуда, вот такая натура у меня была [сміється]. А сестра ходила с глечиком

и просила, и давали молоко ей, за счет этого жили. Принесет, а мать уже готовит.

Д.Н. – Как относились к этим людям, которые ходили просили?

М.І. – Ну, некоторые уважали, а некоторые плохо были.

Д.Н. – А откуда были эти люди, нищие?

М.І. – Ну, нищие люди, как вам сказать... [замислился]. Я Вам уже вперед сказал, что забрали хлеб, хлеба нет, ничего нет, и получилось, что нищими стали, а богатые, те, что в колхоз перешли, в колхоз, и стали жить и работать, у них не забирали. Вот они немножко были..

Д.Н. – Побогаче?

М.І. – Ну, богаче нельзя их сильно называть, ну, они питались лучше.

Д.Н. – Иван Ефимович, можно ли было в это время покинуть свое село, город и пойти на поиски работы?

М.І. – Трудно было это потому, что документов не давали. Чтоб выехать с села нужен паспорт, а чтоб паспорт добыть нужно распоряжение колхоза, сельского совета. Если дадут, но не пускали никого.

Д.Н. – Куда, как правило, уходили?

М.І. – В город. Больше нас уходило, конечно, в Донецк. У нас Донецк ближе, вот уходили туда.

Д.Н. – Были такие люди, кто не голодовал?

М.І. – Да.

Д.Н. – А кто это был?

М.І. – А вот те, что я уже говорил, те, что пошли в колхоз рано и, может, там знакомые были, начальство, и вот они жили зажиточней. Вот они почти не голодовали.

Д.Н. – Были ли в это время базары или места, где можно что-то купить?

М.І. – Базар был рядом. Выносили что у кого есть: яйца, молоко или что-то. Выносили на свой базар и продавали.

Д.Н. – Как в это время выживали люди в городе?

М.І. – В городе более-менее лучше потому, что тут хлеб давали, по карточкам выдавали хлеб, а в селе ничего не давали.

Д.Н. – Иван Ефимович, сколько людей умерло в Вашем населенном пункте?

М.І. – Очень много. Я количества, конечно, не могу сказать, но наших от голода, а еще война ж... [...]

Д.Н. – Иван Ефимович, а какую официальную причину смерти указывали в документах во время голода?

М.І. – Причину – хлеб забирали, ликвидировали, все забирали в город. Сталин и еще были руководители-суки, специально забирали, вот они и жили за счет этого хлеба, что забирали у колхозников.

Д.Н. – Что делали с умершими во время голода?

М.І. – Я не помню, конечно, но людей не ели. Ну, а хоронить специально было в колхозе бригады и копали ямы, и хоронили в общей яме. Там не хоронили так, как тут хоронят у каждого гроб. В то время не было, особенно в 33-й год.

Д.Н. – А если после смерти родителей оставались дети, что делали с ними?

М.І. – Так вот же мы и остались. Ничего не делали, выжили, а потом пошли эти колоски, собирали, а все запрещалось. Вот эти колоски и там еще кукуруза где оставалась, собирали и этим питались.

Д.Н. – Помогали ли люди друг другу во время голода?

М.І. – Да, помогать – помогали, но все были слабые, некому там помогать было. Там в каждый дом зайти и там лежал человек, в каждом доме почти.

Д.Н. – Как местное руководство объясняло то, что происходит?

М.І. – Как объясняло? Как Вам, чтоб пограмотней сказать, я не знаю. Что обещали, обещали, что будет лучше.

Д.Н. – Как они объясняли, говорили почему такое происходит?

М.І. – Не хватало в городе хлеба. Люди умирали тоже в городах и забирали все и говорили, что это, как его...

Д.Н. – Помощь городу?

М.І. – Да. [...]

Д.Н. – Иван Ефимович, помните ли Вы голод 21-го и 46-го?

М.І. – Я 21-й, конечно, не помню, я ж 24 родился. Говорят, что 21-й год еще хуже был, еще хуже 32-33-го. У моего отца мать умерла, жена умерла, но я не был, по разговору только.

Д.Н. – А голод 46-го Вы помните?

М.І. – В 46-м году я как раз с армии демобилизовался, в 46-м году. Это ж много надо писать! Я ж попал в концлагерь, был в концлагере, потом освободили, забрали в армию, а с армии приехал домой в 46-м году. Отец умер в 46-м году, умер отец, родной отец. Тоже голод был. [...]

Д.Н. – Хотелось ли Вам, находясь в городе, поскорее вернуться домой?

М.І. – Домой всегда хотелось. Всегда. Я даже в 46-м году... был голод тут, а я был в армии в Венгрии, город Сапрун, и вот когда кинулись домой ехать, а голод был, всем дали солдатам по 10 килограмм муки, в вещьмешок полный набрал и все тянуло домой, а можно было и там быть. Нет – домой. [...]

№ 9. – 2009 р., січень 12. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Александровою Ніною Прокопівною, 1925 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

Тільчарова К.О. (далі – Т.К.) – Назовите свое имя, фамилию, отчество.

Александрова Н.П. (далі – А.Н.) – Александрова Нина Прокофьевна.

Т.К. – Национальность?

А.Н. – Украинка.

Т.К. – Дата рождения?

А.Н. – 1925 года, 25 июня.

Т.К. – Место рождения?

А.Н. – Место рождения... Я родилась под Херсоном. Какое село, я уже и не помню.

Т.К. – Какое у Вас образование?

А.Н. – Образование восемь классов. [...]

Т.К. – Когда Вы переехали в Бердянск?

А.Н. – В Бердянск я переехала в 32-м году. [...]

Т.К. – Что Вам известно про коллективизацию?

А.Н. – Про коллективизацию? Ну, что коллективизация? То ж было сначала свои хозяйства, ну, маленькие наделы там земли, ну, в зависимости от хозяина. Кто как, как работал. Были большие хозяйства, были маленькие хозяйства. Ну, у нас было маленькое, ну, не так большое. Это не важно. Что знаю? Знаю то, что начали потом, что было такое постановление правительства, что маленькие эти все хозяйства соединить в коллектив, коллектив, коллективизация называлась. Собрать всех в коллектив, у кого что было там... орудия труда на земле. Там сеялки, веялки, лошади, кони, коровы и все такое. Был указ правительства соединить, колхозы образовать, чтобы большое коллективное хозяйство образовать, не отдельно чтобы были хозяйства, каждый сам себе обрабатывал, кто не в силе был обрабатывать. А хозяева, конечно, старались обрабатывать, нанимали людей, потому что у них было чем и засеять, чем и на чем работать, чем орать, чем пахать все. А маленькие хозяйства... правительственный был такой указ, что надо коллективное, большое коллективное создать хозяйство. Чтобы все вместе работали.

Т.К. – А когда Вы впервые слышали слово «кулак»?

А.Н. – «Кулак»? Когда начали эти образовываться хозяйства коллективные, зажиточные люди не хотели идти в коллективизацию эту, потому что они имели все. А в основном были середняки или бедняки. Ну, середняки,

конечно, называли и богатые себя, считали, мол, мы средняки, мы не такие богатые. Ну, они «кулаки» были, по сути, потому что они имели все, ну, так называли. Так называли, назвало государство, что они «кулаки», что они все имели. А бедняки что они? Они ничего не имели. Что они имели там? Одну бедность имели. Тянули так потихонечку свое хозяйство. То просили у богатых, отработывали, потом просили то лошадку, чтобы вспахать. Не каждый имел лошадей там, коров. Просили, а потом отработывали. Конечно, это дорого обходилось, но некуда было деваться. И люди... Вот тогда и услышала, когда начали...эта самое... начали объединять коллективы, вот тогда и слышали слово «куркуль». Потому, что они, люди, все имели, и слово «куркуль»... Мы это слово как-то недопонимали, что это такое «куркуль», но знали, что это богатый человек «куркуль». Вот тогда и услышала.

Т.К. – Помните Голодомор 32-33-го годов?

А.Н. – Та не особенно я и помню Голодомор 32-33-го, особенно не помню, потому что была еще мала. Не помню. Раньше послевоенный голод был, там я уже помню. Больше помню. А эти я как-то не помню.

Т.К. – А что говорили про причины голода 32-33-го годов?

А.Н. – А что говорили? Что говорили, что вредители были, вредили. Все списывали на вредительство. Люди этого не хотели понимать, что голод. Вроде и что-то и было, и сеяли, вроде было, а голодовали.

Т.К. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

А.Н. – Ой. Какие... Какая там борьба была с голодом?! Люди как могли, так и выживали. Ой. Как могли, так и выживали. Какая борьба, какая борьба? Палили этих самых... кто лучше жил, тех палили. Ну, это были такие случаи единичные. Воровали. Какая борьба, ну, какая борьба может быть с голодом? Люди на все шли, только чтобы выжить.

Т.К. – А слышали о «Законе о пяти колосках»?

А.Н. – Ну, это был «Закон о пяти колосках» той, что вот, например, уже коллективные хозяйства собрали, уже колхозы были, общими, общими силами засеивали эти поля, вот убирали, вспахивали, а потом, когда собирали все с полей, посылали людей, чтобы колосочки собирали, которые остались на земле. Вот их и собирали. А люди ж голодные были, вот и сдавали их, эти колосочки. А люди голодные, ну, было такое, что и прихватаешь что-то, потому что... Ну, надо было и домой принести, ну, были младшие сестры, братья, и люди старались что-то это прихватить себе домой. Ну, понятно, что тяжелые были годы. И за это очень наказывали людей, и создали тоже какой-то приказ; слышали, вроде вот это правительство, правительственный такой был приказ, а свыше или может сниже... меньших эшелонов власти, этих самых начальства. Ну, говорили, что есть у нас этот самый приказ, что вплоть до того, что забирали дома за эти колоски, могли что-то забрать и... Вплоть до того, что могли и посадить за эти пять колосков. Ну, люди все равно были голодные и как-то умудрялись что-то себе оставить. Ну, это было очень осторожно, потому что это было строго, очень строго было на счет этих колосков. Ходили потом собирали картошечку, когда выкопает колхоз уже картошку, выкопает – уже осень, уже морозы, а нас, детей, посылали туда на поля перекапывать картошечку. Целый день вон-то копаемся, кто полведерка найдет – то резанную, мерзлая уже картошечка. Нас тоже гоняли, детей, и забирали все это, не давали. Пусть оно лучше было, пусть оно лучше в земле сгниет, пропадет, но чтобы вот это взяли себе?! За это очень было строго, очень было строго. И обидно, что так делали они.

Т.К. – А как Вы выживали и чем питались во время голода?

А.Н. – Ну, я ж говорю, то это колоски собирали, то картошку где-то что-то, то траву, траву вот эту ели, лободу в основном. Делали какие-то лепешки, у кого там, может,

какое-то зерно немножко оставалось – смелет. Были такие мельничники, ну, ручные. Передерем, передерем на крупу, и там что-то вот так-то лепили эти, подсевали эту мучку, лепили эти, парили лободу и лепили. Но очень, конечно, очень невкусное, гидкое и противное [сміється], но другого выхода не было. Ели сусликов. Сусликов, помню, и в эти годы ели. Другие говорят, но я не слышала такого, были такие случаи, что ели котов, собак, вот. Но мы в основном сусликов. Вот ходили, двоюродные братья у меня были, постарше, эта самое, ну, такие, что постарше меня были братья, и мы ходили сусликов вытягивали из нор. Делали такие крючки и из нор. Их тогда много было, много развелось, и поля были еще не сильно обработанные, зарастали быстро, потому что люди сразу не могли как-то с этим... с этим справляться... ну, с этой коллективизацией. Ну, было сначала как-то очень тяжело. Вот это и выживали на этих, в основном, сусликах, сусликах, воробьях. Поймают там... за... заманки какие-то делали, ловили. Как-то выживали, выживали. Тяжело, конечно, очень. Выживали.

Т.К. – А известны ли Вам случаи, когда в города переезжали жители сел?

А.Н. – Ну, переезжали то, переезжали. Переезжали то потом, позже. А сначала не давали, не разрешали переезжать. Первые вот эти... Ну, переезжать давали после войны давали переезжать, а так не разрешали. Был такой приказ, это чтобы все начали... были там, где они есть. Надо было в колхозах в этих работать. Это был тяжелый труд и не разрешали переезжать, та люди и не думали переезжать тогда в города в неизвестность. Уже выживали каждый на местах, как знал, а чтобы переезжать – такого не было сначала. То потом уже, позже начали люди подаваться в города.

Т.К. – Были ли в это время нищие?

А.Н. – Ой, нищих много было. Очень много было нищих. Потому что голод все. Приходили, не только наши

бедовали... в селах, из других сел вот приходили, из других сел в этот самый, наши, через наши села шли. Было много нищих. Очень много было нищих. Было что давали, а в основном не было в эти годы тяжелые. Годы тяжелые были. То уже в послевоенные годы то тоже было нищих много. Там уже-то могли люди где-то что-то дать там. Ну, легче было уже. Как-то в те уже послевоенные годы, а в эти годы в основном, когда колхозы создали средняк» эти, что «куркулями» их называли, их повыселяли, выселяли из сел, забирали все. Они не хотели, конечно, идти в эти коллективные хозяйства. Их потом... сначала агитировали, они не хотели, их потом силой заставляли, забирали все это вот, а их в приказном порядке сажали на подводы, там оставляли им одну, может, лошадку та телегу и отправляли в Сибирь, туда, где-то далеко. И они вон то уезжали, а оставались те, что уже люди такие среднего достатка, но они уже начали уже работать потом. Уже легче немножко, уже какую-то похлебку им иногда варили, особенно когда собирали урожай или сеяли, какую-то похлебку им там давали, варили. Какая-никакая. Ну, а мы, дети, мы дети, нам, детям, ничего не давали. Вон то дома родители из чего могли, с того что-то приготовят. И так выживали. Тяжело.

Т.К. – А были ли те, кто не голодал?

А.Н. – Были. Конечно [сміється]. Были такие.

Т.К. – А кто они были такие и как они жили?

А.Н. – Ну, были такие, как активисты. Они не голодали. Активисты эти, что ходили по дворах, забирали все. Активисты их называли. Они не голодали, они в достатках жили. Вот. Конечно. У них было, у них было... там и курей держали, и свиней держали. Были такие. Это естественно. [...]

Т.К. – А как в это время выживали люди в городе?

А.Н. – В городе. Ну, в городе уже лучше жили. Так слышала я и от родителей и от людей, что в других городах люди жили, приезжали из города. Там лучше, там

такого не було. Знаю хорошо, там привозили к нам в село то ткань какую-то, ситец, то что-то пошитое из ситца. Это я знаю, что было. Что они приезжали, в основном какие-то вещи поменять на яйца там в село. Яйца, масло у кого было там. Люди ж уже начали обживаться. Вот. Вон то так жили. А чтобы вообще... денег вообще не было. Денег вообще не было. Вон то яйца, если курочка у кого есть снесет, та их обменивали. Как говорится, как сейчас говорят, бартер был. Обменивали. А так не было, чтобы деньги были. Тогда денег, ну, у богатых, конечно, были. У этих были. У активистов были деньги. Они жили. Это видели все. Мы видели все: они живут хорошо и дети ихние. И в школу видели, как они ходили. А бедные, бедненькие – они выживали, как могли. Кто ходил из бедных семей в школу, кто не ходил. Это смотря в чем. Если можно было в чем идти, они ходили, если не было, не ходили. Потому что не было в эти годы сначала ничего. Потом уже началась там обувь, началась то резиновая привозить обувь. То шорники, как говорилось у нас... что зброю вот эту делали для лошадей, та лапотушки делали, назывались они...как же они назывались? Черевики назывались. У меня был дядька, жил рядом, так...ну, там, через несколько хат. Так он был вообще мастер был по пошиву обуви. Он шил сапожки какие-то. Где он брал, как умудрялся? Где брал кожу? Или из парусины. Он шил хорошо, и вот эти, как они... не черевички, как они назывались... спортсменки или как они? Я уже и забыла, как они назывались. Но хорошие, добротные он делал. И мы к нему ходили, делали заказы. У него, конечно, он потом начал лучше жить. Других, кто... Потому что он был мастер своего дела. Вот. Так что он уже начал выходить из этого. Что забрали у него, он начал обживаться, имел больше, чем кто-либо имеет.

Т.К. – А Вы сказали, что в 32-м переехали в Бердянск, а почему?

А.Н. – Потому что эта, надо было, папе там предложили работу. Предложили работу и туда переехали в город. Вот это было в основном такая причина, что надо было ехать. Работать-то надо было. Вот и переехали.

Т.К. – А где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе?

А.Н. – Ну, в городе, конечно, легче жилось, в городе легче. Вот такую нужду в городе и не знали. Вот уже в селах после этих самых...ну, как оно сказать, Господи, ну, короче говоря, легче жилось в городе, потому что было здесь больше возможностей где-то что-то обменять, где-то что-то, море рядом, где рыбка, где что. Легче было. Рыбный город. Рыбы в те годы, знаю, очень много было. Ходили на берег, могли даже с моря выйти рыбаки, когда где кто сильно бедненький, так могли дать, потому что люди были очень слабые, надо было им помогать. Были такие добросердечные люди, что давали и бесплатно эту тюлечку.

Т.К. – А сколько людей погибло в Вашем населенном пункте?

А.Н. – Ну, много, много. Их никто не считал, потому что учет никто не вел. Погибали люди от голода, умирали. Ну, их учет никто не вел тех людей. Ну, много.

Т.К. – А какую официальную причину смерти указывали в документах?

А.Н. – Официально смерть людей не указывали, мы не знали. Потому что у нас не было ни врачей, не было этих самых... амбулаторий, как у нас сейчас. Называются амбулатории. Не было фельдшерей, фельдшеров не было. Вот, так что сами дома обходились, своими средствами лечились. [...] А когда умирали, мы вообще не знали, что он там пишет, потому что мы ж не... кто ж нам даст читать или нам расскажет? Он свое заключение делал и уходил. Вот. Хоронили этого человека, вывозили, хоронили и все. [...]

Т.К. – А если после смерти родителей оставались дети, что с ними делали?

А.Н. – Ну, дети если оставались, если были родственники, родственники себе забирали, а не было родственников – сами по себе дети были. Соседи как-то помогали. Или дети постарше – они уходили. Кто его знает куда уходили, потому что если одни оставались, никому не нужные. Кому они нужные были? Сами люди нуждались. Они уходили. То в основном у кого-то в селах все равно был родственник какой-то, их брали в свои семьи, хотя несладко там жилось, но все равно работали, что свои дети, что этим сиротам доставалось. Никуда их не забирали, тогда не было ни домов для детей, ничего не было. Жили, кто как мог выживал, особенно в голодовку в эту вообще. То страшное было.

Т.К. – Помогали люди друг другу во время голода?

А.Н. – Да, было такое что соседи, если хорошо. Вот, например, дружили, дружим с соседом, с соседями, то кто-то что-то чем-то помогал, хоть немножечко, хоть крошкой какого-то хлеба, но помогали. Помогали. Тогда как-то больше, сердечней, люди были, как-то жалеснее были друг к другу. Не было какой-то вражды. Выживали, как говорится, в общую беду. Кто чем мог делился. Тоже были такие, которые ездили к морю, хотя там далековато море. Пеши ходили к это то же за тюлечкой за этой ходили, выменивали там. Не знаю на что. Люди ездили, ездили там, брали у рыбаков тюльку, а потом ездили по селам в эти годы. А в послевоенные тоже так, в послевоенные ездили туда к морю. А потом ездили в послевоенные, уже все равно как бы там не было голодали, но уже как-то более-менее переносили. А потом ездили по деревням выменивали, то кто хлебушка даст, кто там яйцо даст, потому что как-то надо было жить.

Т.К. – А местное руководство как объясняло то, что происходило?

А.Н. – А что местное руководство, что им объяснять?! Они объясняли тем, что так надо, так надо. Правительство постановило: так надо. Хлеб нужно сдать государству и все. Мы откуда знаем?

Т.К. – А как сами люди объясняли эти события?

А.Н. – А как они могли объяснить? Никак не могли объяснить. Как можно объяснить про такое, что забирали все? Никак. Люди прятали у кого что было. И в землю закапывали, чтобы не забрали, потому что было детей, в основном детей было не один, не два, а было и три, и четыре, и пять, много было детей, и до восьми детей было. Надо было чем-то кормить, а на это не смотрели, а все забирали, люди прятали. Ночами рыли где-то в огородах или в степь вывозили. Рыли ямы, туда прятали, зерно прятали и тряпки прятали, ну, вещи, потому что страшно было без ничего оставаться. А потом начали уже описывать. Ну, были такие люди, что доказывали: от было, у них есть. Были такие вредные. Что у них есть. А придут описывать, придут забрать что-то, говорят: «А у вас же было где-то». Начинают искать. Начинают ходить со штыками такими, землю ковыряться, в там соломе ковыряться начинают. Не находят – они потом берут и описывают, вещи какие-то забирают. Где эти вещи девались, они ж то не пошли правительству, где они девались эти вещи? Потом говорили, слышала, что говорили люди, что видели то у председателя колхоза, видели то у заместителя, то у таких, кто ходил по дворам, что видели свои вещи у них. Вот так было. Грабили да и все. Не может правительство это хотело, как на местах, местные грабили. Вот так считалось, люди считали. А мы, детвора, мы то не сильно вникали, но слышали, так говорили, потому что в основном же крутились где родители, там и мы. И работали вместе и все и слышали, что говорят, что сами местные грабили. Такой был разговор. [...]

Т.К. – Помните ли Вы голод 1946-го года?

А.Н. – А, 46-го года... Так говорили, там уже люди говорили, выживали. Сусликов ходили, на сусликах вот это выживали. Кто зерно где-то что-то украдет. Крали, конечно, потому что люди голодали. Как строго не было, но люди голодные были. Люди были голодные, как-то надо было выживать. Детвора особенно, ну вот. Я ж говорю, опять таки эта ж лобода. Лободу лепили. Там как жменя муки – смелют зернышки эти, потом, попозже, это уже после коллективизации, это когда забрали.. У нас один был дед, что у него или осталась (как-то прозевали), или он потом сделал... Была не крушорубка, а как мельница, как мельница своя была. И вон то туда люди ходили – там килограммчик, полкилограммчика, сколько зерна было, они ходили. За это, конечно, он брал что-то. Мололи эту мучку и делали... называлось у нас это как шлихта что ли, вот такое. Поболтуха какая-то. На воде, у кого вода, кто на молочке. Чуть там для заправки, было, кидали этой мучки туда. Делали такую редкую побалтушечку и вон то туда ели этим. А главный рацион был – это эти суслики. И я пробывала сусликов, они не плохие, мясо вкусное, хорошее такое [сміється]. А куда деваться? Приходилось. [...]

№ 10. – 2009 р., липень 5. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Александровою Ніною Прокопівною, 1925 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

Тільчарова К.О. (далі – Т.К.) – Назовите свое имя, фамилию, отчество.

Александрова Н.П. (далі – А.Н.) – Александрова Нина Прокофьевна.

Т.К. – Национальность?

А.Н. – Украинка.

Т.К. – Дата рождения?

А.Н. – 25 июня 1925-го года.

Т.К. – Место рождения?

А.Н. – Я родилась под Херсоном.

Т.К. – Какое у Вас образование?

А.Н. – Образование 8 классов.

Т.К. – А профессия?

А.Н. – Профессия технолог, инженер. [...]

Т.К. – Когда Вы переехали в Бердянск?

А.Н. – В 32-м году я переехала в Бердянск.

Т.К. – Что Вам известно про коллективизацию?

А.Н. – Что мне известно о коллективизации? Загоняли в колхозы, решили все частные хозяйства объединить в одно целое. В коллективное. Ну, и начали. Кто побогаче жил – забирать скот, там какое там было, то сеялка, то веялка... этот самый... плуг, что было... И все шли – богатые и можно сказать средняки, которые имели..., можно сказать, ничего не имели, а загоняли в коллективизацию, в общее хозяйство. Сначала было непривычно. Кто шел с охотой, кто победней. Кто побогаче – не хотели отдавать, их высылали. Вот.

Т.К. – А когда Вы впервые слышали слово «кулак»?

А.Н. – Я не помню, в каком году – когда началась коллективизация. И перед этим были кулаки, называли богатых людей. В каком году я не знаю. Это было... я была еще ребенком, я не знаю. Тогда слышали: «кулаки, кулаки». «Кулаки», но значение этого слова мы не понимали. Но знали, что кулаки – это богатые люди. Вот так.

Т.К. – Помните ли Вы Голодомор 32-33-го года?

А.Н. – Да, была мала еще. Так особенно не ощущала голода, потому что на рыбе выживали еще. Возле моря ходили к рыбакам. Рыбаки подкармливали, там брали тюлечку подбирали, то давали немножко. Были раньше люди, которые сочувствовали, ну, и вот так выживали.

Т.К. – А что говорили про причины голода 32-33-го годов?

А.Н. – Ну, что говорили? Говорили, что неурожай. Ну, неурожай не мог же быть. То сейчас понимаю, что не мог быть неурожай во всем Советском Союзе тогдашнем. Не мог. Потому что и Поволжье голодало, и в Казахстане голод был. И на Украине был голод, везде. Мои дед, баба были с Урала, и там голод был. Так что... Чтобы однозначно, не знаю, не могло быть чтобы везде. Ну, потом стали так понимать, что это была такая политика. Дурная какая-то политика, непонятная. Что забирали все. Не так, может постановления не так, а на местах, все это на местах выслуживались местные власти. Шастали, забирали, обижали людей. Вот такие.

Т.К. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

А.Н. – Ну, какие случаи борьбы голодом? Никакой. Кто мог бороться с этим голодом? Сами собой боролись. Сами выживали. Кто на травках... Лободу ели, сусликов ели. Вот. Ну... Вот, когда потом колхозы уже стали, тогда ходили собирать колосочки, гоняли нас. Детвору гоняли, колосочки собирали. Вот. Забирали. То школами потом выгоняли, школы потом собирали колоски. Вот такая борьба была. Какая борьба? То колхоз собирал потом в селе картошку, ходили картошку перекапывать, может, где какая картошина оставалась в земле. Перекапывать. Тоже гоняли, тоже местная власть. Уже все. Коровы паслись там, и овцы паслись, мы ходили, бегали. Перебирать, перекапывать эту картошку. Все равно гоняли. Оно уже замерзало, гоняли, не давали. Лучше пусть в земле пропадет. Это все местные. Это все местные делали на местах. А нас гоняли, чтобы не собирали.

Т.К. – А слышали о «Законе о пяти колосках»?

А.Н. – Да, было такое. Было такое, что гоняли за пять колосков, говорят, что судили. Не сильно вникали, детьми еще были. Но а слышали, что гоняли. Но, а мы... нас в школе гоняли колоски собирать, то напололам какой-то год был: половину соберете в колхоз, половина останется себе. Потом уже лучше пошли годы, все равно

перевеивали солому, полову, когда резали. Уже в степи, в скирдах было. Уже что-то через веялку какое-то зерно высыпалось, тоже его забирали. Но старались что-то себе уворовать, как говорится, оно ж уже ничейное вроде было. А... и себе в карман положить, чтобы домой хоть какую-то горсть принести пшенички или что там рубали на полову эту. Перемеливали солому эту, перемеливали на поводьях, корм, корм скота. Ну... и там старались где какое-то зернышко выпадет с соломорезки – подбирали его, чтобы никто не видел, и прятали, чтобы домой принести. Выживали как-то, тяжело было, но выживали.

Т.К. – А как Вы выживали и чем питались во время голода?

А.Н. – Я ж об этом и говорю, я ж уже сказала, чем мы питались. Лободой, лободой, сусликами. Ели. Дедушка с бабушкой на Кубани были, говорят: и котов ели. И тут, говорят, ели, но у нас мы в основном сусликами и травой, сусликами. Но у нас еще коровка была, как-то уцелела она. Коровка, молочко, хоть понемножку. Это, правда, после войны оно было, послевоенное оно такое время было уже.

Т.К. – А известны ли Вам случаи, когда в города переезжали жители сел?

А.Н. – Переселялись, у кого была возможность, у кого были родственники, у кого была возможность, те в город переселялись. Мы потом попозже переселились.

Т.К. – Что они делали и как находили работу в городе?

А.Н. – А тогда работу было найти проще простого, не то что сейчас. Приезжали и что-то на фабрики шли, на заводы, улицы подметать шли. Находили работу, была работа. На базы перевалочные шли. Так что находилась работа. А сейчас нету работы, а тогда находилась работа.

Т.К. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

А.Н. – Много было, нищих тогда много было. Тогда не только свои голодали, но и чужие приходили, с других сел ходили. С детьми и сами. Обшарпанные, больные. Знаю, что с Западной Украины потом к нам приходили.

Переезжали. Как они добирались — не знаю, но квартировали у нас, и с детьми приезжали. Так что народ шастал по всей Украине, чтобы выжить как-то.

Т.К. — А как относились к этим нищим?

А.Н. — По-разному. Бедные еще могли чем-то поделиться, бедные с бедными. А богатые — как они были богатыми, так они и оставались богатыми. Они не хотели, гнали их, и собаками травили и... Богатые не очень то... Или же нанимали за еду и люди работали целыми днями, а их покормят два раза в день, так относительно покормят, не то что там сильно прикармливали. Как нищих, как бесплатную силу рабочую эксплуатировали. [...]

Т.К. — Можно ли было покинуть свою местность и уйти на поиски работы и еды?

А.Н. — Можно было. Только без... сначала вообще не шли люди, как попало никого не спрашивали, а потом уже стали, попозже уже стали, уже не пускать стали в другую местность, колхозами стали не пускать, колхозы, когда стали не пускать. Рабочая сила нужна была. Попозже уже были, конечно, колхозы уже, это не сравнить. Люди как-то... первые год-два там еще в колхозах было тяжело, а потом уже, уже людям нравилось, после войны особенно людям нравилось. Знали, что заработают что-то, голодные не были, платили неплохо, зерном платили и это... То сначала было тяжкувато, а потом уже не страшно было. Знали, что накормят, как и в городе знали, что пойдешь на работу, заработаешь. Два раза, особенно в городе, два раза платили, и получка и аванс. Знали, что никогда уже не будешь голодным уже, это потом хорошо было. А сначала, конечно, тяжкувато немножко было, но все равно как-то люди воспряли духом, как-то работали. И шли на работу с песнями, и с работы с песнями. Как-то и время находили, и потом дома, и живность заводили, и вот и дома успевали делать, и в колхозах успевали. Потом было хорошо.

Т.К. — А были ли те, кто не голодал?

А.Н. – Ну, конечно, были. Были заможни, были они побогаче были, что у них забирали потом, я ж уже говорила. И скот, и плуги забирали, но они потом у начальства выбивались. Старались со всех сил бедного еще сделать беднее, а сами на этом наживались. [...]

Т.К. – А существовали в это время базары или места, где можно было что-то купить, выменять?

А.Н. – Нет, ходили по хаткам. В селах, например. Базар был в городе. А в селах были, по хаткам ходили. Носили, кто что мог, и тряпки, все, и меняли на продукты. С городов ехали, уже в городах легче, особенно в Бердянске легче, тут как-то море было, рыбы больше было. Тут не так люди голодали. И потом, по рассказам и по старшим поколениям, они говорили, что такого голода, как в селах, они не ощущали. А в селах было тяжело, тяжело было. Сначала. А потом уже, конечно нравилось, мне, например, нравилось. К родственникам приезжала, тоже мне нравилось, что было, что есть, было что пить, уже и одетые, и обутые были.

Т.К. – А как в это время выживали люди в городе?

А.Н. – В городе по-разному. В городе, я же говорю, легче было. Рыба выручала, море выручало. И фабрики, заводы работали, что-то платили людям. Здесь легче выживали, чем в селах.

Т.К. – А, сколько людей погибло в Вашем населенном пункте?

А.Н. – Ну, кто его знает, кто им счет вел? Много умерло, много. Кто выживал, кто не выживал. Кто мог, выживал, кто... Много и не известно. Так чтобы вообще села вымирали, такого не было. Люди как-то выживали. Старались соседи, старались у кого что. Куском хлеба делились. Как-то были люди в селах щедрее. Щедрее были, чем сейчас, вот. А в городе, в городе как было... Сидят... Я ж говорю, море кормило.

Т.К. – А какую официальную причину смерти писали в документах?

А.Н. – А, кто его знает? Кто его знает? Мы были детьми, не знаю какую. Истощение? Истощение, наверно, организма, раз голодовали. Потом придумали какие-то болячки несуществующие. Кто его знает?

Т.К. – А что делали с погибшими во время голода?

А.Н. – Ну, что? Хоронили, как и везде. На повозочку, у кого была лошадка, на повозочку, лошадкой. А, нет, в селах так выносили за село, на кладбище было. Хоронили, на земле не оставляли никого. В селах никто, у нас в селах никто не валялся.

Т.К. – А если после смерти родителей оставались дети, что с ними делали?

А.Н. – А ничего, что с ними делать? Бродяжничали. Если родственники – еще брали их, как говорится, за работников были. А не было родственников – бродяжничали, ходили из села в село. Выпрашивали милостыню. Давали, что было, люди давали. Как-то жалостливей люди были раньше, давали детям. Хотя что-нибудь, а давали. Сами голодали, но как-то старались и ребенку дать, который бродяжничал. Остался сирота. Что ж с них было взять, с этих детей? Жалко все равно было.

Т.К. – Помогали люди друг другу во время голода, делились продуктами?

А.Н. – Я ж уже говорила: конечно, помогали. Соседи делились, старались чем-то, картошкой там чи бурячок дать, друг друга выручить чем-то. Стали уже попозже, солка уже была, солкой старались повесне, сделать вот это, соленья давали. Давали, а потом занимали, если человек займы просил, занимали там муку, пшенички занимали, пока получают с нового урожая. Помогали.

Т.К. – А местное руководство как объясняло то, что происходило?

А.Н. – Госпоставка, нужно было сдать. Сдать, давали норму, нужно было сдать государству. Как мне объясняли. Надо было все. И шныряли везде по дворах, сами наживались. Сами толстели, животы отращивали, морды

наращивали, а ходили у людей последнее забирали, а сам в шкуры не влазили. Сказали, что надо, надо и все. Госпоставка, государственная поставка. Надо. А мы выполнять. Забирали все до зернины.

Т.К. – А как сами люди объясняли эти события?

А.Н. – А никак. Как могли люди объяснить? Ругались, ругали начальство, что последнее забирает. Как они могли объяснить?

Т.К. – А изменилась ли Ваша обыденная жизнь во время голода? Праздники, церковные обряды были?

А.Н. – Да какие там праздники? Господи, о чем говорить?! Никаких праздников не было, старались как-то выжить. Никаких. Люди молились, церкви у нас не было в селе, молились. Кто богаче был, ездил в другие села, где церкви были. А бедные сами себе молились, сами в своих хатках молились. И все, какие там праздники, когда есть не было чего?!

Т.К. – А помните ли Вы голод 1946-го года?

А.Н. – Не помню, какие это были годы, не помню я. Голод был, а какие годы не помню тогда.

Т.К. – Ну, в 46-м был ведь тоже голод, что помните?

А.Н. – Ну, что я помню? Опять же тоже самое. Голод есть голод, голодали. Ели траву, выживали, ездили к морю, рыбу меняли чи подбирали там. Ездили по селам, меняли на куски хлеба. Выменивали и вот так выживали. Я ж говорю ж: в основном сусликов, сусликов. Это суслики нас выручали. Или ловили воробушков как-то, а суслики, было, выручали нас, суслики. Мясо. [...]

Т.К. – Какие преступления считались самими тяжелыми?

А.Н. – А какие самые тяжелые преступления? Ну, убийств у нас не было, то убийство. Ну, мы тяжелыми уже считали, что уже преступлением, когда голод был колоски забирали, это, мол, тяжелое преступление, забирали и сажали за это и наказывали за это. За воровство особенно. Считали тогда тяжким преступлением было. [...]

Т.К. – Как Вы считаете, что служило основанием для совершения преступления?

А.Н. – Голод, голод был. Люди должны были как-то выживать и шли на воровство. Других причин не было. Это сейчас не понятно как [...]. А раньше голод, из-за голода. Есть то хотелось и люди шли, воровали, в колхозе воровали, по хаткам воровали. И в поле ходили, воровали и кукурузу, и что росло, то и воровали люди, чтобы выжить. [...]

Т.К. – Кем чаще всего были преступники (местными крестьянами, беспризорными детьми, подростками, наемными работниками)?

А.Н. – Местные были, сироты были. В голодовку у кого померли родители. Это они и занимались этим воровством, жить то надо было. Как-то выживать. И воровали. То в сад полезут фруктов наворуют, то... У кого не было... А мы детвора, у нас было это для интереса, было соседу в огород залезть. Вырвать грушу или сливу, если у нас не было его. Тоже за это, конечно, попадало, от родителей попадало, но дети есть дети. Уже не говоря о тех, которые действительно без родителей оставались. Дети. [...]

№ 11. – 2009 р., січень 11. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кюсовим Петром Михайловичем, 1925 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

Тільчарова К.О. (далі – Т.К.) – Назовите свое имя, фамилию, отчество.

Кюсов П.М. (далі – К.П.) – Киосов Петр Михайлович.

Т.К. – Какая у Вас национальность?

К.П. – Болгарин.

Т.К. – Дата рождения?

К.П. – 25-го года, 7 июля, 6-й месяц – июль.

Т.К. – Июнь. Потом место рождения: село?

К.П. – Село Полоузовка.

Т.К. – Какое у Вас образование, профессия?

К.П. – Шесть классов.

Т.К. – А профессия?

К.П. – [...] Сапожник. Сапожником прослужил. Рабочий. [...]

Т.К. – Когда Вы переехали в Бердянск?

К.П. – В Бердянск я переехал в 39-м году. [...]

Т.К. – Что Вам известно про коллективизацию?

К.П. – Ну, как известно? Коллективизация... Ходили, забирали все. И оставляли там [сміється]. Это отцу (пожалели, что он инвалид) дали нам два пуда, я знаю, зерна. Все забрали, не знаю как там. Корову забрали. Что я могу Вам сказать? Это коллективизация. Потом собрали всех в колхоз и ходили туда, кушать нам давали. Бабы, женщины на работу, а мы, пацаны, в школу. В школу ходил я, была столовая. Ходили, нас кормили один раз в сутки. Кормили детей. Вот эти, которые... А так что я? Не знаю.

Т.К. – А когда Вы впервые услышали слово «кулак»?

К.П. – Ну, это в 32-м или в 31-м. Ну, в этих годах.

Т.К. – Кого понимали под этим словом? Кого считали «кулаками»?

К.П. – Ну, как богатые, что были. Например, у деда детей очень много было. Земли у него было. Он работал. Ну, и он, короче говоря, его не раскулачили. Ну, как богатым его считали. Дед фактически был старостой села. Еще в царское время. Его не раскулачили. Но я просто знаю, что считали. Дети разбежались. Туда, в Донецк, везде; ну, боялись. [...]

Т.К. – Помните Голодомор 32-33-го годов?

К.П. – Ну, помню.

Т.К. – И что Вы можете про него рассказать?

К.П. – Ну, как сказать? Голодомор. Голодовали да и все.

Т.К. – А какие вообще причины Голодомора, вообще голода?

К.П. – Ну, как что? Работали все в колхозах. На трудодни должны давать зерно. Они ни фига не дали и все. И так и остались. Кто что мог. И колоски собирали.

Т.К. – А Вы слышали о случаях борьбы с этим голодом? Кто как-то с ним боролся?

К.П. – Ну, колхозы собирали, подкармливали, поддерживали людей и все, больше ничего. Коров забрали, все забрали. Они только... Девчата только, сестра, только они ходили на поле работали. Она всю жизнь в свиарнике проработала. Свиной только и поросята. А та сестра дояркой работала в колхозе. И мать. Отец и тот дежурил в тракторной бригаде. Тогда надо было спасаться, так он там... Ну, что я могу сказать? Ничего.

Т.К. – А слышали о «Законе о пяти колосках»? [...]

К.П. – За зерно было, что кто у кого бутылку пшеницы найдет, то было. А колоски... Мы ходили, школьники, нас заставляли. Кто больше соберет, тогда хвалят. Колосков кто-то собрал два или полтора килограмма. Ходили все, собирали. А это я не знаю.

Т.К. – А как Вы выживали во время голода, чем питались?

К.П. – Ах ты моя хорошая! Ну, чем питались? Ходили. У нас бочка квасоли была. Вот это и спасло. А люди по дорогам падали. Ходили вот это специально бригаду мужиков, накормят их, и они ходят по селу, собирают их, в одну яму кидают. Я не хочу даже это. Откуда мы знаем, сколько их там было?

Т.К. – А известны ли случаи, когда в город переезжали из сел? Сельские жители приезжали в город, чтобы спасаться от голода?

К.П. – Ну, было много уезжали.

Т.К. – И что они делали, как находили там работу?

К.П. – Я ж не ходил. Я ж не знаю. Я знаю, что я ходил с сестренкой просить. Люди тогда ж хлеб у городе давали, а нам нет. И ото они идут у очередь, ну, что продадут... там раньше браслеты всякие были, назывались торкцы, сдают и на это там килограмм муки, два килограмма муки

давали. Я стоял вот так [показує простягнену руку] и просил: «Тетя, дай кусочек». Тогда ж хлеб круглый и кусочки резали. Вот то попрошу сколько то и вечером пеши домой.

Т.К. – Вообще из сел можно было уходить в город, спокойно отпускали?

К.П. – Да, да, ходили все. Тогда не было этого, кто куда ходил. Да, ходили. [...]

Т.К. – А существовали базары, места, где можно было что-то купить, выменять?

К.П. – Базары были. Вот то дед занимался, батя табак, махорку делал, вот то. Сумку набьет, пойдет, продаст. Пять копеек заработает. Пойдет керосина купит и на это... Базар был в Новотроицком только.

Т.К. – А где, как Вы думаете, было легче жить: в селе или в городе?

К.П. – В городе легче было жить.

Т.К. – А почему?

К.П. – Потому что там хоть хлеба давали. И можно купить было, а в селе нигде ничего не дают. На трудодни хлеба не дали ж. Я не знаю, в городе как-то легче было. Мы ходили в город, что-то продадим, пойдем, хлеба купим. Это на неделю, на две. А потом обратно в командировку пеши. А в селе ничего не было. В городе хоть хлеб продавали. Абы деньги были, например. А в селе что? Один магазин, да и там ничего нету.

Т.К. – А сколько людей погибло в Вашем населенном пункте, не знаете?

К.П. – Та много померло. [...] Вот упал на улице, подобрали, укинули и все. Следующий. С голода умирали. С голода и все. А потом опухшие были. Та елки зеленые! Так в хате закрыто. Нема, нема. Через два дня приходят – он уже позеленел. Никого нету, никто не заходит. Падали. А отчего? Что ничего не было? Зерна что ли не было?! Все было! Не давали. [...]

Т.К. – А местное руководство как объясняло то, что происходило?

К.П. – Родненькая, а что я тебе скажу, я не знаю даже. Тогда один председатель был, вызовет. Стукнет по столу. Тогда было так: держишь корову, должен дать сто с чем-то килограммов, то есть литров молока. Хоть барашки. И хоть десять барашек. Но болгары они вообще барашек держали. Хоть держишь барашки, хоть не держишь. Там восемь или семь килограмм этого, как его, шерсть сдавать надо. Это называлось контракция или хто его знает. Вот у нас корова была, мы ее сдоили, например, несем туда, где сепаратор. Он берет анализ, что б только цельное молоко было. И сколько там, сто литров надо сдать от коровы. Вон то сдавали. Если теленка держишь, надо контракцию сдать. Хоть реж его. Тогда резать нельзя было. Тогда поросят держали, можно. Смолить ни в коем случае, только шкуру сдирали.

Т.К. – Почему?

К.П. – Да не положено было. [...]

Т.К. – А потом вспоминали в Вашей семье голод, вообще были какие-нибудь воспоминания, с этими событиями связанные?

К.П. – Ну, после этого вспоминали. Соберемся тут. Тот свое рассказывает, тот свое. У каждого, в каждой семье по одному-по два все ушли. Такое село богатое было! Все. И молодеешь. А то остался, я не знаю, как отец умер, считай, от голода, мать, дед от голода, сестра там, все. Потому, что, считай, что все забрали. Ничего, голые, как говорится, все четыре стенки.

Т.К. – А голод 1946-го года помните?

К.П. – Ну, 46-го был голод. Ну, он как-то быстро. Немножко начали добавлять, хлеб появился. Мы его легче перенесли, а 33-32-й то просто ничего не давали нигде. У сестры тысяча трудодней, там по сколько-то нужно давать. Дали пять или семь килограмм. А у нее двое детей, а у матери семь, и мы все в кучку. И так спасались кто где.

Ходили по полю, что найдем. То абрикосы, косточки валялись, ходили, собирали. Набьем. Вот этим и питались. А другое что сусликов пожрали. Дед знаешь сколько их съел? [сміється]. Поэтому я и бегаю, елки зеленые.

Т.К. – Расскажите о Вашей семье во время Вашего детства. Дети какие обязанности выполняли?

К.П. – Ну, дети выполняли. Я тебе говорю: сестра всю жизнь, киндером как ушла, свиначкой была. Я говорю: свиней специально кормила, поила все. А вторая – она дояркой. Коров доила в колхозе. Она там и работала. Утром идут в 4 часа. И вечером приходят. А днем, когда на поле, бричка подходит. Погрузили и повезли в поле. И они полят. Кукурузу чи хлопок пололи. Она работала все время, одна и вторая. А я, правда, что мог? На лошадь посадят и культивировали. И вон то сажу на лошади. А он держит плужок. А я на лошади. И вон то сидишь, знаешь, а она гойдает. Воши кусают. Брик, упал. И вон то, по заднице: «Давай держись!» И вон то. Мы помогали, короче. А потом колоски собирали. Ну, то, что собирали, мы домой не брали. Мы сдавали. А кто собирал, потом, я думаю... А зятя чуть-чуть не посадили. Комсомолец, активист туда-сюда. И это самое, он был как бригадир. Ну, потом четверо или трое детей. И бутылку набрал. И потом какой-то доложил. Тогда без промаху, слышь, судили без всяких этих. И вот сказали: «На тебя бутылку». И пришли все. То хорошо, что мать бежали, прибрали. И пришел один, кое-как его уговорили. И то, и его посадили за это. Нельзя, тогда ничего нельзя было брать. Пусть пропадает, а брать не имеешь права. А сколько их за бутылку?! Сколько молодежи, вот таких, как ты, извини, родненькая. Срок пять лет. Одна статья всем. Моя сестра работала в саду и украла, ну, взяла пять груш. И на вечер подошли. Обыск давай, нашли. За шкурку ее давай в сельсовет. Она плачет. Двое детей. «Что ж Вы?» Но молодая была. Но кое-как ходили в сельсовет. Да там отмолили да отпустили ее. За пять груш. А то посадили бы. Ну, тогда такой

порядок был. Кто его... Тогда никто... Воровать? Бог сохрани! Вот так проходишь, увидишь там колосок – обходили его. А сам и так бы его съел! Ну, было время, и что? [...]

№ 12. – 2009 р., липень 12. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кіосовим Петром Михайловичем, 1925 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

Тільчарова К.О. (далі – Т.К.) – Назовите свое имя, фамилию, отчество.

Кіосов П.М. (далі – К.П.) – Киосов Петр Михайлович.

Т.К. – Национальность?

К.П. – Болгарин.

Т.К. – Дата рождения?

К.П. – 25-го года, 1925-го года, 7 июля. Шестой месяц.

Т.К. – Место рождения?

К.П. – Село Полоузовка.

Т.К. – Какое у Вас образование?

К.П. – 6 классов.

Т.К. – А профессия?

К.П. – А профессия, какая у меня профессия... Та в армии сапожником был. А так никакой. [...]

Т.К. – Когда Вы переехали в Бердянск?

К.П. – Я... Короче говоря, я ушел в 39-м, потом война началась, я пошел. А в 50-м году с армии демобилизовался, 46-й. А в 50-м я в Донецкой области. Там жил, вон там подругу встретил. Там я жил. Работал в... А потом оттуда перешел в 50-м году, 25 августа, и сентября поступил на мясокомбинат. И вот все время там, как говорится, до последнего, до пенсии.

Т.К. – Что Вам известно о коллективизации?

К.П. – Ну, что известно, кто его знает... Я тебе скажу, что я помню, что пацаном был, что раскулачивали. Деда

раскулачивали. У нас дед богатый был. Раскулачивали, все забрали. Но дед дома был, никого... и дети, никуда их не забирали. Его не репрессировали. [...]

Т.К. – Помните Голодомор 32-33-го года?

К.П. – Ну, как, голодовку помню. Я ж здесь был, в селе.

Т.К. – А что говорили про причины голода 32-33-го годов?

К.П. – А, родненькая, тогда какая причина? Зерно было полно, а его никуда не давали, специально душили. Каждый день на улице упал, забрали его, похоронили. То 33-й год, самый тяжелый был год. Было все, но не давали. Так оно и было. Но я пацан, я там был, сколько мне там было? Если 25-й? Там три, пять лет. А так помню. А потом репрессация была, всех подряд дедов. Сталинский режим был, всех их забирали, как враг народа.

Т.К. – А слышали о «Законе о пяти колосках»?

К.П. – Ну, как, что судили за пять колосков?

Т.К. – Ну, да, что с поля нельзя было колоски собирать.

К.П. – Так я это знаю!

Т.К. – Ну, так вот и расскажите.

К.П. – Вот, даже зять был бригадиром и набрал, ну, не пять колосков, а там полбаночки или сколько там этих... Тогда всех подряд, пять лет. Да, было, не давали, не ходили. Мы ходили собирать колоски, сдавали там, а так нельзя было ничего. Короче говоря, трудодни были, вот сестренка работала, трудодни были и все. Сколько там трудодней... Ну, назначили полугодие и там, например, по шестьсот грамм или по триста, ничего. И мы с голода... Хорошо, что у нас бочка с фасолей была, вот это и спасались [...]. Ну, и знаю, что трудно было за колоски. Та ты что?! Судили. Я сам попал в город как-то, пацаном был, вот такие девчонки из сел и на Свободы улице. Одна статья. Слышишь, заводят их судья, прокурор. «Что у тебя? А, килограмм этого, колосков, или там зерна. Будем колосков... всем срок пять лет, пять лет». Тут машина, их погрузили и все. Я тоже боялся. Наступишь на колосок и боишься, чи братъ его чи не братъ, чтобы не поймали. Сестренку тоже за пять

груш... в саду работала, ну, старшая. И у нее дочка была маленькая. Ну, как она украла, взяла, и один взял, доложил. Вызвали, но кое-как отмазалась. За пять груш. Очень трудно было, нельзя было это. А так, ну, дальше, я ж тебе говорю, я в селе, тупой, нигде не был, ничего не видел. Я, правда, с 39-го года ушел ремесленный и тут в 39-м в Дормаше побыл. [...]

Т.К. – Известны ли вам случаи, когда во время голода в города переселялись жители сел? [...]

К.П. – Ну, после войны все, разруха, ну, тяжело было и я мотался. То в Полтаву на заработок, то туда... Ну, молодой. А мать и отец – они в селе остались. Ну, так и отец с голоду умер, и мать, и дед, и баба, все. Ну, ладно, бочка, ведер пять или шесть как-то сохранили, ну, фасоль. Ну, тогда никто его не ел. И вот это фасоль, супик сварят, поделятся, а так больше что я...

Т.К. – Были ли те, кто не голодал?

К.П. – Ну, кто? Как тебе сказать... Ну, которые... Ну, были и председатель, и где-то в сельсовете там более крутились. Я даже не знаю. Я знаю, что все село пухлое было. Ходили по дороге пухлые. Вот идет-идет, хоп – упал. Там подбирают. Одни ходили вон о, выпишут килограмм какой-то муки, и это за то, чтобы хоронили. Вон то покормят их. Погрузили и в яму покидали и все. У меня, считай, отец умер, бабушка умерла, дед. Все с голоду. И отец и мать. Но мать нет, мать осталась, она до последнего была. Она, считай, еще даже я на Хавалке я жил, она со мной была. Я уже не помню, и она 18... какого-то года была. Не знаю. А так... А что, были, которые в кругу были, они еще питались. Зерно было, Ксюша, полные склады. Все. Вон то Елизаветовка, вот это станция есть, Андровка, кукуруза лежала качанами. Стоят, только тронул кочан, прибили и все. Люди пухли. Вот так ползали и все. Ну, я пацан, я тебе не буду обманывать. И говорить. Я там не был. Мы дома вот это, что могли... Наша кучка и спасались вот это и все. А потом немного лучше, и лучше, лучше, и

пошло. А, правда, я ж тебе говорю, я ж 39-го ушел. [...] А так, ну, что... голодовали все. Чтобы не было зерна. За трудодни заработаны тысячи, ну, килограмм, примерно. Ничего не дали. Голодовали. Искусственное было, я тебе скажу, все это искусственное было. Все было. На складах полно зерна. Никому, ничего, только тем, что кладовщик там возьмет, да и то кратькома, чтобы никто не видел. И вот это так. Ну, вот так мы и остались, короче говоря. Что... Корова, была корова. Два хозяина вон то собрались, зарезали, поделили ее там. Ну, хоть какой месяц прожили, а потом ничего. Нельзя было ничего держать. Мы даже, Ксюша, я тебе скажу... [шепоче]. Немец заставил меня... а у нас кизяки были, ну, знаешь, вон то коровы когда пачкают, а потом раскладывают, рубают. Топили, тогда ж не было чем топить. Подсолнух, солома и... дров же не было. И вот это. И он мне говорит: «Иди сюда». Я подошел. Выкопали яму ночью, а сосед наблюдал. Тогда было ячмень и пшеница, урожай хороший был. И туда в эту яму закидывали, кизяками. Когда немец ушел, наши ходили с такими пиками. Даже люди приспособивались. Печка, знаешь, такая, что топил. Вон то выкапывают яму, ну, детвора, вот такие дети, и там прятали. И там находили. Забрали все, к чертовой матери. Оставили пуд. И говорит, что «это деду, как инвалиду, а вы, – говорит, – проживете». А то все забрали. Специально делали.

Т.К. – А где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе?

К.П. – В городе лучше было. В городе хоть килограмм или что там можно было купить, а в селе, ну, что... Урожай забрали, все. Ни коровы, ни ничего, ни курей, ничего нет. А в городе работали – хоть давали. Этот, ну, деньги получал и хлеб, там 700 грамм чи сколько-то положено тебе на сутки. Вот все. А в селе ничего не давали. Вон то, что было с тех лет. Мы специально... вот мать ходила, Ксюша, скажи, пацан молодой, стою вот так: «Тетенька, дай!» А тогда хлеб был круглый, знаешь, такой большой.

И вон то отрезают, чтобы довески были. И идут люди хороший, кинут мне. И вон то я наберу и на вечер пешака, Бердянск и вон то до Полоузовки 35 чи 40 километров. И вон то на недельку, на две, перебиваемся теми сухариками. И что потом опять. А потом немного лучше, лучше, лучше. И начали. Было так перед войной как дали. Бричками возили зерно, но... а мы думали: если бы не война, то как бы мы жили! Но это специально было зерно, все равно оно попалили все, все в степи сгорело. Кучи, все палили. [...]

Т.К. — А сколько людей погибло в Вашем населенном пункте?

К.П. — Почти половина.

Т.К. — А какую официальную причину смерти в документах писали?

К.П. — В документах? А я не знаю. Ну, село двести с чем-то дворов было или триста дворов. У каждого... Тогда много и детей было, и родителей, по двое, по трое. Нас семеро было. А потом трое осталось. Очень много. Каждый день хоронят и хоронят. А сколько, сколько у нас, откуда я знаю? Я не знаю.

Т.К. — А если после смерти родителей оставались дети, что с ними делали?

К.П. — Ну, как дети оставались, вон то ползали, чем могли, так и питались.

Т.К. — А местное руководство как объясняло то, что происходило?

К.П. — Родненькая, Ксюша, что объяснять?! Они даже сделали так, что коров забрали, все забрали, а родители работают, а нас в день... как столовая в день приведут, там бабка варит, суп насыпает. Мы как коммуна, дома ничего нет. Вон то там спасались, пойдем, супику насыпет, поели. Мать, отец. Ну, отец дежурил на тракторе, он инвалид был, ну, как, сторожем. А мать на огородной бригаде. Работала сестра дояркой, свинаркой. Там, я знаю, и старшая, и младшая. Но они молодые были, работали. А вот это нас кормили, ходили мы. Я в школу ходил в обед, ну,

голодные же, Ксюша, голодные. Носили, я тебе сейчас скажу, вот такие лапти. Брюки, там латки. У девчонок, прости, не то что штаны, юбка голая. Вот такими латками, все. Тогда не было мануфактуры. Где что есть. И вон то ходили, ну, как сельсовет, тарелочку насыпят, поели и идем обратно заниматься в школу. Ну, подкармливали. А так в доме ни у кого... Ну, кто, может, и жил более-менее, ну, откуда я знаю? Ну, я знаю, что все почти голодовали. Ну, оно действительно что говорят: искусственное. Если бы я не видел – зерна было полно. Все вывезли. И пустые амбары, склады там оставили. Ну, семена на фураж, а то все вывезли. А нам ничего, ни на трудодни, нигде, что заработанное. Ну, вот, например, сто рублей заработал, то тебе должны дать – ничего не давали. Кто как мог. Кто выжил, вот тот и остался. А те, что... попадали и все.

Т.К. – А помните ли Вы голод 1946-го года?

К.П. – Ну, как тебе сказать... Я помню, ну, чтобы сильно так, как говорится, было против те года, тоже было все, не купишь. Денег нету, все было в магазине, а купить не купишь. А что оно было там, я не знаю. Ну, это, считай, 46-47-й год, вот эти. Голодовка, мы так и... голодовка. Ну, сказали, что разрушено, война и вот это все. Было, и хлеб был, например, и... В городе давали, в городе этим, рабочим, которые работали там в этом... тем давали. А в селе кто тебе что даст? Ничего. А то, что было, забрали и все. [...]

№ 13. – 2009 р., вересень 5. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Юхном Юрієм Михайловичем, 1926 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Коротун Яною Федорівною (БДПУ).

Коротун Я.Ф. (далі – К.Я.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Юхно Ю.М. (далі – Ю.Ю.) – Юхно Юрий Михайлович.

К.Я. – Национальность?

Ю.Ю. – Русский.

К.Я. – Дата рождения?

Ю.Ю. – 1926-го года 8 марта.

К.Я. – Место рождения?

Ю.Ю. – Бердянск.

К.Я. – Какое Ваше образование и профессия?

Ю.Ю. – Образование высшее, по диплому радиоинженер,
по диплому вузовскому – кандидат экономических наук.

К.Я. – Как звали Ваших родителей, дедушку и бабушку, и
какой они были национальности?

Ю.Ю. – У меня очень сложная семья и интересная.
Дедушка вот и бабушка (вот их портреты на самом верху
[показуе]) – греки из Мангуша Мариупольского района,
мама – гречанка (вот она, портрет ее справа). А отец –
украинец, а я – русский.

К.Я. – А как их звали?

Ю.Ю. – Значит, фамилия мамина, дедушки и бабушки –
Кара-Курчи. Кстати, эта фамилия для пединститута
известна тем, что он был одним из организаторов
педтехникума в 1932-м году и деканом физмата, а уже в
1937-м году он был арестован и расстрелян, а в 1957-м
году реабилитирован. Отец украинец. А вот русский я
почему? А потому, что, в принципе, в довоенные годы я
документов никаких не имел, так как еще был молодой. А
в армии впервые, когда начал заполнять документы, я
рассуждал так: раз разговариваю по-русски, значит, я
русский. [...]

К.Я. – Что Вам известно о коллективизации?

Ю.Ю. – Известно следующее, что не смотря на то, что
дедушка был середняком, как говорится, но и продал то,
что у него было в селе, он приобрел в Бердянске на улице
Дюмина дома, но это не совсем к коллективизации
относится, но дома были национализированы. То есть они
превращены в государственную собственность.

К.Я. – А когда Вы впервые услышали слово «кулак»? Кого понимали под этим словом?

Ю.Ю. – Я, конечно, вырос еще в советское время. Мама училась и заканчивала Новомосковский учительский институт, здесь, в Днепропетровской области. Я находился вместе с ней, потому что отец с нами, поэтому мама меня с собой взяла. Жил в общежитии вместе с мамой. Поэтому хорошо помню, что питание было очень скудное, но мама училась очень хорошо, поэтому пользовались льготами так называемого «ударника» (это успеваемость хорошая). Ну, а я в детском саду – нам давали кукурузный хлеб – я его в карман припрятывал. Приходил к маме после садика – я ей давал хлеб, а она меня прикармливала со своего обеда ударнического. Это первое. А второе... я не знаю, так как я не жил в селе. В то время я видел очень много гробов, но объяснение было следующее... гробов пустых... объясняли тем, что было массовое отравление баклажанной икрой в Днепропетровской области. Мы, кстати, эту икру сами ели, но мы не отравились. Еще к голоду... Мама в 1933-м году работала на руднике, я толком не знаю эту местность, это вроде возле Сеноватого, рудник Шварца назывался, там учительницей. Я начал учиться там в первом классе и мы ходили в поле, где росли паслены. Так сказать, ели паслены. А старшеклассники ловили сусликов и зажаривали их. И кормили нас. И там же, кстати, я впервые закурил папиросы из листьев деревьев, там же и отравился – с тех пор не курю всю жизнь.

К.Я. – Вы знаете, что говорили о причинах голода?

Ю.Ю. – Причина голода... то, что я могу сказать, это говорят 90 процентов людей, переживших это. То, что пишут сегодня, на мой взгляд, не очень правильно... что это голод очень правильно, что это голод, принесенный из России в Украину. А это был голод, который в общем-то был и естественной причиной, по-моему, вызван, но я не буду на это настаивать, я не очень хорошо помню, с

природними явлениями этого периода. Но в какой-то мере период был связан с индустриализацией страны. Поэтому, как я понимаю, нужно было продавать зерно и на это приобретать технику для индустриализации. Но видно не теми боевыми и командными методами, которые были свойственны режиму Сталина. Вот я Сталина в этом отношении совершенно не поддерживаю.

К.Я. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

Ю.Ю. – Об этом я рассказывал, как мы боролись лично. Я рассказывал о своей семье, другие каким-то другим способом боролись.

К.Я. – Слышали ли вы о «Законе о пяти колосках»?

Ю.Ю. – Слышал. Это не только закон, это целый ряд сталинских законов. Они были очень жестокие и в селе, и в городе. Если в селе нельзя было собрать, допустим, колоски после уборки в поле, то в городе нельзя было опоздать на 20 минут – за это увольняли с работы и даже судили. Очень жестокие сталинские законы.

К.Я. – Не знаете ли Вы о случаях нищенства в это время, как относились к попрошайкам? И откуда они брались?

Ю.Ю. – Я, наверное, не помню. [...]

К.Я. – Можно ли было покинуть свою местность и пойти на поиски еды, работы?

Ю.Ю. – Ну, это вопрос, который больше касался тех, кто жил в селе. Те, кто жил в городе... У тех, кто жил в сельской местности, паспорта отбирались председателем колхоза, сельсоветом, вернее. Нельзя было покинуть село, ни учиться, ни переехать работать.

К.Я. – Были ли те, кто вообще не голодал?

Ю.Ю. – Ну, наверняка были, но я их особо не видел. Я тогда жил в общежитии, вот как жили студенты, немножко видел глазами пятилетнего-шестилетнего пацана. Я вам рассказал, что запомнил. Больше подробностей не помню. [...]

К.Я. – Вообще праздники отмечали?

Ю.Ю. – Я думаю, что да. Я помню, что были демонстрации. И даже с такими инсценировками, допустим, нападения банды Махно и борьба с ними.

К.Я. – А знаете ли Вы какие-нибудь стихотворения, песни, поговорки, в которых описываются события Голодомора?

Ю.Ю. – Нет, наверное, нет. Я вообще это слово «Голодомор» не признаю. Голодомор – когда кто-то кого-то умышленно заставляет голодать. Этот голод был декларирован самим государством, тогдашним, командным, директивным и сталинским режимом. А воплощался он теми же людьми, которые здесь жили. Допустим, вы середняк, хорошо живете. А у вас отбирают зерно и прочее... Я не очень понимаю, где здесь... Отбирают ваши же руководители, вашей местности. Это когда б я еще понимал... Еще воспоминания моего дедушки, точнее моего бати... Когда они участвовали в 1920-е годы, происходило в период военного коммунизма. Когда отбирались как будто бы излишки, забиралось все, что есть. Если кто-то на кого-то доносил или что-то у кого-то находили, то забирали не в виде налогов, а в виде того, что надо было кормить город. У крестьян забирали все. Кто умел скрыть, у того что-то оставалось, а кто не умел скрыть, последнее отбирали. Люди рассказывают, что голод был не только в Украине, а и во многих других районах Советского Союза. Он был естественным и к тому же поджигался сталинской политикой, индустриализацией. На мой взгляд.

К.Я. – Помните голод 1946-го года?

Ю.Ю. – Не помню, потому что я как раз был в армии. [...]

№ 14. – 2009 р., квітень 11. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Пугачовою Марією Костянтинівною, 1926 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Подгорних Вікторією Сергіївною (БДПУ).

Подгорних В.С. (далі – П.В.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество. Национальность.

Пугачова М.К. (далі – П.М.) – Пугачева Мария Константиновна. Девичья – Юрина. Национальность – русская. Ну, как, я везде пишу русская, у меня папа русский, а мама украинка, и я везде писалась русская.

П.В. – Дата рождения?

П.М. – 17 марта 1926-го.

П.В. – Место рождения (какое именно село, район, область)?

П.М. – Город Бердянск. Запорожская область. Родилась на косе.

П.В. – Какое Ваше образование и профессия?

П.М. – Образование у меня среднее. Проработала на Кабельном заводе 32 года. [...]

П.В. – Помните ли Вы Голодомор 1932-1933-го?

П.М. – У нас как такового Голодомора не было, поскольку тюлька спасала нас. В 1921-м году мама была пухлая, ноги были пухлые – она рассказывала. А 1932-1933-й у нас не было Голодомора: нас спасала рыба. И в 1947-м тоже не было у нас голодовки. К нам все села приезжали, потому что там неврожай был, а здесь все-таки рыба. [...] На рыбзаводе работали родители, ну, и я там работала: тюльку принимали. Мне было 15 лет. В 13 лет я уже работала на косе, и что интересно, мы из чан тюльку выгрибали и она стекала по канализации, жир собирали – почему у нас и не было Голодомора, потому что собирали этот жир, кипятили его, пользовались им: и пили, и ели, и жарили на этом жиру. [...]

№ 15. – 2009 р., січень 2. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю зі Сковпень Олександром Григорівною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

Кульбак В.О. (далі – К.В.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Сковпень О.Г. (далі – С.О.) – Сковпень Александра Григорьевна.

К.В. – Назовите свою девичью фамилию.

С.О. – Тоже Сковпень Александра Григорьевна.

К.В. – Кто Вы по национальности?

С.О. – Русская.

К.В. – Когда и где Вы родились?

С.О. – Я родилась в селе Медведово Клинцовский район Брянской области в 1927-м году.

К.В. – Какое Ваше образование?

С.О. – Образование высшее. В начале я закончила учительский институт в городе Бердянске, а потом закончила Мелитопольский институт, факультет химико-биологический.

К.В. – Кто Вы по профессии?

С.О. – По профессии я учитель химии. [...]

К.В. – С какого времени Вы живете в этом населенном пункте?

С.О. – В городе Бердянске мы живем с 1933-го года. Сюда мы переехали именно в этом году, но сначала мы были в селе Луначарское. Там прожили мы год, а после этого отец стал работать в городе Бердянске и мы переехали в город.

К.В. – Кто первый из Вашей семьи и почему переехал в населенный пункт, в котором Вы сейчас живете?

С.О. – Отец переехал первым, потому что он был солдатом и, конечно, ему приходилось бывать в этих местах. Ему понравилась Украина, климат здешний, уклад жизни. И поэтому когда стал вопрос о переезде, он перевез всю семью сюда. [...]

К.В. – Когда Вы впервые услышали слово «кулак»?

С.О. – Когда еще была в деревне, потому что там были такие зажиточные люди и их называли кулаками. Это еще в деревне было. Ну, а потом уже в книгах, литературе,

когда стала учится, уже подробно узнала, кто такие кулаки.

К.В. – Кого понимали под этим словом?

С.О. – Людей богатых, людей зажиточных.

К.В. – Помните ли Вы в общих чертах Голодомор 1932-1933-го годов?

С.О. – 33-й год помню, потому что мы переехали как раз в то время, когда здесь был неурожай, здесь был голод, и поэтому я знаю не по наслышке, а вот моя мама работала в колхозе, была пухлая. И мы голодали, очень голодали. Ели там всякую траву, лебеду, собирали колоски, всякие зернышки, все это варили, а потом уже свеклу кое-где выращивали.

К.В. – Что говорили о причинах голода?

С.О. – Неурожай, в общем-то, засуха такая была. Поэтому неурожай был основной причиной голода. [...]

К.В. – Как Вы выживали, чем питались во время голода?

С.О. – Ну, я уже частично сказала, что мы вот тоже собирали колоски, травы, свеклу, в общем-то, когда уже она поспела. Вот этим мы питались.

К.В. – Известны ли Вам случаи, когда из сел переселялись в города жители?

С.О. – Ну, мы вот сначала попали в село. Это было... село Луначарское, вот это село Луначарское, а потом мы переехали сюда в город, поближе, в Бердянск перебрались. [...]

К.В. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

С.О. – Сколько угодно было. Люди ходили с торбами, просили, милостыню просили. Они предлагали работу свою, свой труд за кусок хлеба. Это было.

К.В. – Как относились к попрошайкам?

С.О. – Те, кто имели, может, и что-то давали. А кто не имел ничего, конечно, те не открывали двери и не давали ничего.

К.В. – Откуда были эти люди, которые просили о помощи у других?

С.О. – Из города и сельские были. Но в основном из города приходили нищие люди.

К.В. – Можно ли было покинуть свою местность и пойти на поиски еды и работы?

С.О. – Можно было. Мы ж переехали сюда.

К.В. – Куда, как правило, уходили люди из города?

С.О. – В ближайшие села ходили, в ближайшие села переезжали люди, потому что в селе было немножко легче. Там и хлеба можно было выменять, и молока, и еще чего-то. Все-таки люди держали животных и им было чем поделиться.

К.В. – Были ли те, кто не голодал?

С.О. – Естественно ж были.

К.В. – Кто эти люди?

С.О. – Те, у кого было побольше и хлеба, и запасов. И они не голодали до следующего урожая. Поэтому они не испытывали такого острого голода.

К.В. – И как они жили?

С.О. – В общем-то, скрытно эти люди жили, потому что тогда ж за кусок хлеба человека можно было лишит жизни.

К.В. – Существовали ли в это время рынки или места, где можно было что-то продать или выменять?

С.О. – Выменивали обязательно. Вот мы ходили с тюлькой, хамсой ходили по селам, меняли. То ли сала кусок, то ли хлеба, то ли кукурузу давали, пшеницу немножко. Вот так меняли. И в город ходили меняли. Благодаря тому, что у нас есть море и была рыба, мы могли также что-то за нее выменять.

К.В. – А вот Вы или Ваши родители продавали, занимались торговлей?

С.О. – Нет, они не торговали. Мои родители не торговали, но менять мы все-таки ходили с родителями.

К.В. – Как в это время выживали люди?

С.О. – Кто приспособился лучше. У зажиточных городских людей было лучше положение, а такие вот, как мы,

приезжие, у нас не было ни крыши над головой, ничего. Нам, конечно, было гораздо труднее в это время выживать. К.В. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе? Почему?

С.О. – Я думаю, в селе жилось лучше, потому что у них были там угодья и они что-то получали с огородов своих, какие-то запасы у них были, птица, животных они держали. Вот, поэтому они лучше жили, чем в городе городской житель.

К.В. – Сколько людей умерло в Вашем населенном пункте (Бердянске)?

С.О. – [Замислилась]. Не помню, сколько именно в городе. Ну, вот я хочу сказать, что на нашей улице за это время, наверное, человек

К.В. – Что делали с умершими во время голода?

С.О. – Во время голода тоже закапывали, но были случаи, конечно, что человек лежал долго, если он одиноким был. Но все равно закапывали их, собирали их и приводили в порядок.

К.В. – Если после смерти родителей оставались дети, что делали с ними?

С.О. – Ну, их забирали в детские дома. Где-то кто-то кого-то приютили, может быть. Так, в общем-то, и делали...

К.В. – Помогали ли люди друг другу во время голода, делились ли продуктами?

С.О. – Ну, это, конечно, «моя рубашка ближе к телу». Но бывали такие сердобольные люди, которые могли кое-чем помочь голодающим. У нас была соседка, так она нам часто приносила то одеяла, поскольку тогда у нас не было особого белья, иногда давала нам немножко денежек.

К.В. – Как местное руководство объясняло то, что происходило?

С.О. – А никак не объясняло.

К.В. – Как сами люди объясняли эти события?

С.О. – Люди понимали, что вот такая засуха, вот такой неурожай. Вот так они и объясняли, в принципе, те события.

К.В. – Изменилась ли Ваша жизнь во время голода?

С.О. – Да, изменилась, конечно. Когда мы после голода переехали в Бердянск, отец стал работать на рыбзаводе, работал он там бондарем (бочки делал) и там платили даже не деньгами, а рыбой, тьюльку давали, бычок давали. Так мы хоть жили более-менее нормально. [...]

К.В. – Как потом вспоминали события Голодомора в Вашей семье, городе?

С.О. – Ну, вспоминали это, конечно, как очень печальную историю жизни каждой семьи и радовались тому, что все-таки это уже позади. [...]

К.В. – А помните ли Вы голод 1946-1947-го годов?

С.О. – Да. Это я помню. Потому что мы тоже в это время года голодали, но боролись с этим. Собирали, например, колоски, собирали тогда оставшиеся подсолнухи, собирали оставшуюся свеклу на полях, ходили по селам, ездили колясочками такими. Потом, значит, картошку выкапывали, после того, как уберут уже урожай на колхозных полях, вот это мы все делали. Нас, конечно, гоняли за это, объезжник там вот, но мы все это собирали, и кукурузу, оставшиеся початки. И вот так мы выживали. А так голод, конечно, был. Карточки были, все по карточкам выдавали. За хлебом стояли в очередях даже по ночам. Хлеба давали по 200 грамм на человека, на неработающего, а работающий получал больше, тот, кто работал. Вот так и выживали. [...]

№ 16. – 2009 р., червень 22. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю зі Сковпень Олександром Григорівною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

Кульбак В.О. (далі – К.В.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Сковпень О.Г. (далі – С.О.) – Сковпень Александра Григорьевна.

К.В. – Назовите свою девичью фамилию.

С.О. – Моя девичья фамилия такая же.

К.В. – Кто Вы по национальности?

С.О. – Русская.

К.В. – Когда Вы родились?

С.О. – Родилась 7 декабря 1927-го года.

К.В. – Где Вы родились?

С.О. – Я родилась в селе Медведово Брянской области Клинцовского района.

К.В. – Какое Ваше образование?

С.О. – Образование высшее. Я закончила Мелитопольский педагогический институт, факультет – химико-биологический.

К.В. – Кто Вы по профессии?

С.О. – Учитель. По профессии я учитель, все время преподавала химию. [...]

К.В. – С какого времени Вы живете в этом населенном пункте (в городе Бердянске)?

С.О. – В Бердянске я живу с 1933-го года. Мы переехали из этой деревни в 1933-м году и поселились вначале в деревне Луначарское. А потом уже переехали сюда в Бердянск.

К.В. – Скажите, по какой причине Вы переехали в Бердянск?

С.О. – Ну, переехали, конечно, мы по причине того, что в то время как раз был голод, и очень бедствовали там. Мама была сама с детьми, одна, а отец поехал на заработки, здесь вот в Бердянск, он сюда приехал и здесь работал на железном складе, пильщиком работал. А потом уже все-таки перевез нас сюда, сначала в Луначарское. Мама работала в колхозе вначале, мы были еще малыми детьми.

К.В. – Скажите, а трудный был вообще переезд в город?

С.О. – Трудно, конечно, было переезжать нам, очень. Потому что тогда ж не было ни транспорта никакого. Переезжали почти, можно сказать, пеши, перевозили бричкой, как тогда говорили, на себе перевезли все. У нас особенного такого добра никакого не было, но что-то какое-то было подстолье, вот это все взвалили на бричку и вот это мы туда и привезли, на себе.

К.В. – Кто первый из Вашей семьи и почему переехал в населенный пункт, в котором Вы сейчас живете?

С.О. – Переехал отец первый, потому что он когда-то еще в Первую мировую войну был здесь на Украине, ему здесь понравилось и климат, и люди, достаток здесь был. И поэтому он переехал и работать даже стал здесь в Луначарском колхозе, а переехал и здесь работал на овощном складе. Поэтому он нас сюда и перевез. [...]

К.В. – Что Вам известно о коллективизации?

С.О. – Коллективизация... Я тогда была, можно сказать, совсем еще ребенком, мне было 5 лет, поэтому особенно много сказать о коллективизации я не могу. Родители говорили, что коллективные хозяйства были, тогда обращали на это внимание. И я бы сказала, что 1933-й год, когда начался Голодомор, то, значит, не обращали внимание на колхозы, Сталин думал, что нужно будет всю страну Западной России сделать индустриальную страну, и было обращено большое внимание на промышленность, вот, и нужно было поднимать ее, а на колхозы, на сельское хозяйство внимание не обращали, и поэтому помогали им очень плохо, слабо очень помогали. Поэтому эти колхозы были совсем захудалые, они в своем соку барахтались, не продуктивные колхозы.

К.В. – Когда Вы впервые услышали слово «кулак»?

С.О. – «Кулак» я слышала еще в деревне. Если исходить из того, что такое кулак, то это был очень зажиточный человек. Но я бы сказала, что кулаки, они были более производительными, чем, скажем, там другие какие-нибудь бедняки, потому что они что-то производили, они

что-то давали городу, какую-то продукцию давали, они продавали эту продукцию в город, потому что многие крестьяне не соглашались свою продукцию сельского хозяйства продавать в город. Поэтому город мог голодать, а это принудительно, потому что отбирали и гусей, и уток, и коров, и все-все, и зерно, все это отбиралось. Вот такая вот была коллективизация.

К.В. — Скажите, как относились к «кулакам» обыкновенные люди?

С.О. — Обыкновенные люди некоторые завидовали, некоторые работали на кулаков, потому что они держали большое количество живности, угождая какие-то, поэтому работниками становились. А так вообще, конечно, какие-то совершенно бедные завидовали этим людям, кулакам. Их потом выселяли из деревни, все отобрали и выселили, но и деревня осталась, можно сказать, без таких людей, которые что-то производили, что-то могли дать городу, а это было, конечно, не очень правильно, как мне кажется.

К.В. — Помните ли Вы Голодомор 1932-1933-го годов?

С.О. — Я помню хорошо этот Голодомор, потому что мы в 1933-м году переехали сюда. Мне тогда еще было около 5 лет, но я, как сейчас понимаю, что там, в России, тоже был голод, и было несладко. Поскольку отец бывал в Украине раньше и знал, что здесь она такая житница и что здесь люди хорошо, зажиточно живут, поэтому мы переехали сюда. Конечно, когда мы из деревни попали, здесь такой же был голод, как и в России. И я помню, мама работала в колхозе, на трудодни почти ничего не давали, люди очень бедствовали, очень голодали. Например, мама моя была пухлая. И конечно, в 1933-м году это вообще, поскольку крестьяне не хотели отдавать свою продукцию в город, потому что зачем мы столько будем работать, а все равно все отберут. И вот наступил такой кризис, все вывезли и зерно, и уток, и коров, и овец и все-все-все вывозили. И поэтому вот такой наступил голод, Голодомор

такой наступил. Конечно, если бы помощь была колхозам, то, может быть, село процветало бы лучше.

К.В. – Что говорили о причинах голода?

С.О. – О причинах голода обычно говорили, что был недород, была засуха. Но это была засуха не только на Украине, а и в Поволжье. Конечно, нужно было поднимать, так сказать, индустрию, на село внимания не обращали. И, конечно, люди не отдавали свои продукты. Думают: сами мы проживем как-нибудь себе, а туда ничего не сдадим. Начали, конечно, забирать их тогда, эти продукты, все изымалось. И, конечно, причина в том, что вот, например, в России большинство почв подзолистых и эти почвы давали плохой урожай. Ну, а где были хорошие почвы? Это Поволжье, это Украина, прежде всего Украина. Вот отсюда и забирали все, все вывозили, все забирали. Вот поэтому наступил такой кризис, что люди занимались людоедством, съедали не только котов и собак в 1932-1933-м годах, но даже каннибализм был, даже людоедство, ели людей. Вот такой был страшный голод [засмутилась].

К.В. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

С.О. – Я бы сказала, мне тогда, мне, ребенку, я не могу сказать, что были какие-то случаи, что боролись с голодом. Конечно, все старались, все стремились что-то там посадить, что-то вырастить, что-то собрать. Сами люди. А чтобы помощь какая-то была, не было такого. Я ж говорила, уже повторяюсь, что на село внимания не такого обращалось, потому что нужно было заниматься индустриализацией, заниматься заводами и так дальше.

К.В. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

С.О. – [Замислилась]. На этот вопрос я, наверное, не отвечу о пяти колосках... Это, наверное, за это наказывали людей, потому что люди действительно ходили, собирали колоски, собирали по зернышку там, где просинку, где зернинку какую-то, все это собирали. И людей, конечно,

наказывали, и очень жестоко наказывали, за то, что они где-то там что-то находили немножко, потому что для пропитания семьи нужно было что-то. Наверное, это и был такой закон, чтобы наказывать людей за это.

К.В. – Как происходила посевная кампания?

С.О. – Ну, заготавливали же зерно на посев. Посевная кампания происходила, конечно, скудно очень, потому что тогда не обращали внимания на вот это горючее, потому что были такие там сельскохозяйственные эти машины несовершенные, эти плуги, эти сеялки, эти веялки. Все это было такое уже изношенное, так «под скрипом», но сеяли и растили. [...]

К.В. – Где брали зерно во время голода?

С.О. – Это изымалось у людей. До самого последнего зерна все вытряхивали и сеяли потом, вот так вот. Во время голода это так было. У кулаков, в основном, у зажиточных людей, потому что у нас, голодных, взять было нечего, а там можно было взять. И брали.

К.В. – Что люди сеяли у себя в огороде в это время?

С.О. – В это время мы сеяли у себя, главное, это свеклу [сміється]. Потому что свеклой мы потом уже всю зиму питались, варили ее, из нее все-все делали, вплоть до бикмеса, так называемый «мед», в кавычках. Свекла, конечно, картофель, потому что это был второй хлеб, картофель, картофель и еще раз картофель. Ну, а потом уже и другие какие-то, уже говорила, и лен сеяли, и коноплю сеяли. Из конопли тоже делали конопляное масло, все это натуральное, эти продукты, все это производили сами. Люди сами это перерабатывали и питались.

К.В. – Скажите, как Ваша семья выживала и чем питалась во время голода?

С.О. – Во время голода... Моя мама работала когда-то в Киеве, она, конечно, прислугой была, и у нее было много различных таких хороших вещей. Мы эти вещи меняли там на какую-то краюшку хлеба или на горсть муки, или

тыкву нам дадут, или на ту же свеклу. Вот это все приносила мама домой, этим всем мы этим питались и жили. Нас три сестры было, у меня две сестры было, и мы где-то просинку нашли, где-то пшеничку нашли, где-то еще колосочек какой-то. Все это перерабатывали, там размалывали его, варила такой суп. Вот такая еда была.

К.В. – Скажите, известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

С.О. – Конечно. В городе лучше было, потому что здесь все-таки были какие-то магазины, что-то можно было купить, можно было устроиться на работу, где-то какую-то прибыль получить. Поэтому из деревни переселялись. Вот мы, в частности, тоже переселились из деревни в Луначарское, потому что здесь работал отец, он что-то имел, какие-то там деньги, так что мы могли где-то что-то купить. Кроме того, у нас есть море. Это нас спасало, рыба. Тогда ее было больше. Мы выживали за счет моря.

К.В. – Что эти люди делали, которые переселялись в города, как они находили работу в городе?

С.О. – Ну, по-разному находили работу. Ходили по домам, спрашивали, нет ли работы какой-нибудь, нужно ли покопать что-нибудь, нужно ли что-то там сделать. И, конечно, на предприятия обращались, потому что все-таки в городе было достаточно предприятий, на которые можно было устроиться и работать, и получать какие-то деньги, и, значит, выживать.

К.В. – А какие это были предприятия?

С.О. – Ну, какие предприятия? Здесь, в городе Бердянске, и рыбзавод был, и солидоловый завод, и Первомайский завод, и завод сельскохозяйственных машин. Вот такие предприятия, и разные совхозы, там, где выращивали виноград. Вот туда люди устремлялись и там находили себе работу, пристанище.

К.В. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

С.О. – Сколько угодно. Нищих было сколько угодно. Ходили люди, просили: «Подайте милостыню, подайте

кусочек хлеба» и так дальше. И как-то люди тогда были более милосердные и делились. Если у нас что-то было, что мы могли бы дать, то давали нищим. Нищенства было очень много, очень распространено было тогда.

К.В. – Скажите, как относились к попрошайкам?

С.О. – По-разному относились. Кто, конечно, был такой сердобольный человек, тот мог поделиться, что-то дать человеку, потому что если ты сам испытал голод, то ты понимаешь, что такое нищенство, что такое голод. А те, которые люди более зажиточные, они как-то с презрением, отрицательно относились к нищим, мол, «что вы вот не работаете, вот вы лодыри, вот вы то, другое». Они сами себя обеспечивают. Вот такие разные люди, по-разному относились к нищим.

К.В. – А в основном откуда были эти люди?

С.О. – Были и городские, были из села, сельские люди были, много было из села. Но, в основном, это были городские люди, пожилые, которые были одинокие такие. Они, конечно, уже были старые, преклонного возраста, семьи у них не было, работать... негде им тогда было работать. Вот они ходили и просили.

К.В. – Можно ли было покинуть свою местность и пойти на поиски еды и работы?

С.О. – Можно было. Можно было покинуть свою местность, и ходили люди. Вот мы ходили, например, тоже тюльку или хамсу носили. У рыбаков, рыбаки нам давали или продавали, и мы ходили по селам и меняли это все на муку, на крупу, на яйцо, кто даст, ну, какие продукты были, которые могли люди дать, вот на это все мы меняли. Вот так вот жили, так выживали.

К.В. – А скажите, куда обычно, как правило, уходили эти люди?

С.О. – Ну, как куда? В села люди уходили. Вот мы ходили в села, все время меняли в селах на одежду какую-то, одежда у нас какая та там была, брюки вот шили мы всевозможные.

К.В. – Скажите, были ли те, кто не голодал?

С.О. – Естественно. Естественно, были люди, которые не голодали в то время. Как уже они приспособивались, это я не знаю, не могу сказать, но были такие люди, которые жили неплохо. То ли они работали на таких предприятиях, где обеспечение лучше было... Там продукты какие-то выдавали. Вот они были тоже обеспечены. [...]

К.В. – Существовали ли в это время рынки или места, где можно было что-то купить или выменять?

С.О. – Конечно, существовали, были рынки. Вот у нас в Бердянске привозили раньше тачками рыбу, ведрами рыбу продавали. Например, бычок тот же или ту же тюльку ведрами продавали. Вот, пожалуйста, там можно было и купить, а вот, я уже повторюсь, в деревни мы отвозили вот это все, вернее носили, потому что тогда не было такого транспорта, чтобы нас куда-то подвезли. Все пешком. Вот мы там меняли на другие продукты, на сельскохозяйственные продукты все меняли. А так такие обменные, может быть, пункты... не было таких обменных пунктов, я ж не помню такого, чтобы были какие-то пункты обменные, что можно было одно поменять на другое. Только так.

К.В. – А вот скажите, цены на продукты на рынках были какие – высокие или низкие?

С.О. – Ну, так как вообще зарплаты были очень низкие, низкие, и поэтому и цены были низкие, вот на этот бычок, на эту рыбу, даже на судак, на красную рыбу (тогда водилась она), селяву. Таких высоких цен, как мы теперь наблюдаем, не было тогда. Такие цены были нормальные. Тут, конечно, кто сколько зарабатывал, и кому-то казалось это дорого, а кто-то мог это купить, потому что они были более платежеспособные и поэтому они могли заплатить такую цену, а кто-то победней, тому казалось, что это дорого.

К.В. – А вот скажите, занималась ли Ваша семья торговлей или обменивала что-нибудь?

С.О. – Я помню, мы выращивали редьку. Редис выращивали и вот это мы, значит, возили на рынок, там продавалось это все, а мы покупали то, что нам нужно: или рыбу, там свежие продукты другие, молочные и так дальше. Так что был рынок, и из сел потом уже привозили и молоко, и другие продукты, и можно было это купить. [...]

К.В. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе? Почему?

С.О. – Жилось, конечно, лучше в селе, естественно. А почему? Потому что все-таки сельский житель работал на своем участке, производил что-то такое, и все это для него было, та же живность: и утки, и яйца, и молоко, и все другие продукты, и мясо. Вот они могли себе это позволить, они жили лучше. А в городе этого не было, потому что в магазинах тогда почти ничего не было, таких продуктов купить невозможно было, все это надо было, конечно, менять.

К.В. – Скажите, сколько людей умерло в городе?

С.О. – Имеется в виду 1933-й год? Я тогда была еще малолеткой, поэтому точно сказать я не могу, но очень много, очень много. Если, например, даже в 1947-м году, вот, как говорят, второй Голодомор был, если возили, гоняли составы с трупами из одной области в другую гоняли, столько людей умирало, то в 1933-м году их еще больше умирало. Люди просто падали на улице и лежали трупы, не всегда их убирали, поэтому действительно очень много людей погибло тогда.

К.В. – Скажите, что делали, в основном, с умершими во время голода?

С.О. – Во время голода, конечно, люди такие были, которые убирали трупы, потому что это ж невозможно, это же эпидемия, это же вообще страшное дело. Ну, конечно, и в домах оставались люди, и подолгу лежали распухшие уже, но все-таки убирали, хоронили, если могли, свои хоронили, родственники какие-то хоронили, там близкие

хоронили, простые люди хоронили. Или была такая команда, которая убирала трупы на улицах.

К.В. – Если после смерти родителей оставались дети, что делали с ними?

С.О. – Что делали с этими детьми... Помещали в приюты различные, дома, значит, в детдом, который назывался детдом, в детдом сдавали детей. Но, в основном, конечно, родственники брали своих, некоторые родственники приютили своих малолетних. Или в приюты отдавали, или просто так уже сами так жили, доходили, где-то люди работали, так им соболезновали и так они выживали.

К.В. – А вот скажите, детям в приютах жилось нормально?

С.О. – Вообще на приюты обращали внимание. Все-таки там была какая-то санитария. Там за ними следили в какой-то мере, ну, и обеспечивали едой, вот, одеждой обеспечивали. Поэтому там все-таки выживали эти дети.

К.В. – Помогали ли люди друг другу во время голода, делились ли продуктами?

С.О. – Не всегда, конечно, и не все делились. Но если (я уже об этом говорила), если ты сам испытал голод, если ты понимаешь, что такое быть голодным, то если у тебя есть хоть какое-то там, немножко больше, то делились этим. Ну, а многие, конечно, не делились, потому что своя рубашка ближе к телу. Есть много людей, которые были милосердными и другим помогали.

К.В. – Как местное руководство объясняло то, что происходило?

С.О. – Местное руководство объясняло тем, что, значит, засуха, что это недород, что нет всяких машин, ничего не помогают, в городе – не в деревне. И поэтому такой кризис наступил и вот такой голод, образовался такой голод.

К.В. – Как сами люди объясняли эти события?

С.О. – Люди, особенно многие, не задумывались над тем, почему это произошло. А на самом деле, я уже говорила, что вот деревня была заброшена и что ей не помогали, и что люди думали: «мы проживем в деревне как-то, а город

пусть себе голодает». А когда уже начали все у них отбирать, все это изымать, то тогда, конечно, все были очень удивлены тем, и, тем не менее, вот так происходило, потому что надо было поднимать индустрию, а все остальное было пущено на самотек.

К.В. – Изменилась ли Ваша повседневная жизнь во время голода?

С.О. – Нет. Это была такая рутина, один день был похож на другой. Это все было приурочено к тому, чтобы кусок хлеба, чтобы что-то было на столе, чтобы что-то съесть. Все это вот так было, один день был похож на другой. [...]

К.В. – А вот скажите, как потом вспоминали события Голодомора в Вашей семье?

С.О. – В нашей семье вспоминали часто эти события, потому что если, например, вот за столом сидела семья, и что-то были недовольны какими-то там блюдами, так сказать, они были однообразными тогда, то мама всегда говорила: «А... Нет на вас голода. Вот если б вы тогда пожили, вот если б вы тогда были, тогда бы все это вот съели и даже и слова не сказали». В общем, конечно, вспоминали, с ужасом, конечно, вспоминали, с содроганием вспоминали, потому что это было очень страшно, в селах тогда страшно. [...]

К.В. – А скажите, как вспоминали события Голодомора в городе?

С.О. – В городе тоже, наверное, так же, как и в селе, так же и в городе живут люди, которые голодали, то они это помнили всю жизнь и передавали из поколения в поколение, что происходило такое страшное. [...]

К.В. – Скажите, а помните ли Вы голод 1946-1947-го годов?

С.О. – Да, это я помню хорошо. Потому что тогда была карточная система и, значит, выдавали по 200 грамм хлеба на работника. Карточка была только у работника, но сначала была и на иждивенца карточка, а потом Сталин, значит, дал распоряжение, чтобы иждивенцам не давали

карточки, а только тем, кто работает. Кто работает, это ж там немножко больше было им. Нам 200 грамм было, иждивенцам, а им было где-то, не помню уже сколько, ни то 300, ни то 400 грамм. Вобщем, побольше было тем, кто работает. И, конечно, голод был тоже большой, и много тоже было и трупов. Вот я говорила, что вот даже именно в 1947-м, в 1946-м году гоняли составы паровозов из одной области в другую с трупами, столько было трупов. Это много было тоже людей, которые голодали и умирали. Ну, в основном выживали тем, что здесь в Бердянске нам помогало море, помогала нам рыба, и вот это мы ходили, меняли, что-то тоже выращивали, ту же свеклу, ту же редиску, тыкву, это все мы делали сами, и это заготавливалось на зиму. Колоски собирали, початки, которые оставались на полях, собирали. Ну, и потом у нас такие были самодельные препарушки, этими препарушками все перерабатывалось, отсеивалось отдельно мука, отдельно крупа. Вот этим мы и питались.

К.В. – Как Вы думаете, есть ли разница между Голодомором 1932-1933-го годов и 1946-1947-го годов?

С.О. – Ну, вот говорят, что Голодомор 1932-1933-го годов – это был спланированный Голодомор. Но я считаю, что это неправильно, потому что ведь голодало и Поволжье, вот, голодало и Поволжье. Я уже говорила, что вот именно отсюда можно было вывезти все-все, выгрести у всех крестьян. Я говорила, что даже не только зерно забирали, но и уток, и курей, и все забиралось, все изымалось. Потому что в Поволжье можно было выращивать и ту же пшеницу, разные другие культуры, и Украина была житница такой. Вот отсюда и забиралось все-все. Поэтому мне кажется, что тогда не было вот это вот спланировано. Мне кажется, и сейчас, вот в 1947-м году, это тоже не было спланировано. Просто объяснялось, что был недород и один год, и второй год, засуха несколько лет подряд, и поэтому не хватало хлеба. Вот так вот и случился голод в 1947-м году, и нужно было

восстанавливать страну, все это бросалось туда, а на сельское хозяйство опять-таки внимания особенного не обращали, и помощи такой особой тоже не было, варились в собственном соку. [...]

№ 17. – 2009 р., січень 12. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кирильченко Олександром Яківною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гордієнко Людмилою Володимирівною (БДПУ).

Гордієнко Л.В. (далі – Г.Л.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Кирильченко О.Я. (далі – К.О.) – Кирильченко Александра Яковлевна.

Г.Л. – Ваша девичья фамилия?

К.О. – Литюшкина.

Г.Л. – Национальность?

К.О. – Русская.

Г.Л. – Дата рождения?

К.О. – 1927-й год 25 декабря.

Г.Л. – Место рождения?

К.О. – Деревня Вознесенка Будзяковского района, Башкирия, в Бердянск приехали в 1932-м году, семья переехала, отец... не отец, а мать со своей семьей.

Г.Л. – Какое Ваше образование и профессия?

К.О. – 6 классов, а работала на всех профессиях: и продавцом работала, и кинопроверщицей, и последнее «Стекловолокно» инструктором. [...]

Г.Л. – Откуда родом Ваши родители, Ваши предки?

К.О. – Оттуда, с Башкирии все, с села Вознесенки. [...]

Г.Л. – Кто первый из Вашей семьи и почему переехал в населенный пункт, в котором Вы сейчас живете?

К.О. – Потому что дядько болел туберкулезом, его сюда послали как лечиться. Дядько, дядько приехал сюда на лечение, а потом все приехали мы. [...]

Г.Л. – Помните ли Вы Голодомор 1932-1933-го годов?

К.О. – Помню, помню. Голод был, холод, все было вот такое вот.

Г.Л. – Что говорили о его причинах?

К.О. – Говорили, что засуха, вот поэтому не было урожая и был голод, а вообще морили нас кулаки вот этим вот. Правительство было виноватое во всем, они, кулаки вот эти.

Г.Л. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

К.О. – Известны, никто ничего нигде никому не помогал, сидели голодные, правительство на это не обращало внимания.

Г.Л. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

К.О. – В тюрьму сажали за 5 колосков, вот, и били плетками, как хотели, так и издевались с нас. Нельзя было ни брать, ни воровать, наказывали хорошо и в тюрьмы сажали и били. Все было.

Г.Л. – Как Вы выживали, чем питались во время голода?

К.О. – Всем, и травой, че попадало то и ели, вот. Ходили собирать по полям лободу, толкли ее и пекли из нее лепешки, вот, и если бы лепешки были такое что пожаренные в масле на сковородке, как сейчас, а то так, мать... фу, вот с плитки сдула, пошлепала и положила их, и попробуй туда тискать ее, вот, колючки. Че ж мы издохлые такие вот? Потому что мы ели все подряд. Я ж говорю, хорошего ничего не видели.

Г.Л. – Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

К.О. – Известно, но их не пускали в город, потому что у них не было паспортов у селян, вот.

Г.Л. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

К.О. – Знаю, сама была нищая и нищих пускала и переночевать и все. И обокрала нас нищенка, то, что были какие шмотки, она забрала ночью и ушла.

Г.Л. – Как относились к этим попрошайкам? Откуда они были?

К.О. – Ну, откуда они были? Такие же, как и мы, ходили попрошайничали. Ну, кто мог, им сочувствовал каждый. Ну, чем помочь им? Им же нечем, нам же нечем было, потому что сами голодали, вот. Было что – кто даст, кто не даст. Вот так оно и было.

Г.Л. – Можно ли было покинуть свою местность и пойти на поиски еды и работы?

К.О. – Нет, потому что не было жилья, некуда было идти. Село я покину свое, а в другом месте мне переночевать негде, вот в чем дело, как можно было уходить из своей местности?

Г.Л. – Были ли те, кто не голодал?

К.О. – Были, конечно, те, кто зажиточные были, держали коров, овец, те не голодали, а мы бедные. Как обычно: кому помогали, те не голодали, а кому не помогали – лободу ели. [...]

Г.Л. – Существовали ли в то время рынки или места, где можно было что-то купить, выменять?

К.О. – Было, и выменять можно было, и променять можно было, и купить можно было у кого были деньги, у кого было, что продать. А продавали и капусту возили, и буряк возили на рынок, и шмотки там были, все. Лишь бы были деньги. Но у нас их не было.

Г.Л. – Делали ли Вы так?

К.О. – Нет, потому что у нас нечего было продавать, мы были бедные.

Г.Л. – Как в то время выживали люди в городе?

К.О. – Конечно, они лучше выживали, чем в селе, потому что здесь предприятия работали, на рыбалку ходили, рыбой пользовались, рыбачили, вот они и выживали, а мы нет.

Г.Л. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или городе?

К.О. – Конечно, в городе, в городе легче, потому что там уже производства были, работали люди, деньги получали. А в селе ж что ж? Ни паспортов не было, ни черта не было,

нельзя было выбраться из того села. Они бы рад в рай, да грехи не пускали нас.

Г.Л. – Сколько людей умерло в Вашем населенном пункте?

К.О. – Счетом – не знаю, но семьями вымирали, в одной семье было 12 человек, и все умерли от голода.

Г.Л. – Какую официальную причину смерти указывали в документах?

К.О. – В документах указывали «сибирку» болезнь, а не писали, что от голода, а от «сибирки». [...]

Г.Л. – Если после смерти родителей оставались дети, что делали с ними?

К.О. – Ну, всем селом выкармливали, этих не приютов не было, ничего не было в то время. Всем селом кормили, сегодня у одного, завтра у другого, и так вырастали, пока в армию не возьмут.

Г.Л. – Помогали ли люди друг другу во время голода, делились ли продуктами?

К.О. – Ну, как сказать, продуктами не делились, но если придем, то всегда за стол посадят, накормят, вот так, а чтоб домой давать – не давали, потому что у них тоже не было, как и у нас.

Г.Л. – Как местное руководство объясняло то, что происходило?

К.О. – Да никак оно не объясняло, как оно нам может объяснить? Ничего оно не объясняло. [...]

Г.Л. – Изменилась ли Ваша жизнь во время голода?

К.О. – Конечно, изменилась, только не в лучшую сторону, а в худшую сторону. Что было – то проели, какие шмотки были – за стакан кукурузной муки меняли и отдавали. [...]

Г.Л. – Как потом вспоминали и в связи с чем события Голодомора в Вашей семье?

К.О. – Ой, вспоминали, и сейчас вспоминаю, не дуже было хорошо: и голод, и холод – все пережили, а сейчас как будто немножко лучше, но тоже не дуже хорошо.

Г.Л. – Помните ли Вы голод 1946-го года?

К.О. – 1946-го года помню тоже. Но здесь хоть немножко легче было, чем в селе у то, ну, на море ходили, бычки собирали, купали бычки. Здесь немножко полегче стало, а так нечего вспоминать хорошего, ничего нет.

Г.Л. – Расскажите о Вашей семье в годы Вашего детства?

К.О. – В детстве было хорошо. Отец работал в «Загодзерно», мать домохозяйка, я в школе училась, брат учился один и второй. Детство прошло нормально, голод только 32-го года помешал. А так все было хорошо. [...]

Г.Л. – Существовало ли понятие «модная одежда»?

К.О. – Нет, не было тогда этого, и моды не было, потому что после голода какая, черт, мода?! [...]

№ 18. – 2009 р., серпня 18. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кирильченко Олександрю Яківною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гордієнко Людмилою Володимирівною (БДПУ).

Гордієнко Л.В. (далі – Г.Л.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Кирильченко О.Я. (далі – К.О.) – Кирильченко Александра Яковлевна.

Г.Л. – Ваша девичья фамилия?

К.О. – Литюшкина.

Г.Л. – Национальность?

К.О. – Русская.

Г.Л. – Дата рождения?

К.О. – 1927-й год, 25 декабря, будет 82 года.

Г.Л. – Место рождения?

К.О. – Станция Буздяк, село Вознесенка.

Г.Л. – Какое Ваше образование и профессия?

К.О. – 5 классов, профессия – никакой профессии нет, работала на всяких работах, где только пришлось. [...]

Г.Л. – С какого времени Вы живете в этом населенном пункте?

К.О. – В этом населенном пункте я живу с 1932-го года, мы переехали сюда всей семьей. У отца больные были ноги, и его направили сюда на море лечиться, да, серьезно. [...]

Г.Л. – Когда Вы впервые слышали слово «кулак»?

К.О. – Когда началась коллективизация, тогда я слышала, когда стали разделяться на бедных и кулаков, когда у деда было две... одна лошадка и одна корова, и приехали и забрали. Вот и коллективизация.

Г.Л. – Кого понимали под словом «кулак»?

К.О. – Богатых, зажиточных, у кого все было. Ну, не назовет же меня кулаком, когда у меня ничего не было!

Г.Л. – Помните ли Вы Голодомор 1932-1933 годов?

К.О. – Голодали, конечно, ничего не было, ходили, собирали крапиву, лободу, из этого мать варила вот эту бурду какую-то, вот это. Вот мы и питались этим. Очень тяжело было, очень. Два братика похоронила, одному было четвертый годок, а другому девять лет, с голоду, были худенькие, у них вот это тело было, как пергаментная бумага, все, даже жилочки видать было, вот, а когда умерли, опухли, прям полные сделались. Вот это вот я знаю.

Г.Л. – Что говорили о причинах голода?

К.О. – Никто ничего не говорил, люди голодали и все, никто не знал, что это специально делается или неурожай был. Ну, никто ж ничего не знает, вот. Это ж не только у нас было, а кругом по Украине было.

Г.Л. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

К.О. – Такого никогда никто ничего не говорил, потому что все голодали, все знали, что голод и все, ни к кому не пойдешь, ни у кого ничего нет. Таких случаев борьбы с голодом я ничего не знаю, потому что я была маленькая, я не разбиралась, что это: специально, не специально.

Г.Л. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

К.О. – Я была маленькая, я не знаю этих законов, какие они были законы: хорошие, плохие... Я знаю, что я голодала да и все...

Г.Л. – Как Вы выживали, чем питались во время голода?

К.О. – Я уже сказала, что лободу рвали, эту, крапиву, одним словом... Сусликов ели, вот. Ото пойдем с братом, ведро воды наберем и идем, где норка только – льем туда воду, он выскакивает, мы его ловили, ото убивали, обдирали и ели. У нас такой голод был страшный! В одной семье было двенадцать человек – все умерли.

Г.Л. – Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

К.О. – Были случаи такие, когда из села ехали в город, там хоть работа какая-то была, на заводах, на фабриках, ну, в селе же не было ни какой работы, только в колхозе и все.

Г.Л. – Что они делали, как они находили работу в городе?

К.О. – Ну, как находили? Ходили по предприятиям. На завод пойдут, принимают – значит, примут, не принимают – не примут. В другое идут. Вот так и ходили, и искали, и находили.

Г.Л. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

К.О. – Нищих было страшно, страшно! У нас лично ночевала нищенка. Вечером пришла: «Пустите, пожалуйста, переночевать». Мать ее пустила, а утром встали – какие у нас шмоточки были и их забрала она ночью и ушла.

Г.Л. – Как относились к этим попрошайкам, откуда они были?

К.О. – Со всех концов, все ж голодные, и ходили ото, побирались, собирали. Кто кусок даст, у кого есть, а у кого нет – сами сидели голодные.

Г.Л. – Можно ли было покинуть свою местность и пойти на поиски еды и работы?

К.О. – Можно было. Многие вербовались. А вербовались куда? В Сибирь, вот, на Калыму, чтоб хоть рыбу есть, что

ли, а так.. Ой, тяжело было, очень тяжело, не знаю, как. [...]

Г.Л. – Были ли те, кто не голодал?

К.О. – Были, были, которые держали коров, лошадей. Ото те не голодали. Они зарабатывали на лошади на этой, а молоком там, творожок или что-то они делали и выживали так. [...]

Г.Л. – Существовали ли в это время рынки или места, где можно было что-то купить, выменять?

К.О. – Да ничего нельзя было купить, нигде ничего не было, вот, потому что ничего не было, не было. Ото так сам по себе, соседи, ты мне, я тебе. Вот так вот и жили, это когда был голод вот этот самый. А потом уже лучше стало, стали работать, стали зарабатывать. Колхозы стали немножко, как бы сказать, побогаче, что ли, ну, стали полей больше засеять пшеницей, рожью, гречкой. И стали немного жить. [...]

Г.Л. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе? Почему?

К.О. – В городе, потому что там больше предприятий было, больше работали на предприятиях, на заводах. Вот у меня работал брат в «Заготзерно», вот, кладовщиком. Конечно, ему легче было жить, чем мне.

Г.Л. – Сколько людей умерло в Вашем населенном пункте?

К.О. – Ой, бесчисленно, все село, бесчисленно, все село, да, умерло очень много. Но я же не знаю, я же не считала их. Семьями вымирали. Я ж говорю: двенадцать человек в семье было, и один только остался, тот, который рожденный был, потому что он ничего такого не ел, а грудь только сосал. А потом его воспитывали всем селом

Г.Л. – Какую официальную причину смерти указывали в документах?

К.О. – Сибирка. [...]

Г.Л. – Помогали ли люди друг другу во время голода, делились ли продуктами?

К.О. – Помогали, сосед соседу помогал. Есть у меня там картошка или бурак – я с ней поделюсь, так и она со мной. Вот так. [...]

Г.Л. – Изменилась ли Ваша жизнь во время голода?

К.О. – Конечно, а как же ж! Во-первых, двух братьев похоронила с голоду, сама тоже, как нищая, была, ходила, собирала эту крапиву, лободу, ой, да не надо за это и говорить. [...]

Г.Л. – Как вспоминали потом и в связи с чем события Голодомора в Вашей семье?

К.О. – Вспоминали о тяжелой жизни, о чем можно было, о Голодоморе, о детях своих, что поумирали. Вспоминали вот и все. [...]

Г.Л. – Помните ли голод 1946-го года?

К.О. – Помню, переехала я сюда, а у тети с дядей (я к ним приехала), у них тоже также ж, как у меня, ну, тут хоть, хорошо, рыба была, рыбой спасались, вот так, а у нас там нечем было спастись. [...]

№ 19. – 2009 р., січень 20. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Хованець Неонілою Іванівною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карбулою Олександрою Анатоліївною (БДПУ).

Карбула О.А. (далі – К.О.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові.

Хованець Н.І. (далі – Х.Н.) – Я была раньше, когда родилась, Мовчан. А когда вышла замуж – Хованец. Хованец Неоніла Іванівна, 1927-го года.

К.О. – Національність?

Х.Н. – Украинка.

К.О. – Місце народження?

Х.Н. – Куйбышевский район, село раньше было Поповка, а сейчас Смирновка.

К.О. – Яка Ваша освіта і професія?

Х.Н. – Среднетехническое, забыла, технолог, начальник всяких... [...]

К.О. – Ви знаєте своїх прабабусю та прадідуся?

Х.Н. – Ну, що були вони... в селі жили, работал помещіком, учитель 4 дня на неділю, а то дома робили. В них була хатинка невеличка, стріха була солом'яна. Что еще Вам сказать!? Був огород, сад свій. Робили. Мама моя, уже когда освободили от советской власти, трохи училась, грамотная была. Была медсестрой. Батько мій був в селі, учився на Берестовий, училище таке професіональне. Він вивчився, був бухгалтером і всю жизнь проработал бухгалтером, до 90 років. Мама вмерла в 80 років. До того, як ми жили, чи уехали з села, хочу сказать, був голод. Батько раньше уехал в Бердянськ, устроился работать на курорте, сразу рабочим, а потом бухгалтером. И тогда мы выехали из-за голода. [...] Що ще хочу сказати: я пам'ятаю, що маленькою була, їсти мама давала по ложці, там вранці щось таке, мамалигу якусь... Більше на кукурудзі жили, якби не кукурудза, так всі і померли б. А сюди вже в місто як переїхали, так трошки взяли кукурудзи, як зараз пам'ятаю, і тільки їли, їрши їли. Дуже, дуже було скрутно жити. А потім вже, як батько казав, думали що Росія, в Росії поїхали за хлібом з одним чоловіком, щось взяли менять, там якісь тряпки, і по дорозі той, що з ним поїхав, вмер з голоду, а батько даже до Росії не дійшли, десь там наміняли трохи і ото привезли нам їсти. І ото трошечки їли. [...]

К.О. – Коли Ви вперше почули слово «куркуль»?

Х.Н. – Ні, це як вчилися ми в школі, когда я в школі вчилася, «куркулі»... ні, батько розказував, що в них були куркулі, помещики, значит. Но люди були хороші, до людей относились хорошо. Як начался голод – делилися с людьми. Но вони тоді, як забрали все у них, вивезли кудись. По селам прямо їздили, бачуть – хатка хороша, зайшли, весь хліб забрали. І ото пошло все Голодомор. Куди вони вивозили хліб, ніхто не знав. Казали, в Росію,

бо там голод. Так що Голодомор не тільки на Україні був. І в Польщі був тоді, і в Росії. На Україні ще села і посьолки були багаті, чим на Росії. Там люди не дуже, як батько розказував, він туди їздив, як кажуть, волоси дибом ставали, як вони там жили.

К.О. – Що говорили про причини голоду 1932-1933-го років?

Х.Н. – Я ж тобі казала, що приїжджала, міліція приїжджала і забирала, у кого що є, на тачанки. І весь хліб забирали, всю їду забирали, гарбузи, даже батько казав, забирали. [...]

К.О. – Чи чули Ви, що таке «Закон про п'ять колосків»?

Х.Н. – Да. Це якщо ти пішов на роботу до пана ілі в колхоз, уже колхози були, і если ти украв – тебе сажають в тюрму, багато. В нас одного посадили родственика, що вкрав. І так він не вернувся. А мій дядько, по батькові, кудись поїхав, чи в Крим, в цей час. І як приїхав і сказав: «Я самий багатий чоловік». І привіз чогось мішок, а баба каже: «Чого ж ти такий багатий?» «А в мене мішок маку!» І оцей мій дядько нас виручив, начав цей мак продавати, і ми стали їсти щось, купувати можна, а то робили, і гроші не платили, дуже тяжело було. Отець у мене такий був, боролся за то, щоб люди хорошо жили. Маміной сестри невістка... брата забрали в армію, а в неї троє дітей було, Приська її звали. І вона пішли в колхоз, во время війни, і вкрала пшеницю, і її задержали на п'ять літ. При советській владі це було, під час війни, п'ять років. І діти, і батько, і чоловік погіб, і все одно вона сиділа. Ось так і тоді було: кого впіймали, того і сажали. Я знаю, що я при советской владі, під час війни, забрали до себе дідуся, сюди у місто, а він не зміг тут, не міг, привик на землі на своїй і пішов пішки в Смирновку, в Поповку цю. І пришлося мені... я туди поїхала, щоб за дідусем ухажувати, мені 16-17 років було при війні. Ось і в колхозі робила, і ото всі бабки беруть кукурудзу. «А чого ти не береш?». Я кажу: «Ні, Приська п'ять років відсиділа». До сих пір у

мене таке почуття залишилось... в тюрму сіла, дітей кинула.... Ні, умру з голоду, а не візьму.

К.О. – Чи знаєте Ви випадки жебрацтва в цей час?

Х.Н. – Ой, скільки ходило с посохами, деди і діти з ними йшли, просили милостиню. Це жебровка називається.

К.О. – Як ставилися до цих людей?

Х.Н. – У кого що було, те й давали. Люди относилися хорошо, не так, як зараз.

К.О. – Чи можна було покинути свою місцевість і піти на пошуки їжі та роботи?

Х.Н. – Куди хочеш.

К.О. – Куди, як правило, уходили?

Х.Н. – Ходили туди, де найдуть роботу.

К.О. – Чи були ті, хто не голодував?

Х.Н. – Не знаю. В 1935-му ми вже нормально жили.

К.О. – Чи існували в цей час базари або місця, де можна було щось купити?

Х.Н. – Да, були.

К.О. – Хто там торгував і чим?

Х.Н. – Люди і тряпками торгували, і хто звідки щось привезли. Я тобі приклад привижу, як наші в Польщу їздили, щось везли і друге привозили. Так і це теж в то время таке було точно же. Даже папа сміявся, говорив: точное время, що тода було, що в іншу страну їздили, ну, мѣнять. Ну, і то, що на базарі продавали, я ще пам'ятаю рибний там десь був. Ми виживали, люди брали (наші с Бердянська і мої родитілі), так вони тюлька брали, солілі і їздили мінять на щось інше. А ми не помиралі із-за того, що приїхали в Бердянськ. А в селі много умерло з голоду, очень много. От тільки тюлька і спасла нас. Я так і помню, що мама каже. Я до сіх пор запаха не перенешу риб'яго жиру. Все готували на риб'яем жиру. Пойдьом, ерши, тюлька насобіраєм (а оно не ловілі так много пороходи, як зараз, що всю рибу виловили), і оце ми в відро наліваєм води і тюлька ложим, ставім на плиту, і вона кипить, і жир виділяється. Мама собіраєт, і на цьому жиру все жарили.

К.О. – Де, по-вашому, легше жилося людям: у селі чи у місті?

Х.Н. – Даже не можу сказати. Більшість уїхали з села в город, тому що промишліність була вже, щось таке, сюди більше щось привозили, а в селі там захолося було таке, що і... Зараз там і дома хороше понастраївали, і люди хорошо, совхоз багатейший був вообще, а зараз розорився. Говорят, помещікі плохо живут при советской власти. І робота була, і все було. Які совколхозі! Но трудодні... плохо относились к колхозникам, очень плохо в той час. І ось ці трудодні писали, не давали денег, і вообще страшное дело. Наверно, після війни только немножко стали лучше жить, Отечественной войны, как ось до того жили. Ось якось їх витісняли і грошей не давали, вони работали, і трудодні, і все. На трудодень поразбирают, заберут, жменьку дают, ось люди тоді і огорода сажали, і все.

К.О. – Скільки людей померло у Вашому населеному пункті?

Х.Н. – Багато померло, дуже багато і наших родичів, особливо з папіної сторони, много вмерло родственников. [...]

К.О. – Чи допомагали люди один одному під час голоду?

Х.Н. – Конечно, помогали, у кого що було, і ділилися, і соседи. Я знаю, от ми там жили, і соседи: у того немає хліба, у того це. І нас ще в городі спасало, що у нас лімани, які на курорті були, і при Вітчизняній війні, і при той, а там у тих ліманах много солі було. І ото вони ходили, мої родственники все, вони ще соль возили, ось це і помагало. Тому що там за стакан солі стоко платили денег, а ми ввозили. Соль спасала, і рыба спасала Бердянськ. Так що тут, щоб люди сильно голодали, в Бердянську, не можна було сказати. По-перше, огорода ж всі сажали. Я знаю, що в нас на курорті папа мій работал, там два огорода було, і ще були там, де зараз техникум, там такі огорода всім людям давали, пожалуйста. І совхоз багатий був, і віногради много. Не стільки, як зараз. То що Бердянськ, я

так вважаю, як і по розговорам, щоб Бердянськ дуже Голодомор був – ні. Тут було з чого взяти і було що продати. [...]

К.О. – А як самі люди пояснювали події голоду?

Х.Н. – Батько казав, що все залежить від правительства. [...]

К.О. – Як потім згадували і у зв'язку з чим події Голодомору у Вашій родині?

Х.Н. – Ой, батько багато розказували, багато. Ой, я пам'ятаю, свято було Перше Травня, і ми, я, як зараз, пам'ятаю, що я одяглась, і тато, і сестра. Сестра, я і брат, ось, а я вийшла, на вулицю вже пішли, а як кричу... а к нам залізли і покрали там чашки. Кричу: «Тато, тато, чашки, чашки». Як зараз пам'ятаю: кричала, що таке чашки. Вискочили, так люди вже догнали і позабирали. Велика кража була по домівках, ось це запам'яталось. Нас багато разів обкрадали і в сараї, і там всюди.

К.О. – Чи пам'ятаєте Ви голод 1946-го року?

Х.Н. – Да.

К.О. – Що Ви пам'ятаєте? Можете розказати докладніше?

Х.Н. – Ой, це така страшна вещь, така страшна! Ніхто ж не готувався до війни, війна була, все розрушили, у нас лічно дім спалили німці, зайшли, сестру забрали в Германію, а я ні. Я 1927-го року, але папа переробив мені на 1928-й. Не брали. Хто як міг, так і виживав. Більш за все спасало море і в 1946-му, і в 1947-му. Я тільки знаю, що один огорог був у нас, второй огорог, третій огорог. Ось це ми сьогодні їдемо, учимось, приходим з школи, там под вечір забирає батько полоть. Потом ось тут виноградний технікум, давали виноград, ми обробативали, щоб сажати буряк, тощо. У дворі в нас був огорог, ми много, много роботали, щоб тільки була їда. А сразу була, коли тільки вступили, так значить, ми їли просо. Білі.. помню, кукурудза, і самі мололи, такі були штуки, і ось це просо оббивали, тоже мололи. І ось це мама нам жарила такі лепешкі. Ну, і у дворі курей, мабуть, тримали, і потім весь час курі були. І сильно великий один рік урожай абрикосів був, і ми з

братом... в посадке абрикос був, ось це ми утром, ми з братом беремо повозку і їдемо збирати абрикос. Но не ганяв ніхто, і ось ми лущілі і сушили. І ми насушили мішок абрикос, а вони полезні. І ось мама наша брала, крутила, муку отсеевала. Потом крупа. Воно ж різне: коли крупу, коли муку, коли що. Ось і мама пікла пироги з цим, абрикоси. Зараз я такий не спечу смачний (посміхається). [...]

К.О. – У що одягалися діти в роки Вашого дитинства?

Х.Н. – Ось це моя мати в той час одягнена. Вона перший раз вийшла заміж за вчителя, вони в Дніпропетровську жили, а тиф сверепствував в 30-і роки під час Голодомору, і в неї дочка померла, і муж помер. По старінному одягались. Конечно, когда-то. Теж я в звичайному платті, ажурном платічці. Що я можу сказати? Одягались ми не погано, всі стремілись якось. [...]

К.О. – Розкажіть докладно, коли і з яких причин Ви переїхали до міста?

Х.Н. – Я ж кажу, що під час Голодомору ми переїхали з села в місто.

К.О. – Опишіть, як Ви готувались до переїзду до міста?

Х.Н. – Не знаю... знаю, що батько за нами приїхав, забрав, привіз сюди, а ми діти були, сестра на два роки старша, вже трохи розуміла. [...]

К.О. – Чим і як довго Ви добивались до міста?

Х.Н. – Значить, на лошодах привезли нас з села, з Смирновки, з Поповки сюди. [...]

№ 20. – 2009 р., січень 14. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Дженковим Григорієм Пилиповичем, 1928 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

Тільчарова К.О. (далі – Т.К.) – Назовите своє ім'я, фамілію, отчество.

Дженков Г.П. (далі – Д.Г.) – Дженков Григорий Филиппович.

Т.К. – Национальность?

Д.Г. – Болгарин.

Т.К. – Дата рождения?

Д.Г. – Родился 15 ноября 1928-го года.

Т.К. – Место рождения?

Д.Г. – Родился в селе Радоловка Приморского района Запорожской области.

Т.К. – Какое у Вас образование?

Д.Г. – Образование семь классов.

Т.К. – Профессия?

Д.Г. – Я по профессии водитель. [...]

Т.К. – Когда Вы переехали в Бердянск?

Д.Г. – Я переехал в Бердянск в 1953-м году.

Т.К. – Что Вам известно про коллективизацию?

Д.Г. – Ну, что... В то время, значит, государство, все государство было направляло, организовывало и организовывало коллективные хозяйства по производству сельхозпродукции. И что это значит? Это значит, что все какие были животные, средства обработки земли, телеги, плуги, бороны, они свозились в общий двор. Коллективно они там обслуживались, кормились и этими же животными. То есть лошади свозились, волы, телеги, плуги, бороны и другой инвентарь свозились в общий двор, назывались колхозы, и потом уже этим инвентарем, этим скотом обрабатывались поля. Сеяли, бороновали, пропалывали, скашивали урожай. И значит, это было все коллективным, общим достоянием.

Т.К. – А когда Вы впервые слышали слово «кулак»?

Д.Г. – Ну, «кулак» я уже, когда немножко подрост. Это было пять-шесть лет, такое слово, как «кулак», действительно, было в обыденной жизни. «Кулак» – это значит на то время тот человек, который располагал, имел в свое распоряжении больше скота, больше земли, больше инвентаря. Короче говоря, он выделялся по... был богаче,

выделялся против остальных людей. Тогда этих людей и называли «кулак», то есть богачи.

Т.К. – Помните Голодомор 32-33-го годов?

Д.Г. – Ну, Голодомор 32-33-го я фактически не... почти не помню, потому что мне в это время было четыре-пять лет. Я был маленький. Но знаю, что эти годы были очень тяжелыми действительно. Люди очень многие голодали, болели из-за недостатков в питании, много таких людей умирало. Позже со слов старшего поколения, родителей я узнал больше, что действительно был очень большой в эти годы голод. Не хватало хлеба, не хватало продуктов других. И люди из-за этого пухли, болели и очень многие умирали.

Т.К. – А слышали о «Законе о пяти колосках»?

Д.Г. – Да, такой «Закон о пяти колосках» действительно был. Государством издан такой закон. Он был очень строгий. Цель этого закона было направлена на то, чтобы люди после сбора колхозного урожая, то есть после того, как скошена была пшеница или рожь, на поле оставались колоски с зерном, и их запрещали, этим законом запрещали их людям собирать. Люди, конечно, переживали очень трудное время, недостаток в пище, и многие, конечно, шли на поля, собирали для того, чтобы, ну, обеспечить детей, хоть немного зерна собрать. Но этот закон очень карал, строго и наказывали, и штрафовали, и даже закон предусматривал осуждение за эти колоски, за то, что собирали. Было очень жестко, строго и обидно то, что даже если колосок мог и пропасть, а людям не давали, чтоб они вот так вот смогли себя поддержать.

Т.К. – А как Вы выживали во время голода, чем питались?

Д.Г. – Ну, во время голода были разные, разные варианты. Питались, конечно, очень плохо. Питались, выживал кто как мог. Кто, конечно, имел кусочек земли приусадебной, кто имел, скажем, какую-то, ну, профессию. Были люди, что такие имели профессию, ну, скажем, кто-то зарабатывал, у кого-то печники, сапожники. Делали

валенки, ну, короче, мастеровые люди. Те, конечно, выживали полегче. Они за счет своей умелости помогали людям что-то сделать. Печку или построить что-то, сарай, или выкопать колодец. То они немножко могли чуть-чуть кое-что заработать. А мы выживали. Мы выживали за счет того, что летом мы очень много трудились постоянно. На том кусочке земли, который у нас был. Мы старались, во-первых, использовать хорошо землю и высаживали и картофель, и морковь, и бурячки, и лучок. И, короче говоря, рожь, где могли, посеяли, поэтому мы очень старались за счет этого, ну, себя обеспечить продуктами. Летом мы все очень трудились, члены семьи. И старались заготовить на зиму, что могли. Овощи солили, картофель выкапывали, значит, фрукты, фрукты, которые у нас были, мы их не консервировали (тогда консервации не было). Фрукты мы резали, скажем, яблочки сушили, делали сушку для того, чтобы зимой использовать их для компотов. Вишни сушили цельными, такие, как яблоки. Абрикосы – мы их резали на кусочки, разлаживали на солнце. Утром выносили вот эту сушку, поскольку было солнце, а на ночь заносили. Это ежедневная была работа. И так мы и выживали. Держали, у нас было несколько барашек, мы их держали, ухаживали за ними, и иногда по большим праздникам мы могли использовать барашку для питания. Вот так в основном, но это стоило больших трудов и постоянных трудов. На весь период, летний период мы трудились, высаживали, заготавливали корм для барашек, то есть ежедневно собирали травку, сушили ее и готовились к зиме, к зиме. Вот так и выживали.

Т.К. – А известны ли случаи, когда в город переезжали из сел?

Д.Г. – Да, были такие случаи. Отдельные люди пытались и выезжали из села, но таких людей было не много на то время, вот. Почему они, их было не много, потому что для того, чтобы выехать из села, необходимо было справку получить у сельского совета, разрешение на выезд. Тогда,

в то время, выезд из села запрещался, не разрешали из села выезжать в город людям, поэтому люди выезжали, но нелегально. И потом их, может быть, разыскивали, но, по крайней мере, запрет такой был на выезд из села.

Т.К. – А в это время были нищие?

Д.Г. – В эти годы нищими были большинство. Были нищие... не нищие, а бедные. В смысле, как таких в селе, чтобы ходили, просили, вроде и не было, потому что не у кого было просить. Фактически все были примерно на одном уровне, и не было разницы, чтобы были сильно богатые и сильно бедные. Нищие были, особенно они были нищие или бедные те, которые, ну, неудачники, те, которые не умели или не хотели трудиться, что-то придумывать, трудиться, что-то выращивать для себя. То и были отдельные то тебе. Так что были такие бедные. Ну, большинство были люди не богатые.

Т.К. – Были ли те, кто не голодал?

Д.Г. – Те, кто не голодал... фактически их почти и не было. Единственное, что были, может быть, чуть-чуть лучше, имели достаток. Но эта та часть людей, которые были, лучше жили, которые действительно имели семьи, имели крепких работоспособных членов семьи и которые, конечно, хотели и умели и трудились много. Те жили более-менее, скажем так, не голодали, ну, и не сильно, так сказать, были, жили в достатке. А те, что не хотели, конечно, трудится, то были и похуже жили.

Т.К. – А существовали в это время базары, места, где можно было что-то купить, выменять?

Д.Г. – Значит, в нашем селе базаров не было, магазинов не было. И чтобы что-то купить, во-первых, нужно было иметь деньги, а, во-вторых, что мы и сильно и не могли купить, потому что очень мало... у нас фактически денег почти не было. Базаров в нашем селе не было. Единственно, что иногда, иногда на телегах торговцы привозили, ну, частные, такие некоторые продукты, короче говоря, то соль, то соду пищевую, то керосин. Вот так они

иногда подвозили, мы знали, и крайние... спички, крайне необходимые продукты мы могли купить только так. Так что в селе фактически ни магазинов, ни возможности купить что-то более обширное.

Т.К. – А как в это время выживали люди в городе?

Д.Г. – Ну, в городе... мне не известно, как люди выживали в городе. Я только думаю, что город был более зажиточным. Почему? Потому что в городе все-таки были фабрики какие-то, были рабочие места, предприятия, все-таки была какая-то возможность заработать какую-то копейку, вот. В городе на то время были лавки, магазины, которые назывались лавками, где можно было купить и продовольственные, и промышленные товары. А в таком городе, как Бердянск или в Приморске, эти города находятся на берегу моря, вот поэтому люди, жители этих городов, фактически очень много из них выживали за счет уловов рыбы в море. Рыбы в то время в море было очень много, разная. И в основном были, в основном те, что возле моря, они занимались рыбалкой. Им было легче: во-первых, они сами питались за счет выловленной рыбы, а во-вторых, что к ним в город приезжали жители сел, привозили продукцию с села, и происходил обмен продукции из села на рыбу. Поэтому в городе, конечно, жилось немного получше.

Т.К. – А сколько людей погибло в Вашем населенном пункте?

Д.Г. – Ну, сколько погибло в нашем селе, я не могу точно сказать. Но знаю, что люди умирали много, может быть, третья часть села, я точно не знаю. Я был маленький. Но знаю, что людей хоронили часто, постоянно, и было действительно очень много погибших, умерших людей. [...]

Т.К. – А что делали с погибшими во время голода?

Д.Г. – Ну, с погибшими во время голода... Хоронили. За селом у нас было кладбище и там люди, и хоронили людей. Хоронили людей более сильные. Родственники,

соседи, кто более сильный, хоронили. Делали гробы, выкапывали ямы и на телегах отвозили и хоронили и на кладбище.

Т.К. – А если после смерти родителей оставались дети, что с ними делали?

Д.Г. – Были такие семьи, что после смерти родителей оставались и по несколько детей, и один ребенок. Значит, обычно, обычно дети... детей после этого присматривали родственники погибших. Были такие случаи, что за детьми присматривали добрые соседи. А вообще дети, конечно, оставались сиротами, и те, которые постарше те уже были, подрабатывали у других людей и следили за меньшими. Не было таких вот как бы приютов в нашем селе. Поэтому вот так дети бедные и жили, сиротами оставались и вырастали под присмотром родственников и добрых соседей.

Т.К. – А помогали люди друг другу во время голода? Делились?

Д.Г. – Да, в основном голод отразился на всех, и в основном люди понимая, на сколько это опасно и тревожно голодовать, люди были дружнее, и по возможности родственник родственнику, сосед соседу, просто люди помогали друг другу вместе каким-то образом выживать.

Т.К. – А местное руководство как объясняло то, что происходило?

Д.Г. – Ну, местное руководство... Местное руководство – оно и подчинялось и руководствовалось указаниям высших организаций, выше стоящих, поэтому местное руководство, ну, пользовалось теми законами, которые на тот момент были в государстве. И оно, собственно, ничем не объясняло. Объясняло: терпите, трудитесь. Вот и все. Ничем они не объясняли, что это какая-то политика, просто вот так вот. Требовали, чтобы ходили на работу, чтобы участвовали в обработке полей, чтобы выращивали урожай. Вот и все. Ничем они не объясняли.

Т.К. – А как сами люди объясняли эти события?

Д.Г. – Люди на тот момент знали то, что они имели. Люди... просто у них выхода не было. По-другому что-то делать оценку. Дело в том, что местные люди, люди, которые проживали в селе, очень мало знали, очень мало были информированы вообще, что делается в государстве. Дело в том, что на то время в селе не было радио, например, не было, из которого можно было что-то узнать. Электричества, света не было, поэтому люди как бы, будем так говорить, смирились с тем, что оно было. Потому что они не видели причин и не могли дать оценку из-за незнания общего состояния дел в стране. [...]

Т.К. – А как потом вспоминали и в связи с чем события Голодомора в Вашей семье?

Д.Г. – Ну, вспоминали эти годы уже позже, когда я и подрос, когда уже парнем был десять-двенадцать лет. То, когда немножко жизнь начала налаживаться, особенно после войны, в 45-м году, то просто люди как бы сравнивая то, что сейчас и то, что было раньше, то люди, конечно, сравнивали и приходили в вывод, что те годы, 32-33-й, действительно они были гораздо тяжелее, чем настоящий период жизни. Поэтому сравнивали и сожалели, что те годы проходили так тяжело, с большими потерями человеческих жизней.

Т.К. – А помните ли Вы голод 1946-го года?

Д.Г. – Ну, голод 46-го года я помню больше, потому что мне тогда уже было побольше лет. Я уже помню больше, могу только сказать, что фактически голод был и в 46-м, и 47-м тоже был тяжеловатый год, но этот голод 46-го, на мой взгляд, он был особенным. Почему? Дело в том, что, во-первых, по разным причинам он был. Значит, дело в том, что предшествовала этому году пятилетняя война. Война 40... 41-45-го года. Она, конечно, отразилась и на результатах послевоенного периода. Дело в том, что в период войны очень были большие потери и живой силы, и те были основные средства производства, обрабатывания земли (лошади, кое-где были трактора уже) – они были

уничтожены; и, с другой стороны, рабочая сила, в основном мужчины, погибли на фронтах Великой Отечественной войны. И третье, значит, в военный период запасы посевочного материала (как зерна) тоже были уничтожены. В период войны, особенно в период, когда немцы отступали, они сжигали, где были запасы, так называемые каморы, где хранилось зерно, колхозные, они поджигали вот эти вот здания, и посевочный материал был уничтожен. И с другой стороны, значит, 46-й год оказался очень жарким, засушливым, дожди отсутствовали, и то, что зерно, которое даже было посеяно, оно просто не уродило. Очень были колосочки маленькие. Короче говоря, вот эти причины и послужили тому, что 46-й год тоже оказался голодным для жителей. [...]

№ 21. – 2009 р., липень 10. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Дженковим Григорієм Пилиповичем, 1928 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

Тільчарова К.О. (далі – Т.К.) – Назовите свое имя, фамилию, отчество.

Дженков Г.П. (далі – Д.Г.) – Дженков Григорий Филиппович.

Т.К. – Национальность?

Д.Г. – Болгарин.

Т.К. – Дата рождения?

Д.Г. – 15 ноября 1928-го года.

Т.К. – Место рождения?

Д.Г. – Село Радоловка Приморского района Запорожской области.

Т.К. – Какое у Вас образование и профессия?

Д.Г. – Образование семь классов. Профессия – водитель.

[...]

Т.К. – Когда Вы переехали в Бердянск?

Д.Г. – Я переехал в Бердянск в 1953-м году.

Т.К. – Что Вам известно про коллективизацию?

Д.Г. – Ну, что известно о коллективизации... Было после революции, было, был взят курс государством на коллективизацию. Создавались крупные сельхозпредприятия, коллективные предприятия. Как она происходила, коллективизация? Значит, собирали у граждан, населения, собирали скот, рабочие лошади, инвентарь, плуги, бороны. Завозили в общий двор и совместно обрабатывали землю. Так было построено в государстве, так было запланировано. Таким образом образовывались колхозы. Которые совместно вырабатывали продукцию. Собирали, сеяли хлеб, овощи, подсолнечники и другие сельхозкультуры.

Т.К. – А когда Вы впервые услышали слово «кулак»?

Д.Г. – Ну, я был маленький, тем не менее, такое слово на то время было. После революции. Фактически, из-за чего и произошла революция. Из-за того, что были богатые и бедные, общество было разделено на бедных и богатых. В это время и появилось слово «кулак». Бедные называли богатых людей кулаками, то есть богачами.

Т.К. – Помните ли Вы Голодомор 32-33-го года?

Д.Г. – Ну, Голодомор 32-33-го года я хорошо не помню, но знаю, что было людям в эти годы очень тяжело. Был сильный неурожай, засуха, и, возможно, другие факторы влияли, потому что люди жили очень бедно, вот. Много умирало с голода, не доедали. Поэтому такая была обстановка, такая была жизнь.

Т.К. – А что говорили про причины голода 32-33-го годов?

Д.Г. – Ну, каждый по-своему понимал слово Голодомор. Для детей, конечно, слово Голодомор в то время не совсем было и понятно, поскольку дети... в основном родители ощущали, чувствовали люди старшего поколения, а дети по своему возрасту не могли дать полной и правильной оценки голода 32-33-го года.

Т.К. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

Д.Г. – Значит, таких случаев мне не известно. Единственное, что люди выживали сами, как могли. Фактически, сами люди вели, кто как мог, так и вел свой образ жизни. Вот и все. А вот чтобы кто за кого-то заботился, такого мне не известно.

Т.К. – Знаете ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

Д.Г. – Да. Это были очень жесткие, тяжелые и, на мой взгляд, не правильные действия власти. На то время из-за того, что люди очень тяжело жили, что был неурожай, то люди, чтобы прокормить детей, семью, они шли на колхозное поле и собирали колоски. Но в это время был принят очень строгий закон о пяти колосках. За это очень жестоко наказывали. Если кого-то поймали, кто собирал колоски, то могли засудить. Судили людей и... Но люди были вынуждены это делать, поскольку такой неурожай и голод заставлял... Из-за голода люди шли на все. Старшее поколение вынуждено было спасать своих детей, которые без хлеба пухли от голода, болели. Поэтому это закон, конечно, очень был жестоким, для народа очень был тяжелым, но так было, действительно так было.

Т.К. – А как Вы выживали и чем питались во время голода?

Д.Г. – Чем питались... Выживали кто как мог, а питались тоже, как у кого получалось. Старались что-то посадить на земле, старались что-то держать, козочку или кролика, вот. Трудились много, а питались, чем получалось. Достатка у нас не было, и питались слабо, плохо питались. Вот. И все: и молодые и старые, так что... В основном за счет того, что могли собрать какой-то урожай фруктов, овощей, картошечку, кукурузу, рожь. Пшеницы у нас, по-моему, почти не было. А рожь... Пекли лепешки и вот так как-то жили.

Т.К. – Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

Д.Г. – Редкие случаи, когда люди переселялись в города. Ну, во-первых, чтобы переселиться в город, то нужно было

в город и прописаться, но колхозы не выдавали справок, чтобы выезжали люди из села в города, поэтому если кто и выезжал, то это может быть до родственников, или какая-то очень незначительная часть населения. А так, фактически, больших случаев переселения не было из-за то, что очень жесткие меры были по выезду из села. Наказывали за это, не давали справок, чтобы все люди оставались. Цель была такая, чтобы люди оставались на земле, в колхозах работали, поэтому такая вот обстановка и была.

Т.К. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

Д.Г. – Ну, были очень бедные люди. Некоторые, может быть, переехали из других областей, не успели обжиться, как говорится, поэтому ходили люди и просили кусочек хлеба, и дети ходили, и калеки, которые не могли на земле трудиться. Очень часто дети ходили, потому что голодали люди. Вынуждены были ходить и просить кусочек хлеба. Было такое, и много случаев было.

Т.К. – А как относились к этим нищим и откуда они были?

Д.Г. – Ну, к нищим все по-разному относились к ним, к нищим. Каждый по-своему. А откуда они были? Я ж говорю: с своих, с местных жителей. Фактически, все примерно, кто хотел трудиться, хоть чуть-чуть трудился, тот более-менее жил. А вот те, которые приезжали с каких-то других областей или сел, те, конечно, были нищими. И к ним каждый по-своему относился. По крайней мере, человек, люди с добрым сердцем и если чем могли, то они и поделились с нищим. А разные были люди. Те, которые побогаче жили, те вряд-ли они и делились, потому что это для них... но это не те люди, которые могли делиться. Они и жадные были, и вредные были, поэтому... По-разному складывалась у людей жизнь.

Т.К. – Можно ли было покинуть свою местность и уйти на поиски еды и работы?

Д.Г. – Фактически, свое село никто практически не покидал. Единственное, что тут на месте в селе или рядом

в каком-то селе, кто был мастеровой, то есть что-то мог делать, чтобы получить дополнительный заработок. А что надо делать? Кустарные разные работы. Делали плитки для отопления, ну, печи. Вот. Чистили дымоходы у частном секторе. Кто-то мог отремонтировать домик там. Кто-то копал колодец. Вот. Кто-то мог пошить кому-то что-то. Кто-то мог починить, вычинить кожу. Кто-то мог пошить обувь. Вот такими заработками перебивались. Как в нашем селе, так и в других рядом стоящих селах, где это было недалеко. Ну, такие люди, мастеровые люди, они так и назывались, они, конечно, были более достаточные, зажиточные, потому что у них была постоянно какая-то работа, заработок, и они были более зажиточными.

Т.К. – А были ли те, кто не голодал?

Д.Г. – В основном, в основном были все люди на одном уровне. Одинаково, в основном, все жили, за исключением были в разной степени, кто-то больше, кто-то меньше. Но жизнь была для всех тяжелая. И для тех, что что-то имели от труда, и для тех. В целом жизнь была просто тяжелая. Эти годы были очень сложные для нашего населения.

Т.К. – А существовали в это время базары или места, где можно было что-то купить, выменять?

Д.Г. – Базара в нашем селе не было. Значит, единственно, что иногда развозили, развозили так называемые продавцы или как их... На телеге развозили ткани, мыло хозяйственное, вот такие разные продукты. Это типа магазинчиков таких. Магазины у нас не было. А иногда, раз в неделю приезжал этот человек и продавал и глину, и известь, ну, все товары, необходимые для прожитка людей. Значит, фактически денег тогда почти и не было, вот. Все это происходило не за деньги, а путем обмена. Меняли на продукты, меняли эти все мыло, отдавали ему там какие-то продукты. Яичко или что-нибудь другое взамен на эти товары.

Т.К. – А как в это время выживали люди в городе?

Д.Г. – Ну, за город я ничего не могу сказать. Могу только сказать, что этот город, именно наш город Бердянск, он, конечно, немножко своеобразный, и эти люди, жители города Бердянска, выживали более... легче переживали эти годы. По одной простой причине, что город располагает большими запасами моря. Море спасало всех. И местное население городское, и людей, которые располагались ближе к городу. Которые могли приехать, обменять на продукты питания рыбу и таким образом спасали свои семьи и выживали. Городские не знаю, как в других городах выживали, но а Бердянск – такое его расположение своеобразное. Бердянск, Приморск и окружающие села. Они имели возможность за счет моря, так сказать, содержать свою семью, прокормить своих детей, выменять что-то. За рыбу выменять какие-то другие продукты, или одежду, или ткань. Вот так выживали.

Т.К. – А где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе?

Д.Г. – Трудно сказать, где было легче людям жить. Всем было в это время нелегко. Единственно, что за наш город, за Бердянск, то тут, конечно, ясно, что бердянцам было легче. Что касается села, то село, фактически, особенно условий не было, но, тем не менее, в селе за счет того, что люди что-то держали... птицу или имели землю, они, конечно, имели возможность не богато, но каким-то образом все-таки выживать. Не хорошо жить, а выживать. Это в полном смысле этого слова, это было выживание.

Т.К. – А сколько людей погибло в Вашем населенном пункте?

Д.Г. – Я не помню, по возрасту я не помню. Единственное, что знаю, умирало очень много. И умирали в основном за счет недоедания. За счет различных болезней. Поскольку организм у людей был ослаблен. И корь, и краснуха. Очень много было болезней, связанных с тем, что не хватало нормального питания, естественно, витаминов. Организмы

у людей были слабые, и поэтому смертность, конечно, была большая в это время.

Т.К. – А какую официальную причину смерти писали в документах?

Д.Г. – Я не могу сказать, не видел ни одного документа, не располагаю такими. Но думаю, что вряд-ли власть, которая была на тот момент в государстве, вряд-ли они могли писать причину Голодомора. Это было и не выгодно и, наверно, и политически... Но вряд-ли писали, что это голод. Причина смерти – болезни. Очень болезни распространенные были различного характера. Различной степени тяжести. Поэтому люди и умирали, очень много людей умирало, вот. Но причина одна единственная то, что люди очень бедно жили. Было уровень санитарии слабый, медицинского обслуживания практически не было, особенно в селе у нас не было. Иногда, иногда приезжала всего-на-всего одна какая-то акушерка, вот. Аптек не было, лечились в основном за счет старых родительских способов. Травами, а не было этих таблеток, разного другого лечебного средства, а в основном, старые бабушки, знахарки разные. Они знали, как лечили. И путем молитвы, и путем нашептывания. И путем различных трав. [...]

Т.К. – А если после смерти родителей оставались дети, что с ними делали?

Д.Г. – Если помирили родители и оставались дети, то, значит, люди, которые были небезразличны и были у этих детей родственники, если они были (тети, там, дяди, братья, старшие сестры, старшие по возрасту), они их брали к себе и продолжали воспитывать их. А если никого не было, ну, скажем так, с близких, с родителей, то тогда сельский совет брал их на учебу, и этих детей патронировали, то есть помогали, чем могли, вот и все.

Т.К. – Помогали люди друг другу во время голода, делились продуктами?

Д.Г. – Как правило, семьи были большие, и помогать... в основном помогали друг другу тоже, были добрые соседи. Но в основном помогали родственники. Семьи были большие, родственников у каждой семьи было много, поэтому все пытались выжить. Кто чем мог, тем мог и помогать. Не было таких злостных безразличных людей. Хотя разные люди бывали и тогда, и теперь.

Т.К. – А местное руководство как объясняло то, что происходило?

Д.Г. – Местное руководство просто объясняло, что такое тяжелое положение возникло из-за того, что было подряд два года большой неурожай. Поэтому и объяснили: раз урожая нет, поэтому люди не могли нормально жить.

Т.К. – А как сами люди объясняли эти события?

Д.Г. – Люди по-разному понимали, но действительно знали, что действительно была засуха, годы то были действительно засушливые. Поэтому... Люди ничего другого, информации не имели. А рассуждали, так как природа распорядилась. Засушливая погода. Вот этим и объясняли, что нет урожая.

Т.К. – А изменилась ли Ваша обычная жизнь во время голода? Праздники, церковные обряды были?

Д.Г. – Ничем особенно она не изменилась. Как жили в селе, так мы и продолжали жить. Каких-то изменений не происходило. Единственно, что трудности, они в период голода были действительно очень большие. В основном для всего населения сел. [...]

Т.К. – А помните ли Вы голод 1946-го года?

Д.Г. – Голод 46-го года для меня более яркий, так сказать. Постольку поскольку я уже был в возрасте и более видел, пережил эти годы, поэтому мне более известно. Ну, что могу сказать? 46-47-й год, да, действительно был голод. Значит, сразу после войны, после войны, так же, как и в те годы, два года подряд было очень засушливое лето. И дело в этом. Во-первых, что и мало посеяли. Почему? Война отпечаток свой оставила на всех. Дело в том, что и техники

не было для того, чтобы посадить пшеницу или рожь. И, во-вторых, все эти лошади, значит, были за счет фронта уничтожены. Садить было тяжело, садили кто чем мог. Вот, садили коровами. У кого были коровы. И в основном мужчин не было после войны, очень много мужчин погибли. Садили в основном женщины. И посевочного материала, то есть пшенички или зерна, ржи, после войны было очень мало, поскольку во время войны, значит, при отступлении немцы сжигали запасы зерна. Много запасов зерна вывозили в Германию, поэтому все это вместе дало свои результаты. И народ в 46-47-й год тоже очень голодал. Выживали кто как мог. Питались очень плохо, вот. Тоже и голодные были, и пухлые были от недоедания, и вымирали очень много в каждом селе. [...]

№ 22. – 2009 р., січень 6. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Павловою Людмилою Василівною, 1929 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

Кульбак В.О. (далі – К.В.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Павлова Л.В. (далі – П.Л.) – Павлова Людмила Васильевна.

К.В. – Назовите свою девичью фамилию?

П.Л. – Самохвалова.

К.В. – Кто Вы по национальности?

П.Л. – Русская.

К.В. – Когда и где Вы родились?

П.Л. – В городе Бердянске, 1 августа 1929-го года.

К.В. – Какое Ваше образование?

П.Л. – Сначала я закончила техникум, в Бердянске виноградарный техникум в 1950-м году. Потом была направлена на работу в город Болград Измаильской области начальником цеха разлива. Разливали вино в три смены. [...] Где-то в 1963-м году я заканчиваю

университет, потому что в 1967-м году я переезжаю в Бердянск.

К.В. – Кто Вы по профессии?

П.Л. – В основном я работала в лаборатории, там я работала химиком на заводе и здесь поступаю в медицинское учреждение и тоже в химическую лабораторию. [...]

К.В. – Что Вам известно о коллективизации?

П.Л. – О коллективизации я очень мало знаю, потому что я маленькая тогда была. Но голод был. Нас было восемнадцать, я самая младшая. Помню, только хором плакали. Это я помню. Как будто сегодня было. Родители промышляли, где какую-то траву принести поесть, а мы пухлые были от голода. [...]

К.В. – Помните ли Вы в общих чертах Голодомор 1932-1933-го годов?

П.Л. – Мы все плакали. Мне было 4 года в 1933-м году, но очень все зафиксировалось в памяти. Это страшное время было.

К.В. – Что говорили о причинах голода?

П.Л. – Дома говорили, что в основном... почему у меня такая антипатия всю жизнь была к большевикам.... все время мама говорила, что это власть атеистов. Понимаешь, в те годы как-то говорить боялись, страшно боялись, потому что два моих родственника были на «Черный ворон» и с концами. Это два, одной маминей сестры муж, «Черный ворон» приехал и.. Потому что тогда было одного слова достаточно сказать, без суда и следствия забирали и убивали. Поэтому много об этом не говорили, боялись все.

К.В. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

П.Л. – Мама рассказывала такое: она где-то на мусорнике нашла колечко. Это был 1934-й или 1933-й год. Она это колечко вычистила, она его назвала «Кроличий глаз». И в этом кольце был старый голубой камешек, и она его отшлифовала, что оно блестело. И пошла она на рынок и

носила это кольцо на пальце: «Продаю, продаю», заведомо зная, что кольцо медное, оно не было золотым. Но у маминой сестры родной муж работал там, где сейчас горисполком, там был рынок. А у него была часовая мастерская, у дяди Шуры, частная. И там стояла, называли «царская водка» в бутылочках, и бутылочка с водой. И когда мама... клюнул скупщик, купить это кольцо (мама заломила большую цену), а дядя Шура (это маминой сестры муж) увидел: «Опять Гарпешка кого-то ведет», и скрылся в комнату. А Ольга Ивановна (это мамина сестра) выходит, но он-то не знает, что это родня. И он говорит: «Ольга Ивановна, посмотрите, какое колечко». И она берет бутылочку с водой (а тогда, чтобы определить, называлась «царская водка», теперь это серная кислота; если это медь, оно почернеет, кольцо, а если золото, то оно будет нейтральным). И тетя Оля капнула, и он сразу ей выложил кучу денег. И она эти деньги в карман. «И я – говорит, – как бежала понад морем, чтобы меня ж никто не догнал». Прибежала в пекарню, а там хлеб баснословные деньги стоит. И выложила деньги, ей дали хлеба, и она прибежала. «А отец, – говорит, – сидит вот так [взялся за голову]». «Где ты взяла, где ты взяла?» Вот так мы выживали. Это она рассказывала один случай из тысячи. К.В. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

П.Л. – Конечно, слышала. Когда людей из-за горстки пшеницы... Кстати, наш Самарченко, который говорил, чтобы я училась дальше, потому, что все имели тогда, даже если института нет, нужно было иметь бумажку, что ты высший и тогда хоть ты дурак, но там будешь руководить... И вот пришел один из местных, я там работала, а там [в Ізмаїлі] советская власть установилась только с 1943-го года. И приходит один начальник цеха и увидел Самарченка в красном уголке, но знал, что у меня антипатия к большевизму, вот была антипатия у меня. А он меня спрашивает: «Люда, кто в красном уголке сидит?»

Я говорю: «Та какой-то будет новый заведующий кадрами». Так он мне говорит: «Этот людей за пять колосков ссылал в тайгу, маленьких детей, за то, что он имел одну лошадь и капелюшечка чего-то. Это, – говорит, – такой зверина был (конечно, член партии), пришел к нам». Мало того, что работал начальником отдела кадров, а еще секретарь парторганизации был. И когда меня агитировали, дали мне анкету, чтобы я ее заполнила, в партию, а я еще сижу в лаборатории, качаюсь на стуле, ко мне приходит начальник цеха и говорит: «Людка, а ты анкету заполнила в партию?» А я говорю: «Без меня большевики обойдутся». И как качалась на стуле, та и я раз – как летела на пол! [сміється]. Тем более там, где я работала, а за Сталина сколько мне давали читать, что это был за зверь! Что если бы кто-то меня поймал, я бы навечно осталась за решеткой из-за того только, что я читала это.

К.В. – Как Вы выживали и чем питались во время голода?

П.Л. – Выживали... Разными травами питались, кто что даст, ну, давали мало, конечно. Кухни были, одно время были, а потом перестали. Очистки ели, если кто выбрасывал.

К.В. – Известны ли Вам случаи, когда из сел переселялись в города жители?

П.Л. – Знаете, что в 1947-м году здесь был повальный голод, страшный был голод, мне было уже 18 лет. Переезжали. Почему? Потому что в городе давали в голод 200 грамм хлеба на человека, а в селе не давали ничего. И тот, кто что-то мог иметь, тот оставался, а эти переселялись, но им никто ничего не давал [плаче]. До сих пор я помню: придут, калитку откроют: «Дайте что-нибудь!» А мама им немного им даст. Они шли на море, а тогда шел ерш, маленькая рыбешка и вся такая колючая. И эти люди с голода ели этих ершов.

К.В. – Эти люди иногда находили работу в городе?

П.Л. – Никакой работы не было. Никакой.

К.В. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

П.Л. – В основном та нищие и ходили. В основном были нищие. Это был 1947-й год.

К.В. – Как относились к попрошайкам?

П.Л. – Никто ничего им не давал. Неоткуда было. Они умирали, они все на улицах умирали. Это на моих глазах было: там лежит, умирает, там лежит, там лежит... Стоит выйти... Это ужас какой-то был!

К.В. – Откуда были эти люди, которые просили о помощи у других?

П.Л. – В основном из сел, близлежащих сел.

К.В. – Можно ли было покинуть свою местность и пойти на поиски еды и работы?

П.Л. – Вот этого я не знаю. Ну, конечно, наверное, можно было, но везде был голод по Украине в 1947-м году.

К.В. – Скажите, а как в 1932-м году было?

П.Л. – Не слышала я этого. [...]

К.В. – Существовали ли в это время рынки или места, где можно было что-то купить или выменять?

П.Л. – Существовали. Были даже распреды, мама говорила. Отец устроился на Первомайский завод и был распредом, и всем вот таким начальничкам давали и одежду, и за счет его зарплаты и покушать давали, какой-то крупички, в общем, пропитание было. Так что в конце уже этих лет голода практически не было, ну, недоедали, но такого голода, как в начале, не было. [...]

К.В. – Как в это время выживали люди в городе?

П.Л. – Мне трудно это сказать, потому что очень многие померли. У нас от голода померла сестричка Дуся, которую я не помню абсолютно, и два братика – Петя и Ваня. Это я помню. Ну, как они выживали, этого я не помню.

К.В. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе?

П.Л. – Дело в том, что в городе жилось лучше, а в селе было страшно. Там дети были с такими животами

здоровыми, что это страшно было. Ели в основном траву, все были больные, рахиты и, в конце концов, умерли. И повально умирали, вымирали села, потому что мама рассказывала: часть людей... нечестно и тогда было, если забирали, допустим, корову, две, то какая та корова попадала в город, чтобы на самогон выменять, и пили эти, которые раскулачивали. Если у нее одна лошадь или одна корова, а у нее двенадцать детей, и они с это жили, они ее раскулачивали. И эти умирали, а эти здесь выменивали это мясо на самогон. Кстати, мама рассказывала, тоже гнала самогон. И вот как я за него рассказывала (за своего соседа Ивана Каганова), его родители были хорошие люди. У нас был такой большой бак, и мама гнала в нем самогон и разносила его по ресторанам. И пришла милиция, а в то время за это садили в тюрьму. А соседи увидели, что пошла милиция, открыли окно и этот аппарат выбросили. Мама говорит: «Я чуть в обморок не упала, сижу, – говорит, – меня ж посадят!» Иначе жить нельзя было, только разносить и что-то иметь, чтобы детей накормить. «Пришла, – говорит, – а аппарата нет». Родители этого Ивана пожалели мою мать, потому что отец, по-моему, сильно-сильно тогда болел, он ничего не мог заработать, и мать гнала самогон. Это все со слов, я лично этого не помню. [...]

К.В. – Что делали с умершими во время голода?

П.Л. – Хоронили в общих могилах. На Старом кладбище рыли большие могилы и туда их клали. Кстати, после того и чума началась. Мама говорила, что сильная чума была, страшная, что потом эти ямы заливали известью, растапливали, чтобы инфекция не разносилась, поливали эти ямы. Это, конечно, со слов.

К.В. – Если после смерти родителей оставались дети, что делали с ними?

П.Л. – Сейчас, как и тогда, было очень много беспризорных детей. Пока образовались детские дома, эти

дети были беспризорниками. Я не помню. Это мама рассказывала.

К.В. – Помогали ли люди друг другу во время голода, делились ли продуктами?

П.Л. – По-моему, чем-то и помогали. Знаю, что в 1947-м году была помощь, американцы давали помощь на пропитание. [...]

К.В. – Как сами люди объясняли эти события?

П.Л. – Честно сказать, негативно это заложилось вот здесь в мозжечке, антипатия, даже хуже этого. Я это пронесла в течение всей жизни, и когда вот сейчас перестройка и винили Горбачева, это ж сколько лет прошло, и вот встречают и меня и говорят: «Ой, что наделал этот Горбачев?!» А я говорю: «Нет. Этот Горбачев – это предвиденье Божье, потому что 73 года убивали Бога». И вот это так укоренилось во мне, что я пронесла эту антипатию через всю свою жизнь и никогда не любила вот этих демонстраций; не то что не любила, а какая-то вражда была, и когда меня агитировали в партию, хоть это было обязательным... [...]

К.В. – Знаете или помните Вы что-то из рассказов родителей о голоде 1921-1922-го годов?

П.Л. – Мама рассказывала. Мало того, что голод был, еще был страшный тиф. Я сама этого никогда не видела. Мама рассказывала, что умирали; мама сама очень болела в 1921-м году, родственников много умерло.

К.В. – А что Вы помните о голоде 1946-1947-го годов?

П.Л. – Вот я ж и рассказываю, что нам давали по 200 грамм хлеба на каждого человека в городе, а в селах не давали ничего. В основном там умирали, в городе мало умирало людей, умирали сельские люди. На 200 грамм хлеба никто не мог жить, люди умирали на улицах. В общем, страшный кошмар был. [...]

К.В. – Как относились в городе к тем людям, которые приезжали из других городов, сел сюда в поисках работы?

П.Л. – Честно сказать, до голода я не видела этого. Потому что привольнее было все-таки так. Но если случайно, там мало ли, по семейным обстоятельствам, то с большим уважением, они всегда пользовались как бы спросом, потому что труженик всегда в почете. И если этот труженик был без дела, он всегда искал этого дела, он ходил помогать, даже бескорыстно, соседу, знакомому. А в Бердянске были труженики, но это как редкость была. А сельской человек, как правило, отличался трудом (конечно, могли быть и исключения). [...]

№ 23. – 2009 р., червень 25. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Павловою Людмилою Василівною, 1929 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

Кульбак В.О. (далі – К.В.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Павлова Л.В. (далі – П.Л.) – Павлова Людмила Васильевна.

К.В. – Назовите свою девичью фамилию.

П.Л. – Самохвалова.

К.В. – Кто Вы по национальности?

П.Л. – Русская.

К.В. – Когда Вы родились?

П.Л. – 1 августа 1929-го года.

К.В. – Где Вы родились?

П.Л. – В городе Бердянске, в этом же дворе, где мы сейчас сидим. Здесь я родилась и притом не в роддоме, а дома, дома. [...]

К.В. – Какое Ваше образование?

П.Л. – Образование у меня основное химик. Но я закончила Бердянский винодельческий техникум [...]. Я считаю, что я химик. Я нигде не преподавала, в медицине я только химиком работала, на заводе, считай, только химиком. Так что я считаю себя химиком-аналитиком. [...]

К.В. – Скажите, каким было хозяйство Вашей семьи во времена Вашего детства?

П.Л. – Детей было много, их нужно было чем-то покормить. Естественно, были и куры, и утки, и гуси, две коровы, всегда была живность, всегда. Телята были, естественно. Родится теленок – его или резали, свиньи были, когда отец (это мне очень запомнилось) резал кабана одного к Пасхе, другого – к Рождеству. Всегда резали, делали колбасы.

К.В. – Как появились первые колхозы в Вашей местности?

П.Л. – Ну, как тебе сказать. Я очень маленькая, естественно, была. Ну, говорили, что народ боялся, очень боялся. Все то, что новое, все всегда воспринимается со страхом. Но до колхозов началась такая бойня, которая еще больше испугала, в основном, людей, потому чуть-чуть человек имеет лошадку (это касалось не города, это касалось, в основном, в селах)... В селах люди жили лучше, чем в городе, потому что русский человек он любит трудиться, в основном труд, а земля – это труд, это хлеб, это все-таки лучшая жизнь. Но когда в колхозе кто-то, не в колхозе, а в селе кто-то имел корову, лошадку, может, даже бричку какую-то, то, вероятно, были какие-то указания. У этих людей забирали хлеб иногда, пшеницу забирали, лошадку забирали. Забирали не так, с улыбкой, а забирали, что тут поднимался вой, плач, плакали дети, плакали родители. Кто сопротивлялся, естественно, их и по сей день никто уже не увидел, поэтому еще больше ополчило людей на то, чтобы противиться им. С радостью этого не делали, насколько я, естественно, это знаю.

К.В. – А когда же все-таки появились колхозы?

П.Л. – Я родилась в 1929-м году, и уже колхозы были. И то, что я рассказываю, то это все, как говорили родители, а иногда одну и ту же мысль можно по-разному сказать.

К.В. – Хотели ли люди добровольно идти в колхозы?

П.Л. – Я бы этого не сказала. Почему? Потому что все коллективное всегда пугало. Хоть нам это без конца

говорили, что коммунизм не за горами, что мы очень много приобретем, потом будем ничего не делать, а только употреблять. И в результате – где он? Он низринул. Это сознание людей, это не только у меня, но если я так мыслю, наверное, мыслили и те, которые тогда жили. Я так это понимаю.

К.В. – А что было с теми, кто не хотел идти в колхозы?

П.Л. – Ну, естественно, они увидели небо через крупную клетку и считались как бы врагами. Если ты не думаешь так, как мы, то ты против нас. Если ты не за нас, то ты враг. Забирали, расстреливали...

К.В. – Что Вам известно о коллективизации?

П.Л. – О коллективизации я очень мало знаю, потому что я маленькая тогда была. Но голод был. Нас было восемнадцать, я самая младшая. Помню, только хором плакали. Это я помню. Как будто сегодня было. Родители промышляли где, какую-то траву принести поесть, а мы пухлые были от голода.

К.В. – Когда Вы впервые слышали слово «кулак»?

П.Л. – Уже после рождения. Точно уже не помню. Ну, где-то точно уже в 30-е годы.

К.В. – Кого понимали под этим словом?

П.Л. – Зажиточного человека, который имел какую-то лошаденку или коровку.

К.В. – Помните ли Вы Голодомор 1932-1933-го годов?

П.Л. – Помню, что все хором плакали. Мне было четыре года (в 1929-м году родилась), но это хорошо помню, как плакали.

К.В. – Что говорили о причинах голода?

П.Л. – О причинах особо не говорили, так как это был искусственный голод. Людей это не интересовало, люди боялись. В нашей семье мы не признавали такую власть, у меня всю жизнь антипатия к этой власти была.

К.В. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

П.Л. – Таких особых случаев борьбы я не слыхала. У людей же не было на то сил, чтобы бороться. Все жили в страхе...

К.В. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

П.Л. – Да. Когда за горстку пшеницы, горстку ячменя людей сажали, ссылали. Это же ужас [засмутилась]. Если у него есть семья, дети, их же надо было чем-то кормить. А все ж забирали...

К.В. – Как происходила посевная?

П.Л. – Обычно, мама мне рассказывала, проходила весной. Специально существовал НЗ (неприкосновенный запас), откуда брали зерно. Его строго охраняли.

К.В. – Где брали зерно во время голода?

П.Л. – Я ж и говорю. Существовал резервный фонд, из которого на посев брали зерно. Специальный фонд, НЗ.

К.В. – Что люди сеяли у себя в огороде в это время?

П.Л. – По возможности... Пшеницу, зерно не сеяли, его не было. Может, иногда что-то и сеяли, если было. Наша семья, в нашей семье мама, может, что-то и сеяла, но я не помню.

К.В. – Как Вы выживали, чем питались во время голода?

П.Л. – Мама старалась прокормить, нас было много. Как-то она нашла кольцо медное («кроличий глаз»). Она его терла-терла, так всю ночь терла и вычистила так, что оно стало золотым. С этим кольцом она пошла на рынок и носила его на пальце, чтобы видели его. А в то время золото очень ценилось, особенно евреи, евреи меняли его на деньги там, на другие товары. Так вот, а у маминой сестры родной муж работал там. Где сейчас горисполком, там был рынок. А у него была часовая мастерская, у дяди Шуры, частная. И там стояла одна бутылочка с водкой и бутылочка с водой. И когда ж все-таки нашелся покупатель, ну, чтобы купить это кольцо, дядя Шура (это муж маминой сестры) увидел: опять Гарпешка кого-то ведет. И скрылся в комнату. А мамина сестра (Ольга

Ивановна, по-моему) выходит, но он-то не знает, что это родня. Он говорит ей: «Ольга Ивановна, посмотрите какое колечко!» И она берет бутылочку с водой (если капнуть водкой медь, оно почернеет, а если золото, то с ним ничего не станется). Тетя Оля капнула, он обрадовался, сразу же вывалил ей кучу денег. И она эти деньги в карман, и мама говорит: «Как я бежала понад морем, чтобы меня ж никто не догнал!» Она прибежала в пекарню, а там хлеб баснословные деньги стоил, и выложила деньги, ей дали два таких, а тогда были большие хлеба. Ну, и она прибежала, а мой отец сидит, глаза вот такие, за голову взявшись, ничего ж не поймет, откуда ж хлеб. Вот так мы и выжили.

К.В. – Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

П.Л. – Если были знакомые, то, скорее всего, переселялись. Я знаю, что в 1946-1947-м годах были такие случаи, так как тогда выдавали в городе по 200 грамм хлеба. И люди ходили, просили по домам. А что касается 1932-1933-го годов, да я уже и не помню. Ну, скорее всего, тоже были случаи такие.

К.В. – Что они делали, как они находили работу в городе?

П.Л. – Ну, как тебе сказать... Промышленности, заводов в городе особо и не было. Вот, например, мой отец работал на Первомайском заводе. Он был свидетелем, когда переселенцы из других городов и сел, которые приходили сюда, так они тоже пытались устраиваться на работу, ну, в этот же завод. Но я ж говорю, что промышленных предприятий в городе было очень-очень мало.

К.В. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

П.Л. – Ну, как тебе сказать... Конечно, были. Особенно это были люди из сел, у которых не было ни знакомых, не было родственников, и они уходили в города и просили помощи.

К.В. – Как относились к попрошайкам?

П.Л. – Ну, как сказать... Кто имел какое сердце. Если доброе, то обязательно какой-то кусочек от себя отрывал, если злое сердце, то говорили «Бог даст» и закрывали ворота.

К.В. – Откуда были эти люди?

П.Л. – Ну, как сказать... Те, которые сильно пострадали от раскулачивания, хотя это не было раскулачивание, это было просто уничтожение. Поразбежались кто куда. Кто куда мог убежать, тот и бежал. Ну, бежали в город, в Бердянск.

К.В. – Можно ли было покинуть свою местность и пойти на поиски еды и работы?

П.Л. – Конечно. По-моему, закона не было, чтобы не разрешали уходить. Были, конечно, уезжали, те, у кого кто есть, туда, где можно было помощь найти. Но я думаю, что в то время закон был для всех одинаков, в моем понимании. Ну, не могло быть так, что, допустим, в нашей местности действовал один закон, а, допустим, в Керчи или далее другой. Никак не могло быть. Закон был один.

К.В. – А куда, как правило, эти люди уходили?

П.Л. – Кто куда. Ну, обычно, если едут люди, то они едут к знакомым, к родственникам. Я знаю, что мама говорила, очень много было пришлых людей, не местных, не коренных, ни те, которые были родители, именно в Бердянске. В Жданове, в Бердянске находили работу на берегу. Конечно, все пили, спивались, деградировали как личность. Что такое пьяный человек? Они поймали что-то и уже несут, где бы им выпить. Ведь они не ловили только рыбу летом, они ж ловили ее круглый год. Они замерзали, и потом техники не было, тогда был большущий баркас, стопудовый, два весла стопудовых, не то, что теперь моторные лодки. [...]

К.В. – А были ли те, кто не голодал?

П.Л. – Были, были. В основном не голодали люди те, которые из поколения в поколение имели золотишко, некоторые и бриллиантики имели. Очень бытовало в

городе и много торгсинов так называемых. В этих торгсинах было все. Несешь золотишко... я даже помню, мне было лет шесть, это уже был 1935-й год, а торгсины еще бытовали. Несет золотишко или крестик, или там кулончик, что-то тебе взвешивают, и ты у них или там шоколад берешь, или какао, или деньгами, не обязательно отовариваться продуктами. Так что те богатые, они в свое время вылазили в голод. Даже во время войны голод был, было золотишко, они не голодали. Немцы были очень падкие на золотишко.

К.В. – Существовали ли в это время рынки или места, где можно было что-то купить или выменять?

П.Л. – Много было, много. Были лавки специальные, все это было еще частное, но потом уже это как бы артель была какая-то, потом уже со временем превратилась в государственную. [...]

К.В. – Делали ли Вы или Ваша семья так, выменивали?

П.Л. – Обязательно. У бабушки было, и крестики были, и сережки были. И вот это все на последний случай все это хранилось, чтобы выжить.

К.В. – Как в это время выживали люди в городе?

П.Л. – Я ж за город и говорила. Вот так выживали. Море, самогончик, золотишко в торгсинах... Вот у нас сосед Снятин Иван, он по кибите уже (умер), он голод не пережил. Они очень были бедными, кацапы. Они откуда-то были из России. Нечего было, беднота была страшная, глава семьи умер. Дети остались, а глава семьи умер.

К.В. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе?

П.Л. – Ну, как сказать... До раскулачивания, естественно, в селе. Там работали, особенно те, которые на земле работали, а земля – это все, что можно только иметь, самое основное. Но когда вышел негласный закон, все считали этот закон геноцидом против своих же людей, то бежали кто куда. Близлежащие села, зная, что рыбачество

превалирует, где можно хотя бы рыбы поестъ, бежали к морю. Некоторые бежали в другие места.

К.В. – А после голода как села развивались?

П.Л. – Ну, потом опять были законы, стали людей как бы привлекать, поощряли их, вероятно. Давали мзду, возможно, давали и поросенка, и коровку откуда-то. Это все занималось высшее руководство. Мы... что мы могли знать?!

К.В. – Сколько людей умерло в Вашем населенном пункте?

П.Л. – Ну, как сказать... В основном у нас голода такого не было. Но умирали за счет эпидемий холеры и брюшного тифа. Это с разговоров моих родителей. Это особенно 1921-й год. А в 1932-1933-м годах люди настолько были ослаблены, мама говорит, что настолько народ (ну, медицинской же помощи не было, никуда не обращались) кто чем заболел, так и нес, пока не помрет. Если была какая-то бабка, что она могла знать... Людям питание надо. [...]

К.В. – А какую официальную причину смерти указывали в документах?

П.Л. – Официальную причину указывали у кого дистрофию, у кого от недоедания. В основном истощение. [...]

К.В. – А скажите, помогали ли люди друг другу во время голода, делились ли продуктами?

П.Л. – Я уже говорила: если доброе сердце, то, может быть, и делились, а если сердце злое, человек эгоист, он всегда говорил, что «Бог даст». Человек ходил с протянутой рукой... Ты же просишь, что ж ты его за горло схватишь? Ты ж ослабленный, тебе щелчок дадут, и ты замертво упадешь. [...]

К.В. – Как сами люди объясняли эти события?

П.Л. – Люди всегда говорят по-разному. Как человек мыслит, так он и говорит. И если он мыслит по-своему, то он будет и говорить так, как он мыслит. Ну, были тогда

верующие, конечно, были. Они говорили, что это по закону Божьему согрешили вторично – виноват весь народ. Ну, атеисты, если их тогда можно было ими назвать, очень терялись от недоумения, что происходит, а некоторые принимали это вообще, не задумываясь, что происходит. Потому что мы иногда с высоты времени смотрим, а вот так оно должно и так оно есть. А если сегодня что-то происходит, мы теряемся. Как это объяснить? Что происходит? Но были люди, которые мыслили по-своему, умно мыслили, где-то просачивалось, что это самый настоящие издевательства, геноцид. Но тогда это не было таким словом, это теперь геноцид стал, такое умное слово. А это же просто издевательство, уничтожение, собственно, народа, своего притом. За что страдал этот человек, имея изобилие? За что его за пять колосков убирали, а дети гибли? Это ж я вообще не знаю. Сегодня с высоты этого времени делается ужасно. Что ж мы делали? И мы хотим жить лучше. Да мы никогда лучше жить не будем.

К.В. – Изменилась ли Ваша повседневная жизнь во время голода (досуг, праздники, возможно, хозяйственная жизнь)?

П.Л. – Ну, естественно, после голода как-то люди стали задумываться, жить иначе. Ну, как изменилась? Отец как работал, тогда он потерял работу, потом стали приезжать, давать работодатели, давать работу, кирпичный завод и еще другие там заводы, о которых я не знаю, как называются, немножко воспрянули.

К.В. – Изменилась ли жизнь, в общем, людей в городе после Голодомора?

П.Л. – Конечно, люди стали подыматься, кто на чем. Но за счет того, что развивалась уже уезд, не город даже, а уезд стал более такой уже, рыбная ловля стала налаживаться, порт уже все-таки сделали такой, что как бы давали рабочие места, люди пошли туда, даже много из деревень стали приезжать. Так что город поднялся за счет моря. Если бы не море, я бы даже не знаю, за счет чего бы... Ну,

что Гривез... Он давал работу, но это мизер по сравнению с таким кладом, как Азовское море. [...]

К.В. – А как потом вспоминали события Голодомора в Вашей семье?

П.Л. – Ну, как сказать... Вскользь, а специально нет. У нас никто не помер, никто. Голодали, хором плакали, но всегда был выход, если там два дня не ели, то на третий обязательно что-то мама где-то достанет, что-то отец заработает, но таких кричащих событий в семье не было, не могу сказать. Лошади не было у нас, и не отбирали. Закрома у нас тоже не было, не вытряхивали.

К.В. – А вот в связи с чем люди вспоминали события Голодомора?

П.Л. – Ну, в связи с тем, что какой-то третий, может быть, и четвертый всегда кого-то потерял, если не близких, то обязательно двоюродных, троюродных. Это омрачало их бытие. Они очень печалились об этом и всегда сетовали на то время, в которое приходилось жить тем, которые погибли, и это как бы оставляло черный след в их памяти, в их бытие. И напоминание... Особенно вот тогда еще церкви работали, подавали за упокой, хотя Слово Божье так не говорит, но в каноне священнослужителей православных это есть. И они вспоминали и всегда отпевали за умерших, за их, то, чтобы они, приняв такую мученическую смерть, были там вечность [засмутилась]. Поэтому это было как бы актуально в каждой семье, даже лампадки зажигали в тот день, когда гибли люди, ни в чем неповинные, и оставляло кровавый след в душах и сердцах этих родственников, бывали и близкие, бывали и дальние. Так что это как бы черное событие в мировой истории нашего времени.

К.В. – А вот скажите, как вспоминали события Голодомора в Вашем населенном пункте?

П.Л. – Почти так же. Потому что кто-то, мы нет, но кто-то, если не рядом, то через двор обязательно имел кого-то в селе, который погиб, и обязательно тоже поминки

приносили даже, и обязательно ходили в церковь, и все это дело. А поминали постоянно. Потому что тогда в каждом дворе, каждом доме была иконка, горела лампадка и всегда это как бы светилося в душах и сердцах людей, которые чтили память ни за что погибших.

К.В. – Помните ли Вы что-то про голод 1921-1922-го годов?

П.Л. – Я не могу помнить. Меня не было еще. Я родилась в 1929-м году, почти считай восемь лет. Но мама рассказывала, что было страшно, даже в городе, даже в городе... Это со слов мамы, но так вскользь она рассказывала, что пухли, особенно дети погибали, много погибало детей. Почти в каждой семье кто-то умирал от голода, старики в основном, дети. Ели траву, все то, что можно было только, молодую кору деревьев. Приключались болезни от этого, и люди не окрепшие погибали.

К.В. – А помните голод 1946-1947-го годов?

П.Л. – Ну, это же моя молодость! Это было что-то страшное. Шли из сел в город просить. Нам давали по 200 грамм хлеба на душу. Им в селах ничего не давали. Они приходили просить, я в это время училась в техникуме. Мы ходили гурьбой, нас было на одном вот с этого кусочка, где я живу, шесть-семь человек. И вот идем, там лежит уже мертвый прямо на земле, там в судорогах умирает, там умирает. Потом уже, когда весна, начали ловить рыбу. А пошел ерш – это такая маленькая рыбешечка, вся в колючках. Вот не шла рыба, а шел ерш. И они приходили на берег и, когда вытаскивали ерша, они с жадностью его ели и там, на берегу, оставались. Почему? Сразу начинался кровавый понос. И люди штабелями... [засмутилась]. Это ужас, я до сих пор не могу забыть. Это уже, считай, прошло 62-63 года. Это кошмар был, кошмар. И вот он идет с палочкой из двора во двор, а кто ж ему что даст, если 200 грамм у нас? Попробуй... [плачет]. Мы сидели на лекциях пухлые, в основном пухлые. Это

кошмар. Я говорю, до сих пор в моей памяти это каким-то страшным кошмаром.

К.В. – Как Вы думаете, есть ли разница между Голодомором 1932-1933-го годов и 1946-1947-го годов?

П.Л. – Да, есть.

К.В. – В чем состоит она?

П.Л. – Ну, в чем состоит... Во-первых, во время войны уже не было... до того мы обнищали, что не было техники, поля не засеивались. Мы же были в оккупации. Ты считай, четыре года шла война. В 1945-м году война закончилась. Что у нас было? Не было ничего. А тогда был преднамеренный, тогда был геноцид. Это были разные вещи, совершенно разные. Это были разные Голодоморы. 1941-1945-й года четыре года шла война... О каком засеивании и о каких полях? Ничего нигде не сеялось, ничего никто не сеял. То, что было, то и съедали. А тогда было изобилие, но искусственный был голод. [...]

№ 24. – 2009 р., січень 4. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Комісарчук Марією Іванівною, 1930 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гордієнко Людмилою Володимирівною (БДПУ).

Гордієнко Л.В. (далі – Г.Л.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Комісарчук М.І. (далі – К.М.) – Я Комиссарчук Мария Ивановна.

Г.Л. – Ваша девичья фамилия?

К.М. – Рябуха.

Г.Л. – Национальность?

К.М. – Украинка.

Г.Л. – Дата рождения?

К.М. – 2 августа 1930-го года.

Г.Л. – Место рождения?

К.М. – Село Партизаны Приморского района Запорожской области.

Г.Л. – Какое Ваше образование и профессия?

К.М. – Я окончила 10 классов, а профессии у меня нет, потому что сразу пошла работать на завод. [...]

Г.Л. – С какого времени Вы живете в этом населенном пункте?

К.М. – До 1932-го года мы жили в селе Партизаны, а потом переехали в город Бердянск.

Г.Л. – Кто первый из Вашей семьи и почему переехал в Бердянск?

К.М. – В 1932-м году в город переехала вся наша семья, инициатором которой был отец. [...]

Г.Л. – Что Вам известно о коллективизации?

К.М. – Коллективизация – это объединение сельских хозяйств в единое хозяйство и создание колхозов, в которых люди работали, вместе ходили обрабатывать землю. Но людей в колхоз объединяли принудительно, не учитывая их желания и мнение.

Г.Л. – Когда Вы впервые слышали слово «кулак»?

К.М. – Впервые слово «кулак» я услышала, когда началась коллективизация.

Г.Л. – Кого понимали под этим словом?

К.М. – Кулаком считали богатого человека, у которого были лошадь, корова, которые жили лучше других.

Г.Л. – Помните ли Вы Голодомор 1932-1933-го годов?

К.М. – Конечно, помню. Это были самые страшные годы в нашей жизни. У людей все забирали, ничего не оставляя. Люди страдали, голодали, умирали, нечего было ни кушать, ни пить.

Г.Л. – Что говорили о его причинах?

К.М. – О его причинах мы ничего не знали, никто ничего не разглашал. И люди не знали, почему так происходило.

Г.Л. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

К.М. – Нет, потому что никто с голодом не боролся, и никто ничего не предпринимал, никто этим не занимался.

Г.Л. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

К.М. – Да. «Закон о пяти колосках» – это закон, который запрещал брать, воровать пшеницу, зерно. Кто нарушал этот закон, был наказан, его били, все забирали, и он оставался ни с чем.

Г.Л. – Как Вы выживали, чем питались во время голода?

К.М. – Выжить во время голода было очень трудно. Выживали, как могли. Есть было нечего. Копали мерзлую картошку, из которой лепили лепешки, варили буряк. Мама ходила на карьер, копала белую глину, которую потом меняла на кукурузу. Ходили под проводами, собирали упавших птиц, перепелок, и варили с них бульон. По берегу моря собирали ершов, рвали зеленый паслен, из которого варили кисель.

Г.Л. – Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

К.М. – Да, большинство людей стремились уехать из сел в город, потому что в городе людям было можно чем-то прожить.

Г.Л. – Что они делали, как они находили работу в городе?

К.М. – Переехав в город, люди искали себе жилье, снимали квартиру, устраивались на работу.

Г.Л. – Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

К.М. – Да, в то время почти все были нищие, потому что нечего было есть, одевать, обувать было нечего, была нищета.

Г.Л. – Как относились к этим попрошайкам? Откуда они были?

К.М. – Попрошайки были с города и с села, ходили просили милостыню. Люди помогали, как могли, давали что было.

Г.Л. – Можно ли было покинуть свою местность и пойти на поиски еды и работы?

К.М. – Да, можно было, кто хотел, тот уезжал в другие селения, в другой город и искал себе работу и еду.

Г.Л. – Были ли те, кто не голодал?

К.М. – Были, но большинство голодали. [...]

Г.Л. – Как в то время выживали люди в городе?

К.М. – В городе люди выживали за счет моря и предприятий. [...]

Г.Л. – Сколько людей умерло в Вашем населенном пункте?

К.М. – Умирало очень много людей, сколько именно, я не знаю. [...]

Г.Л. – Если после смерти родителей оставались дети, что делали с ними?

К.М. – Дети, которые остались без родителей, были направлены в детские дома, а иногда забирали родственники.

Г.Л. – Помогали ли люди друг другу во время голода, делились ли продуктами?

К.М. – Конечно, помогали, у кого что было – делился с друг другом. Не оставляли людей умирать, чем могли, тем и помогали.

Г.Л. – Как местное руководство объясняло то, что происходило?

К.М. – Руководство ничего не объясняло, никто ничего не говорил и не знал.

Г.Л. – И как сами люди объясняли эти события?

К.М. – Люди объясняли эти события так, что руководство ничего не делало для улучшения жизни людей. [...]

Г.Л. – Как потом вспоминали и в связи с чем события Голодомора в Вашей семье?

К.М. – Вспоминали как страшные дни, которые пришлось нам пережить. О тех временах мы никогда не забывали, потому что то, что произошло, пришлось нам пережить, всегда будет в нашей памяти.

Г.Л. – Помните ли Вы голод 1946-го года?

К.М. – Голод 1946-го года я помню, это было послевоенное время, было очень трудно, есть было нечего, голодали, а надо было восстанавливать разрушенное. [...]

Г.Л. – Расскажите о Вашей семье в годы Вашего детства?

К.М. – Наша семья состояла из 4 человек. В 1935-м году мы начали постройку дома. Папа работал в райпотребсоюзе, затем окончил курсы шофера и стал работать водителем в рудоуправлении. А мама работала в садовиноградном хозяйстве. [...]

Г.Л. – Расскажите, что такое для Вас в детстве означал город?

К.М. – Город – это большое строение, здесь высотные дома, много улиц, много домов, это не то что село – две улицы. Сразу приехал отец в город, узнал, как тут, можно работать или нет, или есть ли тут предприятия, где можно работать, а потом уже переехали.

Г.Л. – Как воспринималась Вами в детстве поездка в город? Что это было для Вас?

К.М. – Это было, конечно, очень трудно, потому что жить в городе... не было ни квартиры, негде жить, не на чем спать, ничего. Все начинали с нуля, поэтому, конечно, было трудно. [...]

№ 25. – 2009 р., липень 17. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Комісарчук Марією Іванівною, 1930 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гордієнко Людмилою Володимирівною (БДПУ).

Гордієнко Л.В. (далі – Г.Л.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Комісарчук М.І. (далі – К.М.) – Я Комиссарчук Мария Ивановна.

Г.Л. – Ваша девичья фамилия?

К.М. – Моя девичья фамилия Рябуха.

Г.Л. – Национальность?

К.М. – По национальности я украинка.

Г.Л. – Дата рождения?

К.М. – Я родилась 2 августа 1930-го года.

Г.Л. – Место рождения?

К.М. – Село Партизаны Приморского района Запорожской области.

Г.Л. – Какое Ваше образование и профессия?

К.М. – Образование у меня среднее, я окончила 10 классов средней школы, а профессии у меня нет, потому что после школы я пошла сразу на работу. [...]

Г.Л. – С какого времени Вы живете в этом населенном пункте?

К.М. – До 1932-го года мы жили в этом селе Партизаны, а потом переехали в город Бердянск.

Г.Л. – Кто первый из Вашей семьи и почему переехал в населенный пункт, в котором Вы сейчас живете?

К.М. – В 1932-м году отец решил переехать в город Бердянск, так как в селе жить было невозможно, и мы всей семьей уехали в город Бердянск, так как надеялись, что в городе все-таки будет легче и лучше. Тут мы получили план, начали постройку дома на поселке, и так и жили всей семьей. [...]

Г.Л. – Что Вам известно о коллективизации?

К.М. – Коллективизация – это такой процесс, когда всех людей гнали в колхозы. Хотя люди не хотели, но их туда отправляли насильно, заставляли работать, забирали все, что у них было. При коллективизации создавались колхозы, в каждом селе был свой колхоз, свой председатель, и где люди работали, конечно, сообща, вместе, хотя люди и не хотели, потому что у каждого был кусок земли, где он мог обрабатывать и иметь что-то, выращивать и этим жить. В колхозе людям работать было не выгодно, потому что все забирали. А дома, конечно, если когда что-то вырастит, то шло все на благо семьи.

Г.Л. – Когда Вы впервые слышали слово «кулак»?

К.М. – Слово «кулак» я слышала тогда, когда началась коллективизация. Были и бедные, и кулаки, а кулаки – это те, которые забрали у бедных все. А коллективизация началась при власти Сталина. [...] Кулаком считался богатый человек, у которого были и лошадь, и корова, и

все свое хозяйство, и сеялки, и веялки. Кулаки жили гораздо лучше нас, бедных, бедняков. Бедняками называли нас. Местная власть ничего не делала, не боролась с кулаками. Основной формой борьбы с кулаками было так называемое раскулачивание. Бедных раскулачивали, забирали все, вот и все.

Г.Л. – Помните ли Вы Голодомор 1932-1933-го годов?

К.М. – Да, помню. Хотя я была еще маленькая, но по рассказам родителей я могу сказать то, что были очень страшные и трудные годы, было трудно заработать, где-то что-то взять. Все забирали у людей, ничего не оставляли, люди страдали, голодали, ничего было ни кушать, ни пить, умирали целыми семьями.

Г.Л. – Что говорили о его причинах?

К.М. – О причинах Голодомора мы ничего не знали, никто ничего не знал и не разглашал, и мы не знали, почему так происходит. Но люди точно знали только одно: что Голодомор. Люди голодали, потому что не было ничего кушать, это было все сделано для того, чтобы уничтожить украинский народ и все. В общем, голодовка была построена искусственно, если бы не забирали, то люди бы и не голодали и не уничтожали украинский народ.

Г.Л. – Известны ли Вам случаи борьбы с голодом?

К.М. – Борьбы с голодом я не знаю, потому что никто не говорил об этом, никто не боролся, никто этому не предавал никакого значения. Не предпринималось никаких мер, никто не занимался этим. Жили голодом.

Г.Л. – Слышали ли Вы, что такое «Закон о пяти колосках»?

К.М. – Да, слышала. «Закон о пяти колосках» – это был закон, который строго наказывался... наказывал людей за то, что они брали там жменю пшеницы. Заработать пшеницу было очень трудно, а кто ее брал, тот был наказан, его сажали в тюрьму, кто нарушал этот закон.

Г.Л. – Как Вы выживали, чем питались во время голода?

К.М. – Выжить во время голода было, конечно, очень трудно. Выживали, как могли, есть было нечего. Мама

ходила на карьер, брала глину, потом носила ее продавать. Копали мерзлую картошку, потом из которой лепили лепешки, варили бурак. Мама ходила, собирала колоски, мама ходила под проводами. Когда летят птицы, они падают, мы их собирали и варили бульон. Ходили на море, собирали бычки, ерши, варили уху. Рвали зеленый паслен, из которого варили кисель. Вот так и жили.

Г.Л. — Известны ли Вам случаи, когда в города переселялись жители сел?

К.М. — Да, большинство людей в такое время голодовки старались куда-то уехать. Кто к родным, кто в села, кто в город. В городе людям было, конечно, легче выжить, чем в селе.

Г.Л. — Что они делали, как они находили работу в городе?

К.М. — Ну, приехав в город, мы сразу... отец работал в Райпотребсоюзе, получил там кусок надела — 10 соток огорода, там отец сремонтировал, сделал такой поднавес. Жили сразу в том поднавесе, а потом построились. А на работу в городе было трудно устроиться, потому что был наплыв людей, все хотели что-то делать и получать хоть какую-то зарплату, чтоб как-то выжить.

Г.Л. — Знаете ли Вы случаи нищенства в это время?

К.М. — Да, почти все были нищие, ходили кто в чем, в старых ботинках, в старых сапогах, платки у кого какие были. Делились чем могли, потому что был голод, нечего было есть, нечего одевать, обувать было тоже нечего. Были все нищие, была нищета.

Г.Л. — Как относились к этим попрошайкам, откуда они были?

К.М. — Попрошайки были — это простые люди, которые уходили со своих домов, бросали все и уходили в села, кто куда, чтобы найти где-то пропитание. Ходили по селам, просили милостыню, у кого что было. Люди помогали бедным кто деньгами, кто куском хлеба.

Г.Л. — Можно ли было покинуть свою местность (село, город) и пойти на поиски еды и работы?

К.М. – Да, можно было, никто не задерживал никого, кто хотел, тот уходил и искал работу и еду. Но уехавшим из села было трудно найти где жить, потому что квартиры были дорогие, а надо было как-то выживать. [...]

Г.Л. – Были ли те, кто не голодал?

К.М. – Да, были, но большинство голодали.

Г.Л. – Кто они были и как они жили?

К.М. – Не голодали только богачи, которые жили в достатке, и их родители были богачи, так оно шло по наследству. У них были и деньги, и дом, и все одеться. Считались богачами.

Г.Л. – Существовали ли в то время рынки или места, где можно было, что-то купить, выменять?

К.М. – Рынков в то время не было, а были места, где можно было что-то купить или выменять, но в основном меняли на еду.

Г.Л. – Кто там торговал и чем?

К.М. – Торговали там только те, у кого было что продать, что-то лишнее было, что росло в огороде, например, фрукта, какая. В основном торговали овощами и фруктами, у кого что было лишнее.

Г.Л. – Делали ли Вы так?

К.М. – Нет, мы так не делали, потому что у нас нечего было продавать, нечем было торговать и не было денег, чтоб купить что-то.

Г.Л. – Как в это время выживали люди в городе?

К.М. – Люди в городе выживали, в первую очередь, за счет моря, и там, конечно, за счет предприятий, которые были в городе. Благодаря им у людей была хоть какая-то надежда на работу, на получение денег.

Г.Л. – Где, по-вашему, легче жилось людям: в селе или в городе? Почему?

К.М. – Конечно, в городе людям легче жилось, потому что в городе людям было где работать, а в селе – как в селе, работать можно было только на земле.

Г.Л. – Сколько людей умерло в Вашем населенном пункте?

К.М. – Ой, да разве можно перечесть, сколько умирало?! Семьями. Посчитать просто невозможно, никто и не считал. Копали могилу общую и всех хоронили вместе. В нашем населенном пункте очень много умерло людей, но сколько, я не знаю, и никто не подсчитывал. Сколько точно, я сказать не могу, потому что никому не известно. Хоронили без гроба, без обрядов, без ничего.

Г.Л. – Какую официальную причину смерти указывали в документах?

К.М. – В документах указывали то, что люди умирали просто от истощения. А истощение это происходило благодаря чему? Благодаря голоду. Нечего было есть людям, падали, как мухи.

Г.Л. – Что делали с умершими во время голода?

К.М. – Та что, хоронили, как собак. Что делали? Хоронили, закапывали в яму, даже не было возможности похоронить человека, как человека, а хоронили, как собак, и все. Аж страшно вспомнить. Я не видела, но родители рассказывали, плакали.

Г.Л. – Если после смерти родителей оставались дети, что делали с ними?

К.М. – Детей, которые оставались – это сироты, их отдавали в детские приюты, дома-интернаты, а иногда их забирали родственники, забирали к себе на воспитание.

Г.Л. – Помогали ли друг другу во время голода, делились ли продуктами?

К.М. – Конечно, помогали, ну, как ты не дашь человеку, если он голодный и просит? Делился с ним и хлебом, и солью. И что было лишнее, ну, не лишнее хотя, ну, как говорится, было, делились. Не давали людям умереть, чем могли, тем помогали, делились. [...]

Г.Л. – Изменилась ли Ваша жизнь во время голода?

К.М. – Та ничего не изменилось, как голодали, так и голодали. Только в праздники, понимаешь, соблюдали, ходили в церковь, а так танцевать – не танцевали, петь – не пели, потому что не до песен было, вот и все. Не думали о

песнях, а только о том думали, как бы прожить день, чтоб покушать было себе и детям. [...]

Г.Л. – Как потом вспоминали и в связи с чем события Голодомора в Вашей семье?

К.М. – Лучше их не вспоминать. Вспоминали и плакали, и думали, как мы только выжили в такую трудную минуту, в тяжелые годы. Это было самое такое незабываемое время, которое пришлось нам пережить в трудную минуту, в трудное время для нашей семьи. Да, о тех временах, которые прошли, как какая-то черная туча, мы не забывали, никогда и не забудем, всегда будем помнить, потому что такое не забывается, и всегда будешь помнить свои молодые годы, и навсегда останется в памяти на долгие годы, до самой смерти. [...]

Г.Л. – А помните ли Вы Голодомор 1946-го года?

К.М. – Да, помню, это уже было после войны, когда окончилась война, была большая разруха, были... давали хлеб по карточкам. Мы ходили, занимали очередь в 2 часа ночи, отец меня за руку возьмет, наденет валенки, кожух, и стоим в очереди. Но при всем этом надо было как-то восстанавливать город, предприятия, которые были разрушены, разбомблены, все места. Особенно, где хлебозавод, туда упала бомба, и надо было восстанавливать, чтобы можно было хоть хлеб печь. Давали 200 грамм на карточку, вот так и жили, вот этот тоже Голодомор 46-й год. Причиной всему этому была война, которая длилась больше пяти лет. Мой отец воевал на танке, и привезла его санитарная машина, у него постоянно текла кровь и ртом, и носом. Но, не смотря на все трудности, стройка продолжалась, строительство города. И предприятия восстановили, и город стал похож на город. И все пережили. [...]

№ 26. – 2009 р., травень 7. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Величко Олександрєю Пантелеївною, 1930 року народження, мешканкою

м. Бердянська Запорізької області, проведене Якименко Анастасією Олексіївною (БДПУ).

Якименко А.О. (далі – Я.А.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові.

Величко О.П. (далі – В.О.) – Величко Олександра Пантелеївна.

Я.А. – Ваша національність?

В.О. – Українка.

Я.А. – Дата народження?

В.О. – 25 листопада 1930-го року.

Я.А. – Місце народження?

В.О. – Бердянськ.

Я.А. – Яка Ваша освіта і професія?

В.О. – Освіта 4 класи, професія – робоча. [...]

Я.А. – Звідки родом Ваші батьки?

В.О. – Мама з Берестової, папа з Смірновки.

Я.А. – З якого часу Ви живете в цьому населеному пункті?

В.О. – В Розовці з 1935-го року і жили ми по 1974-й рік. [...]

Я.А. – Яким було господарство Вашої родини в часи Вашого дитинства та юнацтва?

В.О. – Корова, більше нічого не було.

Я.А. – А земля, город?

В.О. – А земля – це план-постройка, та в степу ще давали 7 сотих.

Я.А. – Коли з'явилися колгоспи в Вашому селі?

В.О. – Не знаю.

Я.А. – Коли почалося розкуркулення в Вашому селі?

В.О. – Як сказати, це ж не за моєї пам'яті воно почалося.

Я.А. – Коли Ви вперше почули слово «куркуль»?

В.О. – Як стало уже коли десять. Бабушка розказувала, що їх розкуркулили, була велика сім'я, пару волів і тих забрали. І розкуркулили.

Я.А. – Чи пам'ятаєте Ви Голодомор 1932-1933-го років?

В.О. – Трошки пам'ятаю. Хоч кажуть 1933-й, но й 1934-й рік тоже був... Ми з Бердянська приїхали до бабушки в село у Смірновку, а в них кладбіще за воротами. Оце я помню, що привозили людей і без труни і без нічого кидали в яму. Я дуже кричала, сама бачила, а бабушка не бачила, а потом прийшла, забрала. Це я помню. І помню, як дядька судили, помню брата, йому було 16 років, вони прийшли, якесь оружє хто-то заявив, йому дали 10 год, і він прийшов аж в 1954-м году, я вже замужом була, і я його взнала.

Я.А. – Що говорили про причину голоду?

В.О. – Їздили забирали хліб і все. Урожай був, шукали хліб і забирали, були і землю ширяли, шукали і забирали все. [...]

Я.А. – Як виживали і чим харчувалися під час голоду?

В.О. – Ну, по-всякому, в кого що було. Ну, я знаю, що в наших, у бабушки, була корова, чи коров тоді не забирали, не знаю... Бо коли завезли оце сюди і папиного брата судили, він попросив, щоб завезли попрощатися з батьками. Як щас бачу: привезли його на трогах. Як ото раньше були називалися. І зайшов меліціонер у хату, і бабушка виложила буряк на стіл (був 1934-й год) і кружку кислого молока, но він не їв. Він попрощався, сіли та й уїхали.

Я.А. – Чи можна було покинути свою місцевість і піти на пошуки роботи та їжі?

В.О. – Я не знаю, чи можна було, но люди уходили у другі села, в города. По наслишкі, я таке чула.

Я.А. – Чи були в селі ті, що не голодували?

В.О. – Може, й були, но вони прятались, щоб люди не бачили, боялися шо судитимуть і... [...].

Я.А. – Чи пам'ятаєте голод 1946-го року?

В.О. – 1946-1947-й рік він переходний. Пам'ятаю, конечно. Трудно було, дуже багато людей їхало на тачках, везли барахло, вимінювали на хліб. Ну, тоді і справді був неврожай, не так, як оце у 33-м году, що нахально

забирали. А в 47-м собрали картошку, яка осталась, померзла. Якись оладі пекли, ну, багато нас спасало, що була корова, вже в нас була теличка, корова. Мама купить стаканчик пшениці, змололи, вкинули в молоко, зварили. Часто їхали люди, міняли і в нас ночували. І мама корову здоїть і кожному хоч по склянці, но молока було. Як щас бачу: сидить батько, а вона хотіла продати корову, бо жить ні за що, купить, і не вродило ні в кого нічого, а він каже: «Не продавай корову! Хоч якось прокормили; то ти подоїла по стаканчику молока – вип'єш, а продаси – гроші бистро потратиш, а тоді тобі ні за що буде купити». А так, конечно, мама крутилась, пшенички купить, а потом на молоці напече коржиків і піде продасть, продасть, а за ті гроші опять піде щось купе. Ну, так викручувались. А тоді ж, як відступали, розбили, так я на ринку стою ложичками синьку продаю, за день чи утро щось продам. В 47-м году дуже багато вродило грибів – сморчки. Ось і в газеті я читала, що в цьому році ці гриби вродили. Ну, вони вродили по стерні, по стерні. Отак до балки стерня була на зиму і носили мішками. Ото супи варили, тушили. От так і жили люди, цим спаслись багато. [...]

№ 27. – 2007 р., серпень 23. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Драсм Петром Андрійовичем, 1914 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Гнибідю Євгеном Володимировичем (БДПУ).

Гнибїда Є.В. (далі – Г.Є.) – Ваши фамилия, имя, отчество?

Драй П.А. (далі – Д.П.) – Драй Петр Андреевич.

Г.Є. – Место рождения?

Д.П. – Село Новотроицкое.

Г.Є. – Дата рождения?

Д.П. – 1914-й год, 25 декабря...

Г.Є. – Какое у Вас образование?

Д.П. – Индустриальный техникум в 32-м году.

Г.Є. – А где Вы работали?

Д.П. – По разнарядке тогда было. В Ростове на заводе «Россельмаш».

Г.Є. – Долго работали?

Д.П. – Два года. [...]

Г.Є. – А Вы, когда проживали в селе, приезжали сюда, в город?

Д.П. – В гости к родственникам.

Г.Є. – И часто Вы приезжали сюда?

Д.П. – Когда учился, часто приезжал. Продукты привозил. Жил в общежитии. Бесплатное общежитие было.

Дочка Драй П.А. (далі – Д.) – Всем тогда давали, и у тебя есть награда «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». И потом так и работал: вначале – на «Дормаше», а потом перешел на «Первомайский».

Д.П. – На «Первомайский», а с «Первомайского» потом на пенсию ушел.

Д. – Проработал там очень долго, он с 46-го года проработал на «Первомайском» и до, до, до...

Д.П. – До пенсии.

Д. – Та еще больше. И уже на пенсии он был, его приглашали. Вся жизнь у него прошла на

«Первомайском», и я на «Первомайском», и племянники... Так сильно там работали... То с 33-го года, тогда голод был, голодали, и им бесплатно давали пайки в техникуме. И он за 30 км к матери ходил. [...]

№ 28. – 2008 р., березень 7. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Бурлаковою Степанидою Федорівною, 1914 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Міненко Євгенією Миколаївною (БДПУ).

Міненко Є.М. (далі – М.Є.) – Назовите свои фамилию, имя, отчество. Национальность.

Бурлакова С.Ф. (далі – Б.С.) – [...] Бурлакова Степанида Федоровна (Димова). Национальность – болгарка. Настоящая болгарка [сміється].

М.Є. – Дата и место рождения (какое именно село, район, область)?

Б.С. – [...] 25 декабря, 1914-й год. Место – село Каларовка. Приморский район, село Каларовка.

М.Є. – Какое у Вас образование и профессия.

Б.С. – Тогда мы, знаешь, как учились? Не так, как сейчас учатся. Учились до четвертого класса и все, потом уже все. Это уже очень грамотный человек. Потом начали работать. Работала я комбайнером. [...]

М.Є. – [...] Откуда родом Ваши родители, Ваши предки?

Б.С. – Папа с этой серии – село Каларовка.

М.Є. – Что они рассказывали и что Вы знаете про населенные пункты, где они родились? [...]

Б.С. – Каларовка – село большое, хорошее было, болгарское, болгары одни только были. Раньше называлось Романовка, а потом приехал Каларов туда, в село, и перекрестили его в Каларово, село Каларовка. Большое, большое село было. Нет, они не родились в этом селе. Я помню, что бабушка моя говорила, что они откуда-то пришли, из какой-то... не знаю. Из Сербии. Они

молодые были. А я знаю? Не могу сказать, кто их заставил, как они перешли. Там было тяжело жить, а здесь же земли хорошие. Они населялись вокруг речек. [...]

М.Є. – Посещали ли Вы или Ваши родственники во время Вашего детства и юности города? Какие именно и с какой целью?

Б.С. – Посещали, конечно, чего нет? Я ж была и в Запорожье, и в городе Баку была. Была у нас голодовка в 33-м. Ну, и собрались там дед и еще один такой человек пожилой, я и еще одна женщина. Не женщины, а еще девчата были тогда. И они собираются ехать где-то подрабатывать. А нас не пускают, а мы за ними. Они нас вертают, нет, а мы идем, пойдем, там подработаем. Ну, и добрались. Добрались до этого, до парохода. Сели на парохода и поехали. Поехали дальше Крыма, дальше Крыма еще, не помню точно куда. Ну, что ж, подработали там. Тут такая голодовка была, не дай Бог! А мы там подработали по один пуд пшеницы, и носили ее сто километров, пока добрались до парохода, чтоб сесть в Азовское море, чтоб приехать уже домой, в Каларовку. Вот так жили. Приехала, сестра умерла с голода, муж умер с голода, свекор умер с голода. Ну, что ж, давай, будем что-то это, а уже новый хлеб вот-вот. Была как раз Троица, новый хлеб на носу. Они поумирали все с голода. Ну, тогда пошел уже новый хлеб, уже начали молотить. Стало уже немножко легче, голодовка не такая уже была, и вот так и жили. Мы много горя перенесли, наше поколение особенно, особенно наше поколение. Ни одну голодовку, ни одну войну. В 21-м, в 33-м и в сорок каком, 47-м. И войны, войны было много. [...]

М.Є. – Объясните поподробнее, чем, по Вашему мнению, город отличался от села в годы Вашего детства и юности?

Б.С. – Конечно, разница была. Именно: село как село, разваленные хаты тогда были, а город был хороший. Они хоть получали трошки денег. Сейчас совсем другое. Я говорю: живите, живите и живите и не волнуйтесь. Мы не

жили, а мучились, мучились. Была одна соседка там, ходили, пололи тогда. Она пойдет в город, кума у нее там жила, тут, в городе Бердянске. Принесет полное ведро тюльки (камсу). Идем на работу, она тащит это ведро полное. Как пойдем там, как рассыпим его, как начнем кушать – не дай Бог! Мучились: голодовка. Идем на работу, там женщина есть, кухарка, сварит кашу. Мы по разу обошли, рядок перепололи, другой рядок перепололи. «А! Каша готовая, – кричит. – Давайте на кашу!» Идем, миски с дома несем себе. И по сто пятьдесят грамм давали брынзу. Хорошая брынза. Кашу покушаю, а брынзу в карман, потому что дома двое детей и свекруха. Иду с работы, они уже меня встречают на середину двора. «А брынза есть?» «Есть». «Давай!» Иногда было наоборот – брынзу скушаю, а кашу детям. Да, режу каждому понемножку, делю их – тебе столько, столько и бабе. Ой, ой, то дело большое было, большое дело было. [...]

М.Є. – Как проходили смотрины?

Б.С. – У меня сестра тоже осталась сиротой. Мы остались три человека. Это сын, что в армии убили, я и сестра. А дядька Иван нас: «Я так не хочу сватать. Нужно пойти до сватов, посмотреть, как они вообще живут». Пошел, едет машиной... Тогда машин не было. Тогда тачанкой и на лошадях. «Нет. Это нехорошие люди. Они нехорошие, потому что черепица раскрытая наверх, не прикрытая, как надо, во дворе нет никакого порядка». А она говорит: «Нет. Я его возьму!». Он такой красивый был. «А я его возьму!» – Сестра моя дядьке говорит. «Я его возьму!». Дядька говорит: «Ну, тогда, как хочешь, бери». Вот тебе она его и взяла. Они женились, а в 33-м – голод. Она умерла в 33-м. Свекор умер, и муж, и она. В один день они умерли. В одном гробу закопаны все три. А! Тогда какие труны тебе, труны. Тогда не было ничего. Кидали их как там попало. Не даром Ющенко борется за этих, за Голодомор. [...]

№ 29. – 2008 р., січень 15. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Коваль Тетяною Павлівною, 1915 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

Карімова К.В. (далі – К.К.) – Назовите Ваше ім'я, фамілію, отчество.

Коваль Т.П. (далі – К.Т.) – Коваль Татьяна Павловна.

К.К. – Национальность?

К.Т. – Украинка.

К.К. – Дата и место рождения?

К.Т. – Село Новотроицкое Бердянского района. 17 января 1915-го года.

К.К. – Скажите, какое у Вас образование, профессия. Где Вы учились?

К.Т. – Училась в советской партийной школе.

К.К. – Как звали Ваших родителей, бабушку, дедушку?

К.Т. – Мама – Коваль Татьяна Павловна, дедушек и бабушек не помню. [...]

К.К. – А они по национальности тоже украинцы?

К.Т. – Да, украинцы.

К.К. – А откуда были родом Ваши родители, предки?

К.Т. – Все местные.

К.К. – То есть с села Новотроицкого?

К.Т. – Да.

К.К. – А родители что-то рассказывали о населенном пункте, где они родились?

К.Т. – Некому было рассказывать, мне два годика было, когда мама умерла.

К.К. – А в Вашем детстве было что-то необычное, что Вы не могли бы объяснить?

К.Т. – Не было такого. Мама моя умерла от тифа, отец поехал в город и голодный был, и съел недоваренную пищу, заболел дизентерией и умер. Потом наступил голод, и я осталась со старшим братом и невесткой. Невестка

спечет кусочек хлебушка, даст водичкой запить, и все...
Очень тяжело переживали, не дай Бог. [...]

№ 30. – 2007 р., серпень 25. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Мазенко Надією Романівною, 1915 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гнибідю Євгеном Володимировичем (БДПУ).

Гнибіда Є.В. (далі – Г.Є.) – Ваши фамилия, имя, отчество?
Мазенко Н.Р. (далі – М.Н.) – Мазенко Надежда Романовна.
Г.Є. – Год, место рождения?
М.Н. – Село Дмитровка. Рождение: 1915-й, 24 декабря.
Г.Є. – [...] Кто Ваши отец был, мать? Братья, сестры?
М.Н. – Отец был у меня, я его не знала (отца). Я родилась, а он уехал на лошади воевать, получил звание капитана, я была маленькая еще. Моя мама (да, Роман – отец был у меня, Роман, он не вернулся), бабушка была Папанова. Потом мама моя вышла замуж за Бойкова (однофамильцы были), вот. Я там жила...
Г.Є. – В Дмитровке?
М.Н. – В Дмитровке.
Г.Є. – А были у Вас сестры, братья?
М.Н. – Брат у меня был один родной – Петя, Петр Романович (от моего отца родного Романа, который погиб). Сестер у меня нету, остальные братья – сводные.
Г.Є. – А муж Ваш?
М.Н. – Муж мой – Мазенко Анатолий Владимирович. Воевал у войну, погиб. Я живу одна много лет.
Г.Є. – А с какого года и по каким причинам Вы проживаете в этом городе?
М.Н. – Когда коллективизация была, разгоняли по селам всех. Мы уехали. Отец мой приемный устроился на кирпичный завод.
Г.Є. – В Бердянске?

М.Н. – В Бердянск. Там дали ему комнатушечку, как общежитие. И мама туда приехала. И я там ото ютилась. А потом я поступила на Первомайский завод... вот...

Г.Є. – А какое у Вас образование, профессия?

М.Н. – 7 классов я закончила. [...]

Г.Є. – А как Ваши относились к тем, кто переезжал жить в город из села?

М.Н. – Они относились обыкновенно. Кто мог – тот уезжал, кто не мог – тот не уезжал. Они относились... Кто уехал? Отец мой, Алешка называли его, дед уехал, его раскулачили, там гонение было. Правильно. А что же там сидеть, когда голод?! Правильно. Такое мое мнение. Кто уезжал, были о них хорошего мнения. И все. [...]

Г.Є. – А чем Вы занимались, когда проживали в селе? Чем родители занимались?

М.Н. – Ну, как? Я училась. Я ж девочкой была. Я училась, я в школу ходила. Приходила, обыкновенно... помогала там матери. А отец был огородником, работал, на грядине работал. Мама тоже работала, ходила. Пока быки задавили. На быках ездила. На грядину. Зарабатывали трудодни тогда. Тогда ж был колхоз, были трудодни. Понял? Зарабатывали, и на эти трудодни получали ж хлеб, считали каждый трудодень. Вот и я ж там бегала, помогала, училась, закончила семилетку и помогала. [...]

№ 31. – 2008 р., січень 27. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Щербиною Мариною Миколаївною, 1916 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

Карімова К.В. (далі – К.К.) – Назовите, пожалуйста, Ваше имя, фамилию, отчество.

Щербина М.М. (далі – Щ.М.) – Щербина Марина Николаевна.

К.К. – Марина Николаевна, а девичья фамилия?

Щ.М. – Онищенко.

К.К. – Дата и место рождения?

Щ.М. – Село Николаевка Бердянского района, 30 июля 1916-й год.

К.К. – А Вы в детстве школу заканчивали?

Щ.М. – Ничего не заканчивала. Мама умерла – мне было два года, а отец немножко позже, была мачуха.

К.К. – А братья и сестры были?

Щ.М. – Да, нас осталось восемь душ и мачуха девятая. Мне тогда было десять лет, тогда власть така была: приходили, забирали хлеб, мама не выполнила, так понаходили, де мы прятали, и все забрали, кушать нечего. Старшая сестра ушла раньше, и мама ей говорит: «Пойди скажи, что вы сироты, что ж они хлеб забирают». А потом пошла сестра на следующий день в город и не вернулась, потом вторая сестра пошла, потом меня забрали, мне было 10 лет. Меня пешком привели в город, 35 километров.

К.К. – А в город сюда, в Бердянск?

Щ.М. – Да, сюда. Тут я пошла по нянькам, работала нянькой. А потом, когда было 16 лет, работала прислугой. Тут обе мои сестрички работали. В доме отдыха работала, последнее время работала в пекарне, а потом и замуж вышла. [...]

К.К. – А у Вас дома были какие-то старые вещи, которые передавали из поколения в поколение?

Щ.М. – А ничего. Я ж как ушла из села, там все осталось. Отец женился, у мачухи еще было двое и нас четверо, ну, мы все разъехались. А мачуха не смогла работать нянькой в городе, сказала, что лучше будет голодной, но поедет в село. Не схотела в городе. [...]

№ 32. – 2008 р., січень 24. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кобилешною Ольгою Михайлівною, 1921 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

Карімова К.В. (далі – К.К.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові, а також дівоче прізвище.

Кобилешна О.М. (далі – К.О.) – Дівоче Гасенко Ольга Михайлівна, а потім, коли заміж, то Кобилешна Ольга Михайлівна.

К.К. – Ваша національність?

К.О. – Українка, я рожденна українка.

К.К. – Ваша дата і місце народження?

К.О. – Село Тарасово Пологівського району, народилася 5 юня 1921-го года.

К.К. – У Вас є якась освіта?

К.О. – Ні, я жила в колхозі.

К.К. – Просто школу закінчили?

К.О. – Да, 7 класів. А тоді родігелі поболіли, мамі операцію зробили, в тата була язва желудка, я бросила школу, кончила 7 клас і пішла у колхозі робить, а нас було п'ятеро в батьків і їх двоє, сім чоловік. [...]

К.К. – А коли народилися, Ваші бабусі і дідусі були ще живі?

К.О. – Да.

К.К. – А вони теж українці?

К.О. – У нас всі українці. І дідушка, і бабушка були українці. Я корінна українка.

К.К. – А вони всі з того населеного пункту, де Ви народилися? [...]

К.О. – Дідусь, бабуса були село Романівське, тоже Пологівський район, у колхозі жили. [...]

К.К. – А в дитинстві Ви коли-небудь відвідували місто?

К.О. – Ну, да. Я у 33-м годі, це ж був голод страшний, я жила у тетки своєї, тетка рідна по матері, сестра, з чоловіком вона жила, він жив у колхозі, бригадир колхозний був, жили вони хорошо в 33-м годі. Я не голодувала, я пішла до їх, за сином гляділа їх, я не голодувала, жила хорошо, а ті четверо, шо дома, голодували. Всього було. Ну, з колхозу трошки давали. А я, було, у воскресенья дядько й тетка дають мені буханку

хліба, 10 кілометрів мені йти пішки, дають кусок сала, і я оце ж йду до батьків, несу їм. А сусіди приходять до мене, а я справна, а сусідські дівчата, ті, що в школу ми з ними ходили, приходять за руки мацають, а в мене руки отакі, справна страшна, а діти дома худі, бо що ж вони там їли? Це у 33-м годі.

К.К. – А скільки у Вас було братів і сестер?

К.О. – Три брати і сестра. [...]

К.К. – А Ви коли жили в селі, у Вас були люди, які не вірять в Бога, атеїсти?

К.О. – Усяких було. До того ж у 1933-м році померло багато, сім'ями помирали. Страшне було.

К.К. – Можливо, внаслідок таких трагічних подій люди розчаровувалися і переставали вірити?

К.О. – Ну, конечно. Була така недовіра. У нас у 46-м корова була, і ми не голодували, а люди голодували... [...]

№ 33. – 2008 р., січень 13. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Тахтаджієвою Ганною Дмитрівною, 1923 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Трухановою Іриною Володимирівною (БДПУ).

Труханова І.В. (далі – Т.І.) – Назовите свои фамилию, имя, отчество. Национальность.

Тахтаджієва Г.Д. (далі – Т.Г.) – Зовут меня Тахтаджиева Анна Дмитриевна, болгарка.

Т.І. – Дата и место рождения (какое именно село, район, область)?

Т.Г. – Родилась я 23 июля 1923-го года, в селе Радоловка Андреевского, ныне Приморского, района Запорожской области.

Т.І. – Какое у Вас образование и профессия?

Т.Г. – У меня высшее образование преподавателя русского языка.

Т.І. – Как звали Ваших родителей, дедушек, бабушек? Какой они национальности?

Т.Г. – Отец – Тахтаджиев Дмитрий Иванович; мать – Тахтаджиева Анна Агафьевна; дед – Тахтаджиев Иван Григорьевич; баба – Тахтаджиева Анастасия Дмитриевна. Они все болгары. Мои предки все из села Радоловка, но моя мама переехала в Радоловку из села Анновка, когда ей было восемь лет. [...]

Т.І. – Вспоминая прошлое, скажите, нужна ли была церковь людям в 30-40-е годы? Если да, то зачем?

Т.Г. – Да, конечно, церковь была нужна в этот период времени. Я считаю, что в это время больше всего людей молилось Богу. Некоторым он помогал, а некоторым нет. В начале на нас обрушился голод, а потом и война. Во время Второй мировой войны, действительно, вера была очень крепкой, и она возбуждала нас ждать с войны наших отцов и братьев. И церковь нужна была для многочисленных молитв наших матерей и, в конце концов, самих нас! [...]

№ 34. – 2008 р., січень 31. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Мікуліною Катериною Йосипівною, 1923 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Саутою Юлією Володимирівною (БДПУ).

Саута Ю.В. (далі – С.Ю.) – Скажите, пожалуйста, Вашу фамилию, имя, отчество.

Мікуліна К.Й. (далі – М.К.) – Значит, зовут меня Екатерина Иосифовна, всегда пишут неправильно, фамилия Микулина, ношу свою фамилию от рождения до смерти, не меняла. Дети и муж были Квитко, а я осталась Микулиной. Род вымирает, и как-то я это соблюдала.

С.Ю. – Ваша дата рождения?

М.К. – 1923-й год, 26 ноября. Хотя у меня всегда отмечали седьмого декабря, в Екатеринин день. [...]

С.Ю. – Вы здесь родились?

М.К. – Да. У нас в Бердянске, это тоже важный фактор, родилось шесть поколений семьи. Шесть! Значит, бабушка мой, это я точно знаю. Прадедушка мой приехал со своей семьей, когда заселялись эти земли Таврические, когда еще Воронцов был. Екатерина сюда призывала своих фаворитов. Они приехали с Курска. Поэтому я русская по национальности, и фамилия моя русская, а бабушка моя была настоящая украинка, фамилия ее была Власенко. Ну, родились мой дедушка, папа, я, дети мои, внуки мои и моя правнучка. Это шесть поколений, точно знаю, что родились в Бердянске.

М.К. – [...] Я пережила много исторических фактов: Голодомор, ну, мы не были голодными. Папу отправили в Запорожье, там был Трансформаторный завод, и мы там жили. И благодаря тому, что папа на заводе работал, отоваривался, давали обеды. И мы... конечно, трудно было, но мы это пережили. То, что я видела! Когда ходили нищие один за одним, а что можно было дать, когда хлеба давали вот такой кусочек черного, страшного, чего там только в том хлебе не было. И вот такой эпизод. Приходит парень лет семнадцать, он уже весь опухший, на ногах кожа вся потрескалась, и течет оттуда вода, умирающий с голоду. Дальше, все эти пятилетки. ДнепроГЭС строился при мне. Шла, лежали такие бревна, а между них смотришь – вода, вот я ходила по этому ДнепроГЭСу, когда он строился. Самый страшный для меня был этап 37-й год – репрессии. Это был страшный такой год. Папа работал на заводе, и у них выгребли все, начиная с директора, весь инженерно-технический персонал. И потому, что мы в Бердянск сразу уехали, папа не попал. Потом уже стали арестовывать работников, матерых специалистов: токарей, слесарей. И вот утром выходят и спрашивают друг у друга: «Кого сегодня взяли?» Вот этот черный ворон мотался целую ночь. А я училась в пятом классе или в шестом. И я ночью, если услышу, что возле нашего дома остановилась машина, у меня дрожат руки и

ноги, что это приехали за папой. Вот ребенком как я это переживала! Для меня это было страшнее Голодомора. Ну, так как папа быстренько собрался, и мы уехали оттуда. Здесь дом был у бабушки, потому что он бы был точно в ГУЛАГе. У него характер был такой, как у меня. Если он считает, что это не так, он никогда на черное не скажет белое. Вот. И мы опять приехали в Бердянск. Вот это такой был период. [...]

№ 35. – 2008 р., січень 19. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Барановою Галиною Іванівною, 1924 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Хімченком Олександром Сергійовичем (БДПУ).

Хімченко О.С. (далі – Х.О.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Баранова Г.І. (далі – Б.Г.) – Баранова Галина Ивановна.

Х.О. – Девичью фамилию.

Б.Г. – Марченко Галина Ивановна.

Х.О. – Национальность?

Б.Г. – Украинка.

Х.О. – Дата и место рождения?

Б.Г. – 24-й год, 3 сентября, село Дмитровка.

Х.О. – Какое у Вас образование и профессия?

Б.Г. – Я меня неоконченное десять классов, потому что война началась. А профессии никакой, потому что нас забрали в Германию. Оттуда приехали – уже нам учебу не давали, мы уже были враги народа. Никакой.

Х.О. – Как звали Ваших родителей, дедушек, бабушек?

Б.Г. – Отец – Марченко Иван Митрофанович, 895-го года рождения. А мама – Марченко Фекла Парфеновна, 896-го года рождения.

Х.О. – А дедушек, бабушек помните, как звали?

Б.Г. – Прадедушек? Ну, отца не помню я. Значит, свою прабабушку – Курбацкая. Бабушку – Дора, кстати, это те,

шо родичи мамы. Федорой было звать бабушку. А дедушку было звать Парферий. А уже какого они года, я это уже ничего не могу сказать, я этого не знаю. А с отцовой стороны я токо приметы. Умер дедушка, значит, мой дедушка по отцовой линии, мер в 20-м году от голодовки. Была голодовка в 20-м году, он умер. Осталася бабушка, это была Марченко Акулина Анисимовна.

Х.О. – Какой они национальности? [...]

Б.Г. – Украинцы были, украинцы.

Х.О. – Посещали ли Вы или Ваши родственники во время Вашего детства и юности города? [...]

Б.Г. – Посещала, я у 32-33-м году ходила, с отцом за хлебом отсюда ходили. Шли люди толпами, шли мы пеши. У 4 часа ночи поднимались, за 2 часа, за 3 мы доходили сюда в город. Становилися в очередь за хлебом. Покупали здесь хлеб. Хлеб, помню, был такой кругленький. Ну, 8 лет, какая могла быть? Помню, что отец больше себе брал, ну, скока он мог достать. А мне, помню, одну буханочку хлеба отсюда, мне было так мешок так перекрутит, а другая тут. И так мы шли опять домой, что к закату солнца опять мы вже были дома. Мама грела воду, мы ноги парили. Вот это вот было первое посещение города.

Х.О. – Как часто и как долго Вы во времена Вашего детства и юности бывали в городе?

Б.Г. – Вот это вот пока не кончился голод, пока мы ще пока тут ще можно было хлеб достать. Мы еще ходили. А как уже нельзя было достать или я не знаю, какая причина этого, я сказать не могу, что уже не могли доставать хлеба. Тогда вже отец не шел, и вже я не шла, потому что, ну, не шел он туда. И больше я не знаю этого ничего.

Х.О. – Расскажите, что для Вас в детстве означал город? С чем он у Вас ассоциировался?

Б.Г. – Я его очень не любила. Очень не любила. Было это так: как пройдем мы с отцом, так тут у меня жила крестная моя. Так я... у меня такой был, такой было, что и солнце

тут не так светит, и не так оно всходит, и не так оно заходит. Я его очень не любила, город.

Х.О. – Откуда Вы узнали в детстве про существование города и с чем это было связано?

Б.Г. – Ну, вот это ж тебе ответ. Что вот это было связано с голодом, что отец повел меня хлеба доставать.

Х.О. – Как Вами в детстве воспринималась поездка в город?

Б.Г. – Какая поездка? Никто не ездил. Если ехали, так это лошадьми ехали. Это ж когда колхоз уже ехал лошадьми. А так тогда был голод, там ни лошадей, ничего не было, ничего не было. Мы даже не знали, что такое машина, что такое трактор, мы его не видели и не слышали.

Х.О. – Вы боялись города в детстве?

Б.Г. – Я его не любила.

Х.О. – И каким был для Вас этот путь? [...]

Б.Г. – Знаешь, как ноги болели? Вот восьмилетний возраст, и еще у отца ноги такие пухлые. Ишли мы помаленьку так, потихоньку, представь, какое было чувство! Что как мы приходили да еще тут постоим в очереди, представь, какие у него ноги! Еще идем назад, а придем оттуда, мама воду нам греет горячую сразу, ноги парить. И падает отец, и я коло него. Вот такое было чувство. Что я могу еще сказать?

Х.О. – Что Вы ожидали от города во время своего первого приезда?

Б.Г. – Хлеба купить.

Х.О. – Понравился или нет тогда город?

Б.Г. – Ну, что, ну, как... Ну, конечно. После того, как мы жили в селе, так город тут нам казался вот это что! Вот тут, где мы живем, вот это на Горе, тут нигде ничего не было. Вот как поднимаешься на гору, один домик стоял, и больше нигде ничего не было, тут был пустырь.

Х.О. – Вспомните подробнее первое Ваше впечатление от города?

Б.Г. – Ну, как тебе сказать, первое? Я ж тебе говорю, что казался он мне... Гля, и дома большие, и тут люди без конца ходили туда сюда, сновали, шумно было. Против села это было ж для нас! Вот такое впечатление.

Х.О. – Хотелось ли Вам, будучи в городе, поскорее вернуться домой?

Б.Г. – Очень. Очень хотелось скорей домой. [...]

Х.О. – Как постились в Вашей местности во время Великого поста? Чем в это время питались?

Б.Г. – Чем питались? Как мама рассказывает, так они тогда жили лучше нас, как лучше были. Так она говорила, что не ели они вот это мясного, все было постное. Вот это кислая капуста, борщ, ну, все это варилось без мяса. Что даже я вот помню, мама было говорит, как вот уже Паска, и бабушка печет вот эти паски, а мама коло бабушки, да коло мамы, ну, посадила в печь эти паски. Паски пекутся, а потом вытягуют, а бывает, ну, ты ж знаешь, оно весит трешечки, отломить и говорит: «А я ж, как дете, отломлю да у рот. А бабушка стоит и kaže: «Выкла, подожди, еще ж пост не кончился». Я тогда, говорит, выплеваю и несу, говорит, кидаю курям» [сміється]. Значит, постились. Так же? Вот. А вже мы, уже мы этого не делали, потому что на наше детство прилась как раз голодовка, вот это все. У нас этого ничего не было. [...]

№ 36. – 2007 р., липень 28. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю із Завадько Клавдією Антонівною, 1926 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гнибідю Євгеном Володимировичем (БДПУ).

Гнибіда Є.В. (далі – Г.Є.) – Назовите свое имя, отчество.

Завадько К.А. (далі – З.К.) – Завадько Клавдия Антоновна.

Г.Є. – Откуда Вы родом?

З.К. – Село Андреевка (Андреевский район тогда был), с 8 апреля 1926-го года.

Г.Є. – Расскажите о Вашей семье: отец, мать.

З.К. – Отец работал в селе, мать работала в селе. У меня был еще брат один, Ваня. Все умерли. Никого нету в живых, абсолютно. С родственников, только от это я осталась и племянница Валя.

Г.Є. – А с какого года Вы проживаете в Бердянске?

З.К. – С 47-го.

Г.Є. – А какое у Вас образование, учились где?

З.К. – Образование у меня 8 классов. А так я училась в Запорожской торгово-кооперативной школе. Получила диплом инструктора-реализатора. [...]

Г.Є. – А когда Вы были маленькая, Вы приезжали в город?

З.К. – Нет.

Г.Є. – Ни разу? В Бердянск не ездили?

З.К. – Нет. Почему не ездили? Потому что это надо было нам машину, а какие до войны машины? В 33-м году, в 33-м году, когда голод был, моя мама пешком ходила в Бердянск. Молоко или там, что было еще у нас, сдавала, продавала. А брала тюльки полные ведра. Знаете, такие были поливальные, большие. Зацепит его и пошла. Я в городе не была ни разу. Ни в каком городе не была. [...]

№ 37. – 2008 р., січень 22. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Дмитрик Софією Іванівною, 1926 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

Карімова К.В. (далі – К.К.) – Назвіть своє прізвище, ім'я та по батькові.

Дмитрик С.І. (далі – Д.С.) – Зараз Дмитрик Софія Іванівна, а було Панасенко.

К.К. – Дата і місце народження?

Д.С. – Дата? В мене три дати, яку тобі сказати? [Сміється].

Мама казала, що я народилась 26 серпня, в свідоцтві про

народження написано 1 вересня, а в паспорті 1 квітня. Рік 1926-й.

К.К. – А село, район?

Д.С. – Село Андрівка Бердянського району Запорізької області.

К.К. – Яка Ваша освіта і професія?

Д.С. – Вчилася у Львівському державному педагогічному інституті з 1946-го по 1950-й роки. Закінчила, маю диплом з відзнакою. Спеціальність: логіка і історія, я логіку не викладала, а історію викладала 26 років.

К.К. – Назвіть, як звали Ваших батьків, дідуся і бабусю.

Д.С. – Добре, мого тата звали Панасенко Іван Кузьмич, маму Ставрунова Кіракія (Лідія) Іванівна.

К.К. – За національністю ви всі є українці?

Д.С. – Ні, батько в мене українець, а мама гречанка.

К.К. – А Ви вважаєте себе українкою?

Д.С. – Я хочу стати гречанкою [сміється].

К.К. – А вони де народилися?

Д.С. – Ну, батько мій народився у селі Партизанах Приморського району Запорізької області, а мама моя народилася в селі Стива, а район не пам'ятаю, зараз гляну в карту... [шукає карту] Старобешевський район Донецької області. Ну, мама народилася, день народження не знаю, у 1895-му році, а батько у 1898-му році, він на три роки був молодший за маму. [...] Ну, йдуть вони пішки, 7 чи 8 кілометрів, і цілий день ховаються, щоб ніхто їх не бачив, а він не може йти, штани не дають ходу. Полежали на траві, і пішли далі. Прийшли до баби, а вона побачила і розплакалася. На весілля у нього був костюм, а після весілля у нього все забрали, а в гості до тещі Харитон не дав йому костюма, розумієш? Мати допомогла підробити ті штани з мішка, і він потім їх так на роботі і носив. Це така подорож, мама розказувала і плакала страшно [плаче]. Обідно все-таки. Після того він працював, добре працював, був майстровою людиною, строитель-печник. Ну, в Михайлове вони прожили до кінця року.

К.К. – Це вони жили в діда з бабою?

Д.С. – Да, і Димид прийшов, він теж зі своєю сім'єю втік з Маріуполя до діда. І почали пухнути, і всі навколишні люди відчують, що голод наступає страшний. І люди були такі розумні, що поїдуть на Київщину, а чи зможуть знайти роботу чи ні? А цього майстра взяти, глухий не глухий, а свою роботу знає, то й роботу там знайде. Вони ніби взяли батька і матір мою і їдуть в Київщину. Доїхали до Дмитрівки і висадили: вона на останньому місяці вагітності, куди ж їй їхати?

К.К. – А вона вагітна на той час ким була?

Д.С. – Старшим сином, Ілья в честь батька своєї матері. Її забрали, вона плачить сидить, не знає, що робити: іти в Андровку далеко. А її сестри Клава і Софія ішли на базар у Дмитрівку і бачать їхнє одяльце, яке вона пошила дитині, коли готували дитяче придане, розвивається на мосту. Ну, чого наше одяльце буде на мосту мотилиться, як прапор? Підходять, коли їхня сестра сидить плаче, рухатися не може, останній місяць вагітності, і голод, і нерви тут. Сестри тоді за базар забули, взяли її під руки, привели до матері. Тут уже народила дитину в Андровці.

К.К. – І вона залишилася жити в Андровці?

Д.С. – Да, дитина померла в скорості. А батько, благородна людина, [плаче] відчув, що він може там прожити, заробив гроші, приїхав і забрав усіх в Київщину. Батько там мурував, а мати помуровувала (обмазувала), і так вони заробляли. Побули десь півтора року, стягнулись на бричку, стягнулись на коня. І він всіх посадив, і вони своїм транспортом доїхали до Андровки. Вернулися вони, і за цей час Харитон поїхав в Маріуполь, і коли сідали на поїзд, сам вскочив в вагон, і вагітній жінці руку подавав замість того, щоб її підсадити, вона оступилась і впала під поїзд і її зарізало. А Димид мав вже трьох дівчат, і оскільки два брати поїхали, а третій малий Гришка, Димид з жінкою дали діду отруту, і скоро умерла і баба. Тоді твому прадіду Гришке було 10 років. А коли хоронили,

відкривають гроб, а дід червоний, ніби живий, і баба така. І тепер у хаті залишилися жити Димид з сім'єю і Гришка малий. Прошло тиждень чи два, заходить Гришка у хату, а Димид йому каже: «На вікні стакан кисляка, можеш пити». А їсти ж нічого було, то він і взяв той кисляк, і воно йому шось не пішло. Вийшов на двір і почав рвати, а в цей час як бігла собака і цей кисляк, який він розлив, поїла і зразу здохла. І на основі цього всі твої родичі підкреслювали, що Димид отруйник, що він і бабу отруїв, і діда, і брата хотів молодшого. А слава по селу пішла, що він сім'ю отруїв, і він поїхав, і не залишилося нікого в хаті. Батьки приїхали з Київщини. В 1925-му році, коли мама була мною вагітна, батьки почали будувати хату. Збудували хату, мама замісила глини, щоб хату обробити, і тут почала мене народжувати. Представляєш, яка жінці вагітній була робота [плаче], і три дні не могла розродитися, так важко мене народжувала. У нас уже був Андрій, старший брат. Приходить Гришка і прохає повернутися в батькову пусту хату, бо важко йому самому. І вирішив повернутися до батькової оселі в Партизани. А в 1929-му році він уже і одружився. І вже разом зі своєю жінкою Уляною поділили з нами хату. Так ми жили до 1933-го року. Батько робив у німців і заробив племінну корову, давала 25 літрів молока за день, і виходило кілограм масла. Батько заробляв, німці хорошо платили. Мати водила нас в садочок, а сама робила в колгоспі, батько в німців працював, а брат пас коров. І от сталася біда така: пас він коров, і одна корова з'їла павука і обдулася, а сусіди вже голодали, і бідкаються ніби, щоб корова не пропала, а мій брат прибіг до матері на роботу, а вона сиділа в сараї чи погребі, перебирали колгоспну картоплю на семена, посадка йшла, і під замком, щоб ніхто не вийшов, не передали нікому картоплину. Вони сидять під замком, брат мій стоїть біля дверей, матір покликали, він з однієї сторони дверей, вона з іншої, і «Корову обдуло, що робити?» А сусіди, щоб не продали корову, напоїли її

керосином, кажуть, ніби це допомагає. Факт той, що коли брат прийшов, корова була уже зарізана.

К.К. – А хто її зарізав?

Д.С. – Сусіди, а м'ясо було пропитано керосином. Вони все одно поїхали в Бердянськ і продали те м'ясо, а сусіди розраховували, що те м'ясо нікуди не повезуть і вони собі шмат візьмуть. Ну, і після того батько почав пухнути, у німців роботи не було, їх почали виселяти, руйнувати їхні села. А в колгосп його не беруть, він же зрадник, працював на німців. А батько моєї тітки був секретарем сільради, приїжджає, бачить, що голод, це ж 33-й рік. Привикли, що корова була, а тепер нічого нема. А тут в Андрівці виселили всіх куркулів, будинків багато пустих, і дядько сказав: «Я договорюсь – і вам дадуть якийсь будинок». Так ми з 1933-го року почали жити в Андрівці.

К.К. – А Ви були в якихось інших селах по району?

Д.С. – Ні, я ж мала була, нам спочатку дали дуже хороший будинок, тільки виселили куркулів, і ніхто там не хазяйнував, красиво там було, вікна пофарбовані, поли пофарбовані, куркулі хорошо будували хати. Ми пожили там кілька місяців, а потім західних українців переселяють в Андрівку. Треба ж було роз'єднати, щоб не було болгарських сіл, українських і російських, а щоб один єдиний русський народ був. Ну, і приїхало багато цих західних, а вони ж із сім'ями. А в сільраді знали, що він там незаконно, і виселили. А куди ж? На вулицю не підеш, сім'я ж. А рядом був дім, стара пекарня із закопченими стінами. Але тепер сільрада вимагала від нас купувати цей будинок, той безплатно дали, а цей купувати: «Вас же ніхто не просив приїжджати, ви самі приїхали». І оцю развалюху оформили за 300 рублів. Із 1934-го року ми жили там. Мама повинна була працювати на двох роботах, в колгоспі її не звільняли, вона пішла працювати прибиральницею в школі. Але ми прибирали всім колективом, так ми швиденько вправлялися. А в 1934-му році я пішла до школи. І запам'яталося мені: закінчила

першу чверть і дали премію – два метра ситцю. Ну, я ж думала, що я господиня, маю свою матерію, мати на роботі, батько на роботі, а я ножом відрізала (ножицями не могла, бо лівша) шмат ситця і пошила куклі плаття. Мати прийшла з роботи, а я хвалюся: «Вже плаття пошила». А вона мене взяла і побила. «Як це так: ти яке плаття носиш? Ми тобі з батьком шиємо, а ти взяла і відділилась». І дала мені прочуханки доброї. Перевчила мене шити, ніколи більше не бралася шити. Перші чотири роки я вчилася на болгарській мові, з 1934-1938 роки, були всі: і українці, і росіяни, і болгари. А в 1937-му році знаєш, що було? Репресация, 51 чоловіка з Андровки забрали. А серед них, може, чоловік 10 наших. [...]

№ 38. – 2008 р., січень 28. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Корневим Сергієм Олексійовичем, 1926 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

Карімова К.В. (далі – К.К.) – Назовите, пожалуйста, Вашу фамилию, имя и отчество.

Корнев С.О. (далі – К.С.) – Корнев Сергей Алексеевич.

К.К. – Национальность Ваша?

К.С. – Украинец.

К.К. – Дата и место рождения?

К.С. – 21 сентября 1926-го года, село Партизаны, Приморский район.

К.К. – Какое у Вас образование и профессия?

К.С. – У меня среднее образование. До войны я кончил тока 7 классов на болгарском языке. А потом, когда демобилизовался, пошел в вечернюю школу в 1950-м году, потому что был комсоргом завода, потом в цех перешел, а там нужны были знания, особенно по органике. Я пошел в 8, 9, 10.

К.К. – И кем работали после школы?

К.С. – Старшим оператором на заводе, 48 лет проработал.

К.К. – Скажите, как звали Ваших родителей?

К.С. – Лидия Тимофеевна, она умерла в 1936-м году, а отец Алексей Ефимович, умер в 1932-м.

К.К. – Они тоже украинцы, тоже с Партизан?

К.С. – Да. Я с 9 лет без родителей.

К.К. – А их родителей знали?

К.С. – Их родителей немножко помню, бабушку хорошо помню, у нее было 8 сыновей и 4 дочерей, это по отцу. [...] Меня в 1930-м году отец с Партизан вывез в Приазовский район, тогда он Нововасильевский назывался, в село Анновка, за Инзовкой. И отцу предложили коммуны делать, даже не предложили, а приказали, он был коммунистом, партийный. И он как раз в тяжелые годы строил, в голодовку или Голодомор, как сейчас называют. И погиб он, жернова перетаскивал, его придавило, и погиб он в 1932-м году. Нас осталось четверо с мамой, я и три сестры, две старше меня и одна младше. Постепенно и сестры поумирали еще до войны, одна только осталась, она закончила Преславский техникум и была учительницей в Анновке.

К.К. – А Вам хотелось переезжать в город, не хотелось в село вернуться?

К.С. – Я, когда остался без родителей, то 10 лет работал в колхозе. Косить ходили, а техники никакой не было. Волами и лошадьми пахали. Колхозы только создавались, кулачье все против было, поэтому весь этот Голодомор, это все надумано. Тогда в 1933 году Гитлер пришел и Муссолини, назревала война, а у нас голод, нас голыми руками можно было взять. Сталин, конечно, виноват, он требовал. А тут еще ДнепроГЭС строился, надо было все оборудование покупать, а Гитлер разве просто так все даст? Он требовал хлеб, он был заинтересован, чтобы тут люди поумирали. А нам надо было промышленность поднимать, коллективизацию колхозов провести. А мы не могли так просто это сделать, поэтому, конечно, Сталин

говорил: «Давайте хлеб», потому что ему надо было ДнепроГЭС пускать. А сейчас говорят только плохое, геноцид и все. Конечно, сам Сталин не отбирал хлеб, а отбирали местные, а кулачье их подкупало, а кулак закапывал, а потом весною за громадные деньги продавал зерно это. Они же были против колхозов все. Ну, а колхозы нужны были. Разве можно тысячи гектар перепхать коровами? Да трактор было трудно купить. А западники, конечно, против колхозов. А Павлик Морозов убитый кулаками. Там в России тоже голодовка была. Потому что Гитлер хотел, чтобы тут пусто было. ДнепроГЭС строился все вручную, и поэт Смольный придумал стихотворение:

«Человек сказал Днепру:

«Я стеной тебя запру,

Ты с вершины будешь прыгать,

И машины будешь двигать».

«Нет, – ответила вода, –

Ни за что, и никогда»,

И вот реке объявлена:

Война, война, война,

Выходит в бой 20-тонный великан,

Несет в протянутой руке,

Чугунный молот на пруте,

А за ним бурильщик Сандерсон,

На трех ногах тресется он,

Он роет камни головой,

И тучей носится над ним,

Выходит пар и дым».

Вот так строился ДнепроГЭС. А его ж надо было пустить и начинить, а Гитлер требовал хлеб и все, чтоб заморить народ, чтоб было пустое пространство. [...]

К.К. – А были ли какие-то обряды на свадьбе?

К.С. – Старики там что-то выдумывали, а мы не хотели. Скромная свадьба была... А потом начали столбы ставить по селу, после голодовки. И тут же и песня:

«А в деревне от избы до избы
Зашагали торопливые столбы,
Эй, загудели, заиграли провода,
Мы такого не видали никогда,
Нам такое и не снилось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне».

Вот такие вот песни были. Рады были, что лампочка
загорелась. [...]

№ 39. – 2008 р., січень 15. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Єременко Катериною Денисівною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Ромасько Єлизаветою Юрївною (БДПУ).

Ромасько Є.Ю. (далі – Р.Є.) – Назовите свою фамилию, имя, отчество.

Єременко К.Д. (далі – Є.К.) – Єременко Екатерина Денисовна.

Р.Є. – Дата и место Вашего рождения; какое именно село, район и город?

Є.К. – Приморский район, село Обиточное, 25 августа 1927-го года. [...]

Р.Є. – А как звали Ваших родителей, дедушек и бабушек?

Є.К. – Родители: отца – Єременко Денис Семенович, а мама – Голик Евдокия Сергеевна. Бабушку и дедушку не помню, потому что была маленькая, молодыми умерли от голодовки.

Р.Є. – Какой были национальности Ваши родители?

Є.К. – И папа, и мама были украинцами.

Р.Є. – А их родителей Вы знаете? Откуда они родом, Ваши родители, Ваши предки?

Є.К. – Папа и дедушка мой они родились в селе Обиточное Приморского района, они там жили, выросли.

Р.Є. – А что они рассказывали или что Вы знаете о населенном пункте, где они родились?

Є.К. – Ну, шо, особливо так папа не розказывав, потому что ему, как говориться, не до этого было. Жили мы, как говориться, не бедно, середняки были. Было у нас хозяйство: гуси, коровы. А потом мы, в 37-м году папа решил нас перевезти нас, он захотел...

Р.Є. – А куда перевезти?

Є.К. – На Обиточную Косу, Обиточная Коса там недалеко от Приморска. Он рабочим там был, рыбаком, мы там жили. Я там в школу ходила первое время, потом папа решил, что еще, кроме меня, еще было 2 сестры и братии, я самая меньшая, переехать в город. И он решил переехать и купил в Бердянске дом в 35-м году на Лисках. Вот, и мы переехали. Он работал на Рыбзаводе рыбаком. А я ходила в школу.

Р.Є. – А опишите, пожалуйста, поподробнее, как происходил переезд, как Вы готовились к переезду в город?

Є.К. – К переезду... у нас было, ну, сухопутного мало было дороги, а в основном у нас море. Нас перевозили, там вещи все до Бердянска на судах, а остальные, скот, который там был, мы от Обиточного и до... пешком гнала, а там делали передышку, а потом с Обиточного пешком я с палочкой за папой бежала [посміхається], и это, подгоняла коровок, и мы пешком с Обиточного шли до Бердянска, привозили. [...]

Р.Є. – А чем, по Вашему мнению, город отличался от села?

Є.К. – Конечно, отличался. Дело в том, что уже, как говориться, мы пережили и войну Первую Мировую, вот папа тогда вернулся с этого фронта, и наша жизнь закипела. Ну, отец тогда рыбачить пошел, вот мы голодовки не ощущали, как другие люди. Вот поэтому другие люди как-то с огорода крутились, а мы с моря, нас море кормило. Папа с моря столько рыбы привозил много, и крабы у нас были, и красная рыба, все у нас было, не то что сейчас.

Р.Є. – Были ли у Вас в детстве и юности, еще до Вашего переезда в город, знакомые горожане?

Є.К. – Нет, не было. У папы были, он когда ездил, туда ездил, к нам приходило много на Косу, приходило очень много людей, когда мы ездили. Люди голодовали, тогда много людей приходило из городов, из деревень, и мы общались, говорили, как они жили. [...]

№ 40. – 2008 р., квітень 9. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю із Сук Ольгою Олександрівною, 1931 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Сидоренком Артемом Ігоровичем (БДПУ).

Сидоренко А.І. (далі – С.А.) – Назвіть, будь ласка, Ваше прізвище, ім'я та по батькові.

Сук О.О. (далі – С.О.) – Дівоче прізвище Сук Ольга Олександрівна, 1931-го року народження, родилась я в Константинівці Донецької області.

С.А. – Дякую, а яка Ваша національність?

С.О. – Українка, у сім'ї українця, батьки тоже були українці.

С.А. – Дякую, яка Ваша освіта і професія?

С.О. – Ой, Боже, яку тобі, синок, сказать... Освіта в мене среднетехническая, ну, це я не знаю, як по-українськи перевести, от, а образование – сім класів, тоді було це саме таке образование, сім класів – це було саме хороше образование.

С.А. – Дякую, а пам'ятаєте Ваших батьків, батька і матір, діда та бабу?

С.О. – Батька звали Сук Олександр Семенович, мати – Сук Варка Олексіївна, діда – Сук Семен, а отчество вже не помню, Василина бабушка була, отчество тоже не помню.

С.А. – Дякую, а якої вони були національності?

С.О. – Всі були українці, корінні українці.

С.А. – А їхніх батьків Ви знаєте?

С.О. – Ні, не знаю.

С.А. – А звідки родом Ваші батьки і Ваші предки?

С.О. – От предки з Полтавської області, оце буде як раз хорошо, предки з Полтавської області.

С.А. – Що вони Вам розповідали і що Ви знаєте про населені пункти, де вони народилися?

С.О. – Ну, що народилися вони в селі в сім'ї середняка чи бідняка, як тоді считалося, в мами було п'ятеро у роду, вони були той..., батько... У діда жили, батько умер рано, їх осталося п'ятеро у матері із дідом з бабою, так вони виховувалися, а потім тобі даліше, потім же ш була колективізація, була революція, а після революції була колективізація, було як... розкуркулення. У них забрали все, діти сиділи за столом, їли, а приїхали вже і розбирають кришу на хаті, а вони стали питать, а вони забрали. У діда була, значить, корова, бик і лошадь, отакий був куркуль [каже з іронією], от і п'ятеро дітей і їх четверо старих було, так що осталися... От, да, і тоді вони підросли, діти підросли, да їх вигнали на бугри, з хати виселили. Даже так було, що, хто пусте в хату ночувати, – і тих наказували за те, щоб дітей куркульських не пускали у хату ночувати. Їх вивезли на бугри і оставили там. Вони зробили собі землянку, і в цій землянці вони жили, у цій землянці у них умерла мама, їх осталося п'ятеро, старша була замужем уже, її отправили, вивезли в Сибір з мужем, от, а ці осталися тут. Ну, от чим вони питалися і що вони робили? У них дедушка був, і от дедушка ходив босий і пухлий, і приносив хоч по півстакана якої-небудь... виміняв, не знаю, за що він міняв, може, хто йому що дав, якийсь кусочок хліба, півкачана кукурудзяного, вони драли й товкли, варили вобщем, свеклу мішали, дерева, з берестка листя, потім трава яка с'єдобна, трава де росла, все вони переїли. Бабушка лежала пухла, ну, вона не ходила, бо пухла була, а дедушка поки доходився, а тоді прийшов, не знаю, як вони ховали матір, як виносили. Тоді дедушка прийшов до них, ліг на лавку отдохнуть, а вони галети

пекли, уже рожь поспівала, по півзборнишка наливалось у колосочках, вони насушили цих колосочків, натерли, а потім не знаю, чи яка то ступа була, розтерли і стали галети пекти. Галетами ціми вони ділилися і дідусеві дали галет, дідусь галет откусив, вони до нього – а дідусь мертвий. Як вони його виносили, щас ніхто не знає, ніхто не може вспомнить, як вони його виносили, як вони його ховали. Но факт тот, що... після цього ж була колективізація... Дальше аж страшно казати. Їх даже в колгосп не приймали – як куркульських дітей. А потом, самий менший був Іван, він ходив просив милостиню, а потом вже, коли вступили в колгосп, його взяли в патронат, в колгоспний патронат, вони робили в колгоспі.

С.А. – Дякую, дуже цікава розповідь. Вони самі переселилися чи разом з іншими родичами?

С.О. – Сюди переселилися? Сюди переселилися, так получилось, що оцей Іван, самий менший, після армії він переїхав сюди, і потіхоньку став забирати свою сестру, а та сестра сама менша, менша від оцього брата, вона закончила інститут і була направлена на роботу у Ізмаїльську область, це тепер Одеська область, в село чи в город, як воно називається, не знаю. І вони забрали і тьотю Асю сюди.

С.А. – Скільки було Вашим родичам років, коли вони переїхали сюди, і чому вони це зробили?

С.О. – Я не помню, скільки було родичам років, а приїхали вони сюди, бо тут було море, вони з голоду пухли, а сюди приїжджали, щоб виміняти на яку-небудь тюлечку, щоб вижити їм було. Що в кого оставалося, вони міняли, чи одержу міняли, чи десь на заробітках були, но вони своїм ходом, возичком їхали сюди і отсюда везли хто що міг, може, у кого риба була, но в основному тюлька, бо на більше не хватало.

С.А. – А які існують у домі старі особливі речі, які передають від старших до молодших?

С.О. – Ікона одна осталася, но вона дуже стара, не знаю, якого году, ну, це ікона, короче говоря, моєї бабушки їхньої мами ікона, це в мене є точно. Це єдине, що осталося, а інше все проміняне було, проміняне, тому що пухли з голоду, все перемінять.

С.А. – [...] Опишіть, будь ласка, як Ви готувались до переїзду до міста, і як відбувався переїзд?

С.О. – Був у нас возик, самий настоящій, і от сложили свої пожитки на возик і самих малих зверху посадили, і їхали, їхали дві неділі, поки доїхали до міста, а тут просились до людей ночувати, потом знімали квартиру, і так ми опинилися в Бердянську. [...]

№ 41. – 2008 р., січень 11. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Дуліною Раїсою Іллівною, 1933 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Трухановою Іриною Володимирівною (БДПУ).

Труханова І.В. (далі – Т.І.) – Назовите свои фамилию, имя, отчество. Национальность.

Дуліна Р.І. (далі – Д.Р.) – Я – Дулина (Аликова) Раиса Ильинична, национальность – болгарка.

Т.І. – Дата и место рождения (какое именно село, район, область)?

Д.Р. – Родилась 6 июля 1933-го года, в селе Радиловка Запорожской области Приморского района, раньше был Андреевский. [...]

Т.І. – Вспоминая прошлое, скажите, нужна ли была церковь людям в 30-40-е годы? Если да, то зачем?

Д.Р. – Да. Естественно, церковь нам в этот период нужна была, ведь это, по-моему, самый трагичный период в жизни всех граждан СССР. Сначала были неурожайные годы (Голодомор), потом сама война пришла за нашими отцами и мужьями. Именно с этим периодом у меня

связана ужасная история, связанная с гибелью моего отца.
[...]

Т.І.– Как определяли время, когда нужно пахать, сеять, садить? Какие при этом выполнялись обряды? Как отмечали первый день выгона скота на пастбище?

Д.Р. – Сажали пшеницу тогда, когда начинает паровать земля. Чтобы был хороший урожай, хозяин поля обходил каждый угол поля, западный, северный, южный и восточный, становился и крестился, и просил у Бога хорошего урожая. Но все же у нас были годы, когда не было дождя, например, 30-е – все с голоду даже умирали.
[...]

№ 42. – 2009 р., серпень 11. – с. Партизани Приморського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Губар Марією Мусіївною, 1920 року народження, мешканкою с. Партизани Запорізької області, проведене Бойко Юлією Федорівною (БДПУ).

Бойко Ю.Ф. (далі – Б.Ю.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові.

Губар М.М. (далі – Г.М.) – Губар Марія Мусіївна.

Б.Ю. – Дівоче прізвище?

Г.М. – Шелутько Марія Мусіївна.

Б.Ю. – Національність?

Г.М. – Українка.

Б.Ю. – Дата народження?

Г.М. – 1920-го року, 28 серпня.

Б.Ю. – Місце народження?

Г.М. – Село Партизани.

Б.Ю. – Яка Ваша освіта?

Г.М. – Вища.

Б.Ю. – Професія?

Г.М. – Учитель математики.

Б.Ю. – Де Ви навчались?

Г.М. – В Бердянському педагогічному інституті. [...]

Б.Ю. – Яким було господарство Вашої родини в часи Вашого дитинства? Там земля, город?

Г.М. – Двоє коней було, корова була, ну, там курі і там таке мілке хазяйство.

Б.Ю. – Це в роки Вашого дитинства?

Г.М. – Оце в Голодомор, а оце була колективізація, і під час цієї колективізації забрали корову і коней поздавали, ну, шось не було тоді, позабирали все, кажуть.

Б.Ю. – Як з'явилися перші колгоспи у Вашому селі?

Г.М. – Ну, це приблизно мені було 12 років, я ж родилась в 20-му, а це було в 32-му, коли мені було 12 років. Була у нас колективізація, ходили по хатах, забирали, в кого які є кусочки зерна... не кусочки, а що було, забирали і все, а

люди ш голодували, і я в тому ш числі. Знаю, що була у нас он та он уличка, де та живе баба Лена, нас, отаких, як я, он з 90-го... ой, з 20-го року народження, було чи 5, чи 6, і одна [...] жила у них там Марія, так вона померла. Вона була... оце уже окація цвіла, та ми полізимо на дерево і рвемо цю окацію, і вона нам така казалася добра і сладка, от. А вона уже пухла була, і вона не змогла уже злісти на дерево. Було, тіки просе: «Дівчатка, киньте мені, киньте!» То ми ото нарвем там (кілька дівчаток було), нарвем, кинем, а вона збира та їсть. Ну, голод, нічого ш не було їсти.

Б.Ю. – Чи хотіли добровільно люди іти до колгоспів?

Г.М. – Кой-які хотіли. Як, наприклад, кажуть, там його і немає, отам, на тій вулиці, де баба Єля, там Матвієнки, а згодом дід Шелудько то бігав, робив у саду садоводом, вот. А за що ми почали балакати?

Б.Ю. – Чи хотіли люди іти до колгоспів?

Г.М. – А... Так у його у баби, у цього деда і в неї, брат оце ходив по людях. У неї брат оце зразу пішов у колхоз. Не голодували, жили нормально, так, як треба. А наш батько і дед іще (ну, дед уже старий був), а батько не хотів ні в каку іти, думав, що там у колхозі щось буде, ну, щось таке нехороше. А якби пішов у колхоз, і жив. Я, було, часто ш мала... то моя сестра двоюрідна оцього деда Никифора, то вона і хліб білий хороший їсть, і все, вони і не переживали, а наш батько цапки становився, а через нього голодували.

Б.Ю. – Що було з тими, хто не хотів іти до колгоспів?

Г.М. – Нічого не було, забирали, що було у них послідне, що де забирали і послідне. Те я знаю, батько робив на морі, то там получше, пайок який, чи сахарь, чи хліб, а батько принесе, і нічого не знаєм. Раз появились, заберуть усе чисто, позабирають, пороздають людям і все.

Б.Ю. – Коли почалося розкуркулення в нашому селі?

Г.М. – Ну, оце ж воно в 32-й де-то воно перед голодом і було, оце воно, це розкуркулення, ото ж і нас «вітали»

кулаками. Та які там кулаки, Господи?! Ні, ще овець там... Щось щігали, кілька там держали. А ото двоє коней та корова була. Хіба то кулаки?!

Б.Ю. – Чи були у Вашому селі комітети незаможних селян, агітатори?

Г.М. – Та які там? Не було, я не пам'ятаю, я не пам'ятаю, там же і мала була. А може, які і були там, ото які бігали, розкуркулачували наше. Із наших очих, сільських, і вони розкуркулачували.

Б.Ю. – Коли Ви вперше почули слово «куркуль»?

Г.М. – Ну, це, мабуть же ш, у 12 років, у 32-му році я почула.

Б.Ю. – Кого розуміли під цим словом «куркуль»?

Г.М. – Куркуль – це в моєму понятті, це так воно і було ш, багата людина, значить, мала господарство крупне, от будинок хороший, там у будинку все таке хороше. От ця людина називалась «куркулі», от, ну, вони так одних «куркульом»... Ну, у нас у селі дуже куркулів і не було, не було. Набокови, ну, там десь чоловік, може, 5, не більше.

Б.Ю. – А чи пам'ятаєте Ви Голодомор 1932-1933-го років?

Г.М. – Да, і була ш я якраз учасницею цього Голодомору.

Б.Ю. – Ну, розкажіть тоді, як жилось?

Г.М. – Шо там ми їли?! Жили пагано, канешно, може, якби... Люди ховали остатки зерна. Бачуть же ш: приходять. Викопували ямки чи десь на горищі в якомусь будиночку в місті ховали, щоб не забрали цей хліб. А вони шо: приходять із піками із отими і шукають, ото зерно позобирають усе. Усього я не пам'ятаю. Голодували, канешно, у нашій сім'ї, у мами ноги пухлі, батько, правда, на роботі коло моря був – нічого, а нас двоє було і брат Ілля. Нас вигнали з хати ж, ми перейшли зразу до Калінічінків там напроти [...]. Нічого хорошого не було, канешно, під час голоду.

Б.Ю. – А чим харчувалися?

Г.М. – Їсти усього було, даже траву. Посеред двору росла лобода, ми її і зрізали, варили, і ото де-небудь полізимо на

горищі, може, назбираєм хліба трошки або пшениці, що-небудь, і в оцю лободу. Варимо цю кашу і їмо. Інакше тоді все їли, а мама вже, як почали в неї вже ноги так пухнуть, то вона почали... Тоді в нас у низу тоді у Лозанові був молокозавод, і там давали сироватку людям, і люди, ото люди брали і пили оту сироватку, і мама стала пити сироватку і нам носить потрошку. Отак і вижили.

Б.Ю. – А що говорили про причини Голодомору? Чому був цей Голодомор? Це сталося тому, що була засуха чи навмисно не давали людям їсти?

Г.М. – Я не знаю, це я так уже зараз уже можу так сказати, яка причина. Хтозна-яка причина, по-моєму. Хтозна-як воно тут можна сказати? Воно дійствітельно вони забирали, люди, може б, не так і мерли б. Вони ш позабирали все, а люди поховали зернятка, і ті позабирали у людей. І людям, ну, виходу нема, люди помирали, ото і все.

Б.Ю. – Чи відомі Вам випадки боротьби з голодом?

Г.М. – Ніхто нічого не робив. У людей бідних забирали, люди мерли і все.

Б.Ю. – Як відбувалася посівна, де брали зерно під час голоду?

Г.М. – Де там? Було, діти, які назбирають хоч колосків, так там їх сторожі були. [...]

Б.Ю. – Хто забирав зерно, худобу та крам і як це відбувалося під час голоду, де його висипали?

Г.М. – Я пам'ятаю нашу корову, у нас така ряба корова була, і оце як вечір, вони ходять же ш, коров забирають там. Хто оце не підчиняється, не іде в колхоз там. І я знаю, мене ганяли і брат же ш менший од мене на 2 роки, і ми ганяли, череда іде, і ми візьмемо коров і гонемо у Лозановку, аж туди геть-геть, щоб не узнали, де наша корова. Отож ми нічого її не спасли, вони цю корову прийшли утром рано, забрали і все.

Б.Ю. – А хто саме ходив і забирав все це?

Г.М. – Наші теперішні колхозники, оце К[...] був, його, по-моєму, немає вже, Альошка, тоді той там, якже їх хвамілія, я вже забула, возле клубу там вони жили, і тоді Д[...], тоді іще там деякі, я уже не пам'ятаю.

Б.Ю. – А як аргументували люди, які витували власність, свої дії?

Г.М. – «Забираєм із-за того, що ви не йдете в колхоз, от ми і забираємо у вас ваше хазяйство і все».

Б.Ю. – А куди звозили все, що забирали у людей?

Г.М. – Не знаю, що з ним робили потім, вони, конечно, забирали і десь, конечно, або ш у той у район отправляли, а може, тут різали, ну, вообщем, я цього не знаю.

Б.Ю. – А що було з тими, хто не хотів віддавати зерно?

Г.М. – Та було всього: і били, і всього було. Виганяли нас, із хати нас вигнали, а деда і бабу (вони вже старі були, такі, як я зараз уже, мабуть) залишили в хаті, вони там осталися, а ми по квартирах, по куточках у люди просили. Нас зразу скільки там год чи два, а тоді Савченко продавав цю хату, де Болотін живе, ми тоді купили цю хату, хоч батьки мої купили, і тоді ми перейшли в цю хату і почали там жити, і тоді я вже почала в сьомий клас ходити, і ми там жили, а тоді розійшлися, я ж вчилася. І так і оце наше життя проходило.

Б.Ю. – Чи відомо Вам щось про «чорні дошки»?

Г.М. – Чирні дошки – не чула я такого. [...]

Б.Ю. – Що було з тими, хто одразу пішов до колгоспів?

Г.М. – Харошо жили люди, умно поступили, і зробили шаг вперед, так, як нада, жили нормально, а отакі [...] як мій батько там та багато других, перемучались самі, своїх дітей помучали і всьо равно пішли в колхоз, все рівно пішли у колхоз, а тільки їх розбили просто, а ті спокійно собі жили, хто пішов раньше. [...]

Б.Ю. – А чи забирали зерно у них?

Г.М. – Нічого в них не забирали. Вони собі жили припокойно. Он у мене дядько, вони жили і не знали, що таке голод.

Б.Ю. – А чи відомі Вам випадки приховування їжі під час голоду?

Г.М. – У нас самих було десь, знаю, чи особливо мама, батько ж на роботі, мама там десь закопала в ямку, там закопала, а вони і отими піками залізуть, шага і шага, і понаходять, позабирають усе до тла. Ото так це було.

Б.Ю. – Що робили з тими людьми, у яких находили приховане?

Г.М. – Та деяких, я чула, висилали, особливо кулаків на Соловки, казали, висилали. От нас не висилали, ми так якось осталися, батько отош якось робив, мама тобі в колхоз пішла на різні роботи, я училась і брат тоже саме, от і оце у нас наче нічого більше не було. [...]

Б.Ю. – Як виживали, чим харчувались під час голоду?

Г.М. – Ну, хто чим міг, тим і виживали. Траву варили і кой-де ото побіжать, украдуть. Тоді появилася та, зерно у степу, там десь шось, і цим люди і виживали. У кого корови, там ще шо...

Б.Ю. – А чи було таке, що їли собак, котів?

Г.М. – У нашій сім'ї цього не було. Я чула, що особливо той, тих хом'яків (чи як їх?) їли, наступу ловили, горобців, там отаке... Це, нібито, їли люди.

Б.Ю. – Чи знаєте Ви випадки жебрацтва в цей час?

Г.М. – Не, не ходили. Чого ходить, як воно у кожного не було нічо? Це у кой-яких, у тих, хто пішов раньше у колхоз, а так же ш всі голодували. Ніхто не ходив у нас, не просив.

Б.Ю. – Чи можна було покинути свою місцевість і піти на пошуки їжі?

Г.М. – Може, деякі люди і були. Я не пам'ятаю у цих своїх роках, щоб тот... [...]

Б.Ю. – А чи були в селі ті, хто не голодував?

Г.М. – Хто не голодував, конечно, були, були люди. Я ще ш якраз такі роки, що я особо не пам'ятаю, а оце ж за свого дядька я знаю, що вони зовсім не голодували, вони не знали, що воно таке.

Б.Ю. – А вони з Вами не ділилися їжею, не давали?

Г.М. – Не... Я оце, було, другий раз гуляю з Веркою, вона на рік од мене менша, так вона оце другий раз їсть хліб, це було таке, і вона їсть кусочок хліба, а я дивлюсь і думаю: «Ой, яка вона, тіки і не поділіться зо мною, а мені так хочеться» [сміється]. [...]

Б.Ю. – А чи існував в цей час базар чи місця, де щось можна було виміняти, купити?

Г.М. – В селі не було нічого [...].

Б.Ю. – А де, по-вашому, людям жилось легше: у селі чи в місті?

Г.М. – Оце я сама б собі подумать, подумать, я точної відповіді не знаю, но мені кажется, що у городі лучше трошки жили: там як-то доход був чи пільги, я б так сказала. Я же ш із села, як я з мамою... я вже ходила чи в восьмий клас, так було ми на тачку, мама назбирає там сметани і ще всяких продуктів, і ото тачкою пішки везем аж у Бердянськ на продажі; продамо, тоді на ті гроші мама купе, шось купляє, я вже не знаю шо. [...]

Б.Ю. – Ну, а багато було тих, хто помер?

Г.М. – Я чула, що багатенько померло, мабуть, якась як не четверта частина, отако шось. [...]

Б.Ю. – А що робили після смерті батьків, якщо залишалися діти? Що з ними робили?

Г.М. – Я все беру свій куток, я ж далі не знаю, не було. Ну, хто зна? Я не пам'ятаю, щоб здавали це у детдом який.

Б.Ю. – Може, допомагали родичі, забирали?

Г.М. – Можливо, була частина таких. Шось як воно більшість голодувало, як воно візьме, як у них самих немає, чим прожити? Ото таке.

Б.Ю. – Чи допомагали люди один одному під час голоду, чи ділилися під час голоду продуктами?

Г.М. – Деякі ділилися, звичайно, а в кого не було чим поділитися. Ото таке. [...]

Б.Ю. – Як місцеве керівництво пояснювало те, що відбувалося? Ось голод як вони пояснювали?

Г.М. – Керівництво наше... А що вони і самі не знали що, їм приказ такий, оце воно все зробить і все. І вони своїх таких находили дураків, і ото виконували, а ці ото виконували завдання їхні, і більше ніякого нічого не було.

Б.Ю. – Як самі люди пояснювали ці події?

Г.М. – А що самі люди? Голодували, плакали, хотіли ш і дітей своїх не покинуть, і щоб десь достать і прогодувать, залишить живими. А такого що людям тим простим? А ті керівники що їм? За байдуже, було чим жить. [...]

Б.Ю. – А чи пам'ятаєте Ви голод 1946-1947-го року?

Г.М. – 47-го... Да, пам'ятаю 47-й рік, були одзиви, що дехто, мол, голодував. Я, наприклад, не голодувала, я вже була, я не голодувала, бо я вже робила, і нам давали по такий булкі хліба, не великі, но, кажуть, кілограмові чи більше шось отаке. І ми не голодували. Картоплю перекопували і колоски збирали. Такий голод, як у 32-33-му році, не був сильний, не був, ні. [...]

№ 43. – 2009 р., травень 1. – с. Партизани Приморського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Дудкою Федором Іоновичем, 1925 року народження, мешканцем с. Партизани Запорізької області, проведене Гурбич Мариною Сергіївною (БДПУ).

Гурбич М.С. (далі – Г.М.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові.

Дудка Ф.І. (далі – Д.Ф.) – Дудка Федір Іонович.

Г.М. – Хто Ви за національністю?

Д.Ф. – Українець.

Г.М. – Дата народження?

Д.Ф. – 5 листопада 1925-го року.

Г.М. – Місце народження?

Д.Ф. – В селі Партизани.

Г.М. – Яка Ваша освіта і професія?

Д.Ф. – Вища педагогічна – вчитель початкових класів. [...]

Г.М. – А як саме Ваша родина вела господарство: худоба, земля?

Д.Ф. – А ми жили на території колгоспу ім. Кірова. Ну, до війни, під час голоду, цей колгосп тільки створився. Колгосп ще був слабкий. Була ферма тваринницька і у людей були, но не у всіх. У нас, пам'ятаю, була коровка ряба, худа-худа. Тоді ж кормів не було. А коли прибув один наш місцевий житель, Боровко Прокіп із Кубані, приїхав із дружиною і з дитиною, тут щоб доживати у нас трудний вік. Так він приходив купити молока, а доїли корову – всього стакан надоїли, 200 грам. Що ти будеш продавати? А своїх четверо було. І він розказував, що: «Там я був – трудно, а тут ще трудніше». Зібрався і поїхав на Кубань знову.

Г.М. – А як з'явилися перші колгоспи у Вашому селі?

Д.Ф. – Я участі в їх створенні не приймав. Ну, із розповідей знав: ініціаторами, керівниками колгоспу були заможні люди – Дрижаї і Штани. Прізвища Штана, Дрижай. І був один тут якийсь хлопчисько, тридцяти тисячник чи що, жив на квартирі у голови колгоспу. А бабка Параска любила похвастатися і сказала, що: «Не дивись, які оце колгоспи, вони своє діло зроблять. Вони ось іще трошки...» Він це все переслухав і зник. Кинулись його шукати – не найшли. Він виїхав. А вскорі приїхали органи і всіх організаторів арештували. І вони відсиділи свій термін. Бо вони хотіли, щоб колгосп створить, а потім – ліквідувати його. Щоб не виправдати оце... справу колективізації.

Г.М. – А люди хотіли добровільно вступати в колгоспи?

Д.Ф. – Ну, середняки вступали. Перша в нас була створена, називалась «Комуна», «Зоря», на східній окраїні села. Там вирощували овочеві культури. Переважно славились капустою – дуже великі головки були. Керував тим Миколи Кульміча дідусь – Панасенко Матвей Фьодорович. А організатором молоді був наш Василь Фьодорович Савченко покійний. Туди його рекомендували. Середняки

заперечували проти створення колективної праці, вони тільки стали на ноги становиться, получили ж земельні паї. Середній клас... Вони були протів колективізації. А бідняки йшли. Вони йшли з чистими і голими руками. Трудно було, но уже наприкінці першої п'ятирічки, перед Першої світової... Великої Вітчизняної війни, колгосп Кірова уже був міліонером, мав мільйон чистого прибутку. 1-го травня 40-го року на площі уже було масове гуляння: каруселі там, гойдалки – все. Голова колгоспу брали в аренду в Бердянську. Два дня люди святкували. Уже копійчина була у колгоспу. Уже люди почували перевагу колективної праці над індивідуальною. Таких... не заможних, дуже багатих куркулів не було. Були просто заможні середняки. Це Дрижай, Штана... Ну, їх ніхто не розкуркулював. Вони... хто ото начав шкодить – попали в тюрму, а хто десь виїхав та і все.

Г.М. – А що було з тими, хто не хотів вступати в колгоспи?

Д.Ф. – Ну, тих, хто почув, в період НЕПу почувствовав, що у них є земелька і своє власне господарство – то середняки. А їм жалко було в колгосп отдавать те, що в їх єсть: реманент, худобу. Бо перші члени колгоспу були безземельні, безхудобні, біднота. А цім уже жалко було в комуну віддавать своє, власне. Ото вони і заперечували. Таких великих, сильних протидій не було.

Г.М. – А коли почалося розкуркулення в нашому селі?

Д.Ф. – Ну, я точно не пам'ятаю, я ще ж був малий. Ну, десь, мабуть, коли почалась колективізація. Тоді спочатку СОЗи створювали, «Спільний обробіток землі». Ну, щось... колгосп – це більш складна організація, а то маленькі організації були. От в той час хто супротивився, хто не хотів йти в колгосп або не хотів сплачувати податки – ото їх і притягали до відповідальності. А яка відповідальність – більшість з них виїхала в Донецьк, Маріуполь. Там влаштувалися, жили і працювали.

Г.М. – Були у нашому селі комітети незалежних селян, агітатори?

Д.Ф. – Був. Був. Сало Кость Несторович був головою комітету незаможних селян.

Г.М. – А чим вони займалися?

Д.Ф. – [Сміється]. Чим зацікавлювались? Організовували, як могли, допомогу бідним. Тим, що зовсім обездолені.

Г.М. – Коли Ви вперше почули слово «куркуль» і що тоді розумілось під цим словом?

Д.Ф. – Я точно не пам'ятаю, коли. Тоді, коли це діло творилося, я вже в школу починав ходити. Ну, куркуль – це багата людина, яка не підтримувала оцю соціалістичну перебудову сільського господарства, яка дотримувалась своїх традицій працювати на землі. Вони не просто були багаті, вони були і працьовиті. Це треба запам'ятати. Вони працювали на землі самі. Не тільки людей наймали. Переважно у нас, особливо молодь, ушла в найми, на заробітки у німецьку колонію Штукар, недалеко од станції Єлизаветівка. Туди ходили сезонно, в болгарські села. Мій покійний батько працював мірошником у Маринівці – це болгарське село.

Г.М. – А пам'ятаєте Ви про Голодомор 32-33-го років?

Д.Ф. – Пам'ятаю.

Г.М. – Що говорили про причини цього явища?

Д.Ф. – Ну, говорили, неврожай. Ну, хто що міг шось з одяжки чи господарства продавали і ходили пішки в Бердянськ. Там продавали печений хліб. У будочках таких, ларочках. То там, то там. От вони, мужики, дорослі, збиралися три, чотири, п'ять чоловік і йшли пішки в Бердянськ. Вставали, де продається хліб. Купляли. Бувало, й білі такі, пишні паляниці, а бувало, такий чорний, гливкенький, а проте ж хліб. Який достанеться. І ото стоять в черзі. А ото, що вже купили, в сторонці хтось стереже. Ці купили... стерегти, а ці... і отак ото...за день накупляють так три-пять чи скільки хлібинок і гуртом ідуть обратно. В одиночку їти опасно було, бо хтось же мог одбити. Ну, ото по кусочку ділили. Пам'ятаю, було принесе батько, по скибочці одріже. Ну, білий він-то

білий, так його не чуть було в роті, а той поїси... Но в волю їсти не давали – потрошку. Інший раз, як принесе багато, щоб не поцвів, не почерствів – на сухарики посушим, а потім вечором сухарики водичкою поллють і пір'їнкою постним маслом помажуть, присолять – називалось «потапчики». Поїли трошки – ото вже і повечеряли. А в колгоспі... ну, не було чим. Качани були маленькі... Виписували колгоспникам, хто бідний. Там вже на всякі тертушки, та такі ступки – хто як. Хто одіб'є, отсіють мукичку, шось зварять – називалась «мамалига». А крупу, якусь шліхту зварять, супчик. Отак перебивались. Бурячками помагав колгосп – чим міг. Ну, багато допомоги не було від колгоспів, потому що амбари були пусті. [...]

Г.М. – А на городах люди що в цей період сіяли?

Д.Ф. – На городах садили хто що міг, у кого що було. А в кого не було – пустували городи.

Г.М. – Під час голоду забирали зерно, худобу?

Д.Ф. – Худобу, я знаю, у нас була коровка – ніхто не забрав. А зерно... у нас нічого було брать. У колгоспі забирали і, може, у тих заможних селян брали, бо в їх було що взять. А в нас нічого було брать, і в нас нічого не брали. А в кого було – в тих брали.

Г.М. – Чим пояснювали те, що забирали зерно?

Д.Ф. – Ну, треба було державі. Треба державі було.

Г.М. – А не знаєте, що було з тими людьми, хто не хотів віддавати зерно?

Д.Ф. – Забирали силою і не питали, хочеш чи не хочеш.

Г.М. – Ви щось знаєте про «чорні дошки»?

Д.Ф. – Не знаю.

Г.М. – Що було з тими, хто одразу пішов до колгоспів? Чи вилучали у них зерно?

Д.Ф. – Якщо в колгоспі було, не забрали його, то ділили колгоспникам на трудовні. Тоді не було грошової оплати, а писали трудовень. В залежності від того, які були нормативи. Можна заробить один трудовень, можна

заробить півтрудодня за робочий день, а можна і два і три трудодня заробить. А в кінці року на ці трудодні нараховували зерно – натуральна оплата була. Ну, щедрою оплата не була. Наприклад, голова колгоспу отримував 45 трудоднів у місяць, голова колгоспу 45 трудоднів у місяць. Бригадир десь у межах 30-ти – це трудодень у день. Колгоспники заробляли і більше, і менше. Ну, під час збирання врожаю, я це добре помню, на колосках були жучки, називались «жукуська» – це ходили ми, собирали в бутілочки, а вечором сдавали. Збирали і колоски в кульочок. Це цілий день ходили по ниві. Жара, босоніг, ще й на стернюкі пальці надовбаєш, що кров тече з усього. А ввечері на лаві зважували і здавали. Тоді, як якась гривка на повороті, так там і... до драки доходило, бо кожен хоче вхопить більше. То вже як старший єсть, то вирве, щоб усім по трошку. По одному колосочку підбирали ходили.

Г.М. – А «Закон про п'ять колосків» діяв?

Д.Ф. – Що? Не знав я такого закона. [...]

Г.М. – Знаєте щось про випадки жебрацтва в цей час?

Д.Ф. – Хто його зна, як Вам сказати? Були люди в селі пухлі, голодні були, були такі, що йшли десь на заробітки. Ось навпроти сусід, Науменко Павло, він на рік старший мене, десь пішов із Погоріловим Семеном, і вони не повернулися. Пішли на заробітки, а де вони ділися? На Кубань усі йшли, на Кубань.

Г.М. – А можна було покинути свою місцевість і піти кудись працювати?

Д.Ф. – Да, можна було. Їх ніхто не держав. І в город ходили, і в Бердянськ скуплялись. Ніхто не затримував. Знали всі, що це сільські мужики, знали, що в їх там, не одну вони хлібину беруть, ну, і знали, що вони із-за голоду на це ідуть. Так що їм не забороняли. Тіки біля будочки не стій з отими мішками, а мішки в сторону.

Г.М. – Були в селі люди, які не голодували?

Д.Ф. – Та, мабуть, були. Бідненько жили, но не голодували. Оті, що були середняками під час НЕПу, коли

земелька була, вони робили, в їх запасик був. Десь у землю заривали і потрошку їли.

Г.М. – А були у цей період місця, наприклад, базари, де можна було б щось купити або продати?

Д.Ф. – Базар був два рази на тиждень: у четвер і неділю.

Г.М. – Навіть у період голоду?

Д.Ф. – Навіть, да. А от тіки що на базарі було, я не знаю. Якщо було що продавати, так не було за що куплять. І таке могло бути.

Г.М. – А як Ви думаєте, в період голоду де краще жилося людям: у селі чи в місті?

Д.Ф. – Не всім там жилося добре, не всім і тут. Бували випадки, що йшли із села в місто, а бували випадки, що йшли із міста в село. Із міста в село йшли – збували якусь одежинку, щось таке продавали. Тому що в селі купити одяг було занадто трудно. Не було його в магазинах. Так от, міські люди збували одяжку, а сільські – хоч купляли, хоч на щось міняли. Все ж таки, як-не-як держали скотинку, переважна більшість держали скотинку.

Г.М. – Скільки людей померло у Партизанах під час голоду?

Д.Ф. – Скільки померло – не знаю, но таких випадків, щоб мерли і на улицах лежали, не було, мертві... не було, я не пам'ятаю. [...]

Г.М. – Допомогали люди один одному під час голоду? Ділилися продуктами?

Д.Ф. – Ну, ділилися. Рідня, родичі, там друзі, конешно, ділилися.

Г.М. – А продовжували святкувати свята?

Д.Ф. – Святкували все рівно.

Г.М. – Навіть у голод?

Д.Ф. – Святкували, да, і в голод.

Г.М. – Як місцеве керівництво, що було тоді в селі, пояснювало це явище: нестачу продуктів?

Д.Ф. – Неврожай.

Г.М. – А як люди самі вважали?

Д.Ф. – А люди бачили це і знали, що неврожай. Я вам казав, що качанчик... качани виписували... кукурузи, людям потрошку давали. Отакі були... маленькі.

Г.М. – А змінилось Ваше повсякденне життя під час голоду?

Д.Ф. – Ну, як хто міг. Школа працювала, в школу ми ходили, як не було бідно, трудно, а ходили. Свята були. Тіки скромненькі, бідненькі, но були. Без пишностей... А люди співали, веселились, на те ж воно і свято було.

Г.М. – А знаєте Ви якісь вірші, пісні, приказки, які розповідають про події голоду?

Д.Ф. – Були, но вони були суворо заборонені. За них суворо наказували. Вони були антидержавні, антипартійні, тому за їх наказували. Я не... дві таких пісеньки знав... Я не вважаю за потрібне їх говорити.

Г.М. – Згадували про події Голодомору у Вашій родині згодом?

Д.Ф. – Коли збиралася родина якась, безумовно, згадували, як пережили. Ділилися досвідом: як, хто, де був. Не всі в селі були, хто де. Комусь було краще, комусь гірше. Ділились досвідом. Ну, таких бунтівних проявів не було. Всі вважали і погоджувались з тим, що це був просто неврожай. [...]

№ 44. – 2009 р., серпень 22. – с. Партизани Приморського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Довгалем Іваном Опанасовичем, 1928 року народження, мешканцем с. Партизани Запорізької області, проведене Бойко Юлією Федорівною (БДПУ).

Бойко Ю.Ф. (далі – Б.Ю.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові.

Довгаль І.О. (далі – Д.І.) – Довгаль Іван Афанасійович.

Б.Ю. – Національність?

Д.І. – Українець.

Б.Ю. – Дата народження?

Д.І. – 1928-го року, 5 сентября.

Б.Ю. – Місце народження?

Д.І. – Партизани, село Партизани.

Б.Ю. – Яка Ваша освіта?

Д.І. – П'ять год, а, п'ять класів, как же, до войны. Война началась, всё, кончилось учение наше.

Б.Ю. – Професія?

Д.І. – Працював, ну, со школи, пошол в 44-му году по 45-й у курси трактористов, а потом механізатором, до самої пенсії, механізатором. [...]

Б.Ю. – Яким було господарство Вашої родини в часи Вашого дитинства? Там земля, город?

Д.І. – Ну, било, була худоба і била земля, у деда моего і в баби. Єго убіла косарка, а баба осталась. А дед, мать... Мне два года било, как нас розкулачивали, розкулачивали. Забрали всё. Стояв посеред хати такой бочоночек і раньше пасльон сушили. [...] Ну, сушиний пасльон... А мне два года, бач, запомнилось лучше, чем сейчас... І он ходе по хоте і каже... Когда нам у двери постукалі баба каже (ну, уже знала, шо пришлі): «Надевайте побільше на себе!» А мать понесла там через дом (там телятник) подушкі, одіяла, хотіла там заховать, ну, а там уже на дворе сліділі і забрали всё. А он говоріт: «Наверно, і етот пасльон заберьом». От такая била жизнь наша. [...]

Б.Ю. – Коли почалося розкуркулення в нашому селі?

Д.І. – Ну, отето ш...

Б.Ю. – То це коли Вам було 2 роки?

Д.І. – Да, в тридцатіє годи. [...]

Б.Ю. – Кого розуміли під словом «куркуль»?

Д.І. – Ну, куркуль, ето ш, наверно ш, багачі; раз он багатий, значіт, он куркуль. Такая вещь.

Б.Ю. – А чи пам'ятаєте Ви Голодомор 1932-1933-го років?

Д.І. – Ну, отето я говорю: есть било нечего, ми жили на квартирї, мать работала УЗРК називалось ето, от Бердянського підприємтя якогось. Ото там варили, шо нам

мать приносила, ото ми тем і жилі. Сама недоїдала, а нам... нас виращівала.

Б.Ю. – А скіи у Вас було дітей в сім'ї?

Д.І. – Нас било трос, но одна згорела, пожар бил у хаті, средняя девочка, сестра згорела, а старшая сестра обожглась, но вижила. [...]

Б.Ю. – А що говорили про причини Голодомору? [...]

Д.І. – Хто його знає... хто говорив, що спеціально був Голодомор здоланий, ну, щоб людей унічтожить. Чи правда ето, чи не... [...]

Б.Ю. – А як аргументували люди, які вилучали власність, свої дії?

Д.І. – Кажуть же, що нада помочи стране, здавайте і всьо. А куда ето пошло? Я сам бил на лошадях работал, а там заставлялі, по дворах езділі оні, одбіралі, забрали зерно у бричку, а я ж возіл.

Б.Ю. – А куди звозили все, що забирали у людей?

Д.І. – У етот, у ангар, а куда оно ішло, не знаю: чи в государство, чи куда.

Б.Ю. – А що було з тими, хто не хотів віддавати зерно?

Д.І. – А от такая била система, що «не хочу» – не було такого, уже как переживалі, а сопротивленія нікакого не било. Власть! А власть – ето есть насіліє. Нікто не сопротивлялся.

Б.Ю. – Чи відомо Вам щось про «чорні дошки»?

Д.І. – Такого я не знаю. [...]

Б.Ю. – Чи чули Ви «Закон про п'ять колосків»?

Д.І. – У нас билі такіє дві женщины, у бутилі брали на току зерно. І заявілі, і їх суділі, не знаю по скоко год... Там, где она сидела, моя тьотка, от на днях приежалі аж с Ухви, оні там сиделі, тепер родичаются. І вместе в тюрмі сиділи. Ну, приїжає сюда... Там вона вийшла замуж за того, що тюрмой заведує, так і живуть.

Б.Ю. – Як виживали, чим харчувались під час голоду? Що люди їли?

Д.І. – Шо попаде: і картошку гнилу, і вибирали, і шо шо хочеш, макуху елі, такую макуху хоч їли ще нічо, а от хлопяную із хлопка і есть хочеться... Каждый человек... І умірالی от етого, од голода.

Б.Ю. – Чи знаєте Ви випадки жебрацтва в цей час?

Д.І. – Та било у нас, приходили с пікамі, зерно із ями виривали, а потом через пару дней ходять: «дай милостиню».

Б.Ю. – А як ставились до цих жебраків, хто вони? Вони були месні чи не?

Д.І. – Да, месні.

Б.Ю. – А як ставились, допомагали чи в самих нічого не було?

Д.І. – У кого є, той дав, а у кого не було, шо той дасть? Сам голодний. А той просіг. У нас било такое, шо одна жєнщина ходіла, а он у него било трохи, Роман С[...] там у Кірові, там і помер, так он і жєнщину убіл... ну, больной человек.

Б.Ю. – Чи можна було покинути своє село і піти на пошуки їжі?

Д.І. – Било, езділі, а у етот, та як його, в Росії сєйчас, ось на Кубань езділі люді, купляли чи хтозна-шо міняли, і ото кормилися отім усім.

Б.Ю. – А чи були в селі ті, хто не голодував?

Д.І. – Таких я не знаю.

Б.Ю. – А чи існував в цей час базар чи місця, де щось можна було вимінити, купити?

Д.І. – Бил у нас тіки в Кірові базар, заведующій по базару наш бил, шо заведувалі цим делом возлі сєльського совета.

Б.Ю. – А Ви так робили, на базар ходили, щось купляли, міняли?

Д.І. – Я ходіл несколько раз токо з бабою, баба там носіла продавать кое-шо, а я с єю ходіл пацаном із-за любопитства. [...]

Б.Ю. – Скільки людей померло у Вашому населеному пункті під час голоду?

Д.І. – Ну, не знаю... даже, кажуть, що много, а скоко, що воно там... На ходу люди ішли, мерли. [...]

Б.Ю. – Чи допомагали люди один одному підчас голоду, чи ділитися під час голоду продуктами?

Д.І. – Ну, як тобі сказать, наведено, не, потому що кожен виживал, хто как може, вже не гляделі там на соседа. Аби сам вижить.

Б.Ю. – Чи продовжували святкувати свята і які саме?

Д.І. – Не, ніхто етим делом не заімався в ето время. [...]

Б.Ю. – Як потім згадували і у зв'язку з чим події Голодомору у Вашій родині та селі?

Д.І. – Та ніхто за ето не згадував; прошло... Вижили ото так і жили, хто как смог. Ну, канешно, другіе за щот другіх наживались, а другіх топілі. [...]

Б.Ю. – А чи памятаєте Ви голод 1946-1947-го року?

Д.І. – Ми не голодували.

Б.Ю. – А в селі не голодували?

Д.І. – Голод бил, но не большой [...].

№ 45. – 2009 р., лютий 6. – с. Дмитрівка Бердянського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Мельниковою Марією Леонтіївною, 1924 року народження, мешканкою с. Дмитрівки Запорізької області, проведене Павлюк Аліною Сергіївною (БДПУ).

Павлюк А.С. (далі – П.А.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові (дівоче прізвище). Національність.

Мельникова М.Л. (далі – М.М.) – Мельникова Мария Леонтьевна. Девичья фамилия Рекотова. Мы вообще-то русские, но стали все украинцами.

П.А. – Дата народження?

М.М. – 1924-го года рождения, 14 февраля.

П.А. – Місце народження (яке саме село, район, область)?

М.М. – Село Дмитровка, Бердянский район, Запорожская область.

П.А. – Яка Ваша освіта і професія?

М.М. – Образование 4 класса. А профессия – все разные работы мои.

П.А. – Як звали Ваших батька та матір, діда та бабу? Якої вони були національності?

М.М. – Отец – Рекотов Леонтий Маркович, а маму звали Анна Фатеевна Митрофанова. Бабу и деда не знаю. Были они русские. Это же суда Екатерина II завезла Курский край. [...]

П.А. – Яким було господарсто Вашої родини в часи Вашого дитинства (земля, город, худоба, птиця тощо)?

М.М. – Худоба была, две пары лошадей, подростки... лошадка, две коровы, и подростки были. И когда коммуны создавались, мы двое лошадей отдали, та лошадей всех отдали, корову отдали. И они бежали пастись на луг и все забегали к нам во двор. Красивые были лошади, звездочка на лбу и две ножки беленькие, как в носочках. Это мое детство. Я помню, заборов раньше не было, были канавы они назывались, из кирпича-коровяка. А ворот не было. Забегут во двор – и на луг. Поросенок был. Птица, курочки были. Землю тогда давали, я не знаю, сколько. Давали кусок под баштан. За Обеточной, речка у нас, там давали всем по куску для картошки, перец, синие. Там садили такое, что поливалось. Я даже помню, как ездили бричкой своей, собирали помидоры, перец.

П.А. – Як з'явилися перші колгоспи у Вашому селі? Чи люди хотіли добровільно йти до колгоспів?

М.М. – Кто добровольно шел... Наша семья тоже сразу пошла. Многие не шли. Просто боялись его и жили долго индивидуально. Колхозы начали образовываться, такие коммуны. Здесь недалеко сделали как бы бригаду, провели радио, тогда еще не было его. Обеды делали. Я знаю, что родители давали продукты, приносили, общий обед был. И вот так приучали: кто бричку привезет, и мы бричку, и красивую тачанку. И я все ходила смотреть, малышка, бегала туда и говорила: «Это же наша тачанка!» Когда свадьбы гуляли, эту тачанку всегда у нас брали. Отец

сбрую красивую для лошадей сделал, с махорчиками, с кольцами такими.

П.А. – Коли почалось розкуркулення у Вашому селі?

М.М. – Розкулачивание началось, когда мне лет 8 было. Розкулачивали тех, кто своими силами работал. Дети не были ленивыми, отец их приучал. Паровое у нас тут было в селе. Все это делали, и камни нарезали. И я маленькая была, как брали меня с маленьким венчиком. Мука мелится, а я подметаю. И ветряки делали. Это наша семья такая способная была. Агитаторы были, рассказывали, привлекали хорошую сторону. И начали колхозы малые, малые, потом все больше и больше. Набрался большой колхоз. В этом селе было четыре колхоза. Наш колхоз «Ленина» был, там, где дом культуры – «Коминтерный», и «Курганский», а четвертый не помню. А потом соединили в один.

П.А. – Коли Ви вперше почули слово «куркуль»? Кого розуміли під цим словом?

М.М. – Это же богачей называли куркули. Они их розкулачивали, вот эти наши агитаторы и разные, тех, что посылали. А они домой вешали ковры, такое.

П.А. – Чи пам'ятаєте Ви Голодомор 1932-1933-го років? Що говорили про його причини?

М.М. – Ой, помню добре! Никому не желаю. И прошу этих всех наших вышестоящих голов, чтоб не допустили до второго Голодомора. Как же мы страдали! Мы из хлопка кушали зернышки, цибуля где была, мы ее пекли. А хлопок был, у нас он плохо рожал, но в то время был он. И когда коробами завозим, там собирают, а в зиму, осенью завозят коробами, чтоб мы эту белую ватку выбирали. Если кукурузина в коробе попадется, а мы роем, ищем, скупаем кукурузки, и то это считалось хлебным. Голод я помню. Сколько у нас тут в селе умерло людей! И у нас брат умер, мальчик. Мы как девочки. Он помер, ему лет 14 было, высокий такой был подросток. Мы малые были, на нас как-то не это. Он, наверное, с голоду помер. Это все

сделано было искусственно (голод). Так все говорили, и я говорю. Чтоб много людей ушло из жизни этой. А для чего – не знаю.

П.А. – Чи відомі Вам випадки боротьби з голодом?

М.М. – Вот так и боролись. Не выломанная кукуруза, техники не было. И мама ходила аж в шпикарь, где-то 10 км, там оставалась кукурузка. И сколько за день насобирает, и несла домой. У нас была мельничка такая, что крутит крупу. Варили кашу, гарбузики дома выращивали, бураки на терку мама, сахарные, делала повидло к чаю. Сахару, можно сказать, я помню, головы такие синие, хорошие, самые первые, сахар самый качественный. А как настоящий голод был, сахара мы не видели, а сахарин – маленькие таблеточки. Мы просим у мамы еще по одной таблеточке, а он сладкий-сладкий. А мама говорит: «Нельзя, дети, сердце будет от него болеть, это на сердце влияет». Может быть, она внушала так нам. Но чай мы пили с этими маленькими белыми таблеточками – сахарин.

П.А. – Як відбувалася посівна, де брали зерно під час голоду? Що люди сіяли у себе в городі у цей час?

М.М. – У кого была лишняя пшеничка, и мы сдавали. Пшеничку сдавали трошки на посевную, ячмень, просо (пшено). И все люди, кто мог, то и сдавал. А те, кто не пошел в колхоз, они закапывали в ямы, там искали и забирали с концами все. А такие, что пошли в колхозы, те отдавали сразу, как и скотину. Своими силами сеяли, было же и плуги, сеялки были или нет, но знаю, что мой отец рассыпал из мешка. Сеяли руками. А потом это все преобразовалось. Это сейчас трактора, а тогда сеялки, плуги, за плугом надо ходить, коня водить. У себя в огороде картошку сажал, буряк сеяли, помидоры. Все, что можно. Квасоллю...

П.А. – Хто забирав зерно, худобу та крім і як це відбувалося під час голоду?

М.М. – Да, самовольно были тут такие люди, что забирали. У кого что-то лишнее, даже забежали в хату и варево даже забирали. Это были люди наглые, но не все шли в такую организацию.

П.А. – Куди звозили все це і що з ним робили потім?

М.М. – Нам не говорили, куда они забирали, мы знали, что ковры забирали – у них дома были. Ну, не знаю, куда свозили, забрали и все. Дома плач, крик, а они повезли. Куда – никому не известно. Они забирали насильно.

П.А. – Що було з тими, хто не хотів віддавати зерно?

М.М. – Как это: не хотели? Забирают.

П.А. – Чи відомо Вам про «чорні дошки»?

М.М. – Про черные доски я не знаю.

П.А. – Що було з тими, хто одразу пішов до колгоспів? Чи вилучали у них зерно?

М.М. – У всех брали зерно, мы сами отдавали на посев. А если они проверяют, что лишнее, да хоть и лишнее – забирают. И куда они свозили – не знаем, это только они знают.

П.А. – Відомі Вам випадки приховування їжі та краму під час голоду?

М.М. – Конечно, прятали, тогда очень не было одежды. Ткани такие были, рядна. На ряднах мы спали, сами ткали.

П.А. – Чи чули Ви, що таке «Закон про п'ять колосків»?

М.М. – Да, слышала. Я сама собирала. У нас даже во дворе погреба были, и погреб этот мазался глиной. И вот мама замесила глину, конский навоз туда надо ложить. Конский навоз ложили и коровяк ложили, чтоб не так размокало от дождя. И вот в конском гное был ячмень или пшеница. Мама помазала, пошли дожди и оно взошло на этом погребке. И нам приписали, что мы специально посеяли. Была тягонина за эти колоски. Видно, скотину кормили, и оно еще не переварилось и взошло.

П.А. – Як виживали, чим харчувались під час голоду?

М.М. – Питались кто чем мог. Цибулю варили, ели, бурак, гарбузы. Мама бурак на терку терла и делала нам повидло

к чаю. Различные лепешки, супы варили. Траву. И очень сильно наш район спасло море. Рыбу жарили, варили, ели. Пойдем на море... И мы ходили. А силы нужны были, чтоб дойти. Пока шли – отдыхали, на траве лежали. Сколько мы там могли донести? Немного, несколько килограммов.

П.А. – Чи знаєте Ви випадки жебрацтва в цей час? Як ставились до цих жебраків, звідки вони були?

М.М. – Ходили. Были такие люди, обязательно были. Но мы делились с ними, гарбуза дадим, и они благодарили, сырой ели. Мама хоть сварит. Особенно мужчины были. Люди старались как-то помочь этим людям. Все было открыто. Зайдут – им и супа нальют. Мама моя наливала. Что же делать? Делились. Не знаю за всех, но многие делились.

П.А. – Чи можна було покинути свою місцевість (село, місто) і піти на пошуки їжі та роботи?

М.М. – Да, можна было. Мой отец на поиски ездил в Бердянск. Он крыши людям перекрывал. Инструменты какие-то делал, пилки точил. И там зарабатывал и домой что-то привозил. Что-то скупится. Или хлебушка, или крупы. Море нас спасало много. Если бы не море, люди бы все поумирали. Бычки рыбаки давали просто так, савки большие были, лишь бы донести домой это все. Мы маленькие были, нам по пол совочка, и несем за 7 км домой. Сколько раз отдыхали по пути, пока домой дойдем! Пекли бычки на жести без соли, без ничего, и не чищенные, и не мытые. Ну, благодаря этому мы выжили. Это кто возле моря, эти больше всего люди выжили.

П.А. – Чи були в селі ті, хто не голодував? Хто вони були і як вони жили?

М.М. – Были. Простые люди. Но у кого огороды были на гору, то урожай был плоховатый. А вот на эту сторону, на низах, были у людей сады, вот они были заможнее. Они и в колхоз не ходили раньше вместе со всеми. Вот мы считали их заможными.

П.А. – Чи існували в цей час базари або місця, де можна було щось купити, виміняти? Чи Ви так робили?

М.М. – Ходили, у нас где какое зернышко, мы меняли. У меня отец менял и платище. Одежало меняли. У нас же было своего немного хозяйства. Ну, где какое лишнее – всегда меняли. Базарчик был тут у нас в Дмитровке небольшой. Кто картошку вынесет, кто другое. Продашь и другое купишь.

П.А. – Як в цей час виживали люди в селі? Де, по-вашому, легше жилося людям: у селі чи у місті? Чому?

М.М. – Так и выживали. Я это не знаю, я была маленькая. Мама моя еще девушкой служила в Бердянске. И готовила им, сразу детей нянчила. Потом взяли ее готовить. В Бердянске были заможные люди, это Бодровы, Цукармановы. «Как, с чего это Цукарман?» – я маме задавала такой вопрос. А мама говорит, что у него был сахарный завод, может быть, поэтому называли его Цукарман. Бодровы там, где мама служила, очень хорошие люди. Они нам помогали и в голод. Этот хозяин, что мама служила, он сторожем был, охранял магазин. Хлеб привозили аж из Полог. Белый, большой красивый хлеб. Но не всем доступно было его купить. Черный разбирали, а белого нам... Что мама везет в город, продаст, тачкой возили. А хоть булку белого купит. И резали по паечкам, резали, но на каждый день чтоб что-то было скушать.

П.А. – Скільки людей померло у Вашому населеному пункті під час голоду?

М.М. – Ну, я за это не знаю. Я знаю, что умирали тут и на нашем краю. Умирали, и больше умирали мужчины. Им нужно было питание. Вот большие два парня на краю села умерли тоже с голода. Не хватало им еды. Слабели, слабели, и конец пришел.

П.А. – Що робили з померлими під часу голоду? Якщо після смерті батьків залишались діти, що робили з ними?

М.М. – Умерших хоронили сами. С детьми, которые оставались, их забирали в приют. Вот, например, одну

нашу жительницю, она в бутылку набрала зерна, а мама моя с ней работала. И этой женщине дали 5 лет. И дети остались или 2 или 3. Им-то помогали, а потом забрали в детские дома.

П.А. – Чи допомагали люди один одному під час голоду, чи ділилися продуктами? Чи продовжували святкувати свята (які саме і як)?

М.М. – Сосед соседу помогал, если жили в мире. Помогали, кто мог, тем помогали. Праздники всегда и при голоде отмечали. Даже семечек нажарят гарбузных – это в честь праздника. Вот если молитву расскажешь, мама тебе добавит семечек. Просили Бога, чтоб выжить. А кто плохо расскажет, тому пол стаканчика. Праздновали, это было законно. Вроде как Богом создано эти праздники. [...]

П.А. – Як потім згадували і у зв'язку з чим події Голодомору у Вашій родині, селі?

М.М. – Обязательно вспоминаем и сейчас. Как было страшно голодовать. Сейчас дети этого не видят, и не дай Господь, чтоб кто-то увидел!

П.А. – Чи пам'ятаєте Ви голод 1946-го? Що пам'ятаєте? Розкажіть докладніше.

М.М. – 1946-й год, это было немного лучше, не сплошной голод. Может, не для всех. Я в 1947-м году замуж выходила. Нам на свадьбе, мой крестный был мирошником и подарил 1,5 кукурузы. Мы рады были и его почитали всегда. Он в селе Шевченко жил. [...]

№ 46. – 2009 р., лютий 13. – с. Дмитрівка Бердянського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Поповичем Валентином Спиридоновичем, 1931 року народження, мешканцем с. Дмитрівки Запорізької області, проведене Павлюк Аліною Сергіївною (БДПУ).

Павлюк А.С. (далі – П.А.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові. Національність.

Попович В.С. (далі – П.В.) – Попович Валентин Спиридонович. Українець.

П.А. – Дата народження?

П.В. – 1931-й год 9 мая.

П.А. – Місце народження?

П.В. – Город Бердянск.

П.А. – Яка Ваша освіта і професія?

П.В. – Ну, образование 11 классов. Специальность столяр, а потом закончил техникум строительный, техник-строитель. [...]

П.А. – Розкажіть докладніше про населений пункт, де народились Ваші батьки (яким він був – опишіть).

П.В. – Ну, по маминой линии – Ногайск, это районный центр, в то время это было просто село, сельскохозяйственной деятельностью занимались. По отцовой линии – он родился в Николаеве, тоже из семьи кулака. Это уже потом выяснилось, при советской власти. Раскулачили их, семья очень большая была. Разбежались они кто куда. Ну, никого не выслали, вот. Папа мой отслужил армию и вернулся в город. И что его спасло? Что он вступил в армию, в Коммунистическую партию, и его как-то пронесла эти репрессии. А остальные все там остались. Как говорится, кто с голоду умер 32-33-й год, ну, остальные уже там.... Вообще... война. А сейчас практически там никого нет. [...]

П.А. – Що Вам відомо про колективізацію? И когда Вы впервые услышали слово «куркуль»?

П.В. – Ну, это уже когда учиться начал, пошел в первый класс, как бы учителя преподносили вот эту вот коллективизацию, как она была, куркули были и все прочее. Тогда, конечно, ну, что пацаны, что говорили, то и... так и воспринимали, как это должно. Только единственное [сміється], что я лично обратил внимание до войны, что учебники, например, второго класса, а уже пошел в третий класс, там уже народные комиссары там Бухарин, там Плехановы – они уже были перечеркнуты как враги народа. Следующий год – новый учебник, там, допустим, или тоже самый старый учебник, еще

перечеркнуты враги народа. И Троцкий там, и вот такое вот. Ну!

П.А. – Кого Вы все-таки понимали под словом «куркуль»?

П.В. – Ну, как нам приподносили – эксплуататор крестьян. На него крестьяне работали, на него, а ведь нам же, это сейчас... Та оно и давно было известно, и бабушка говорила мне, и мама. Тогда же Столыпинская реформа когда же была, он же поднял сельское хозяйство на очень большую высоту. Россия кормила всю Европу и больше хлебом! Семья... давал он деньги на кусок земли, на обустройственный инвентарь проще всего. Столько-то допустим соток, ну, тогда не сотки были, а десятины... Родился ребенок – плюс на ребенка, родился еще ребенок... И вот почему в селе были большие семьи: по семь, по восемь, по десять человек в семье. У них, естественно, были солидные земельные угодия, вот. А вот эта вот беднота, как тогда вот сразу же после революции создавались комитеты бедноты, но откровенно тебе сказать, это те люди, которые не хотели иметь семьи. Ну, вот такая вот прослойка, как у нас сейчас бичи, бомжи, ну, что-то наподобие этого. Они, естественно, работали, приходили ко мне, я их нанимал, кормил, поил, платил деньги. Но для того, чтобы сломать всю эту систему, надо же было кого-то ж обвинить, чтобы они были враги народа – кулак. То есть, он держит в кулаке все это. По тем меркам житель нашего села – настоящий кулак. Но он кормит, он дает работу, он вкладывает хоть какие-то деньги в наше село. Ты сама видишь! Но в то время такая жизнь была, он тоже кулак этот давал. А для того, чтоб его убрать, разгромить это все, создавались эти комитеты бедноты. И они решали: ага, вот у этого, значит, столько-то лошадей... Не смотрели на количество семьи. Там столько-то у него земли. Значит, его раскулачить. Приходили, за 2-3 часа выгребали все. И на выселение. Где-то сто с чем-то тысяч семей было только выслано в Сибирь, Казахстан, они и с голоду там поумирали, пока

осваивались. Почему? Потому что партия и Ленин сказали: «Земля крестьянам, рабочим фабрики». Ну, в итоге что получилась? Ты уже и сама представляешь! [Сміється]. Вот это вот тебе кулак. А никто не подумал о том, что самые ценные специалисты они были, хозяйственники, они умели, знали, как, что делать. Все это было уничтожено. А на замен... ты Шолохова «Тихий Дон» читала? Да! На замен двадцатипятидесяти тысячники пришли. Что этот человек мог знать в сельском хозяйстве, если их вот с Ленинграда, рабочих коммунистов? Человек на заводе работал тогда, и его присылают. Это очень хорошо отражено в его произведении. Как этому Нагульному доставалось, и как их стреляли там и вешали и прочее. Они не понимали, им надо было несколько лет, а ведь страна не ждала, когда это он ума наберется. Каждый год нужно было хлеб, мясо поставлять государству. [...]

П.А. – Чи пам'ятаєте Ви Голодомор 1932-1933-го років?

П.В. – Только по рассказам.

П.А. – Расскажите что-нибудь, что вот Вам рассказывали.

П.В. – Я родился... Мне вот мама рассказывала и крестная мама. Благодаря тому, что отец был член партии, он там получал какой-то паек. Но... на терке мама натрет бурака и в чулок [сміється], в рот мне заткнет, и вот это я смогтал! Тысячи, тысячи, тысячи отображения этого Голодомора я увидел в 46-м году. Точно такая же ситуация была.

П.А. – Что говорили о его причинах? Почему он образовался?

П.В. – А это было умышленно сделано, в наказание, как сейчас история подтверждает, ведь Украина хотела стать самостоятельным государством, и было и правительство, и прочее все! Это одно – задушили, присоединили, но на Украине очень тяжело коллективизация шла. Сопrotивлялись на Украине, как и на Дону, на Кубани, сопротивлялись, люди мстили, отстаивали свое добро, которое они наживали. Ну, представь себе: ты живешь в своем доме было, и вдруг тебе за два часа на бричку и...

Что у тебя будет? Вот и больше, сильней всего пострадала Украина. Был голод и на Поволжье, был и в других местах, но от семи до десяти миллионов потерять.... Я тут со старожилками разговаривал: села так повымирали, что если одна треть уцелела, например, 1000 человек, то если 300 уцелели, то это хорошо. Там куряне живут, из Курской области заселяли, там те живут, там те. И по сути дела здесь украинцев... Та кстати, твоя бабушка украинка? Тоже оттуда! Это их заполняли в те места, где вымерли люди. Уничтожали их. А землю же надо обрабатывать, вот их и вербовали, заселяли.

П.А. – А Вам известно про такой «Закон о пяти колосках»?

П.В. – Да. Десять лет без права переписки.

П.А. – Опишите!

П.В. – Вот этот закон вышел в 45-м году или в 44-м, я уже не помню. Голод, разруха. Во-первых, здесь же война прошла, там город пострадал, на 93 % был уничтожен. Сельское хозяйство тоже разбито, уничтожено. И когда наши пришли, освободили эти места. И те молодые люди, парни, которым повезло в жизни избежать расстрелов, их и тех взяли, забрали и угнали под Мелитополь, и там они все лежат и по сегодняшний день, все! Все, уничтожили, работать некому. Женщины запрягали коров, на коровах спаживали сошками, вот это вот землю. Сеяли лукошко, и вот это вот вручную засевали все. И если ты хоть жменю зерна спрятала в карман и принесла домой, потому что у тебя там дети голодные, уже траву и ту уже всю поели, и кто-то увидел, а наблюдали, смотрели, ...десять лет!!! Вот это убрали урожай, все... заметили, что там колоски пооставались. Ночью приходили и собирали или днем колосков собрали. И поймали. И все.

П.А. – Как выживали, чем питались вообще?

П.В. – Собственно говоря, здесь очень большую роль сыграло море. Рыбы было больше, чем воды. Это очень много. А в основном булка стоила тогда 700 рублей, это до Хрущевской реформы. Еще те деньги, которые были до

войны. А мой отец работал на механическом заводе Южгидромаш механиком энергопоезда, американский энергопоезд стоял, который вырабатывал электричество. 700 рублей. Вот такой вот кусочек макухи стоил 10 рублей. В 46-м году, когда весь народ из сел весной пошел на город, то здесь была мертвая зона, ни травинки, все было съедено. И вот на море кинулись, вот это тюлька. И пухлые все старики, дети, женщины – все на набережной на этой. Тогда она была не такая: ни домов таких, на горе был частный сектор. И рыбаки как вытасят этот невод, и они, бедные, хватают эту рыбу прям сырую, а если запивали... Водопроводов, воды было ограничено. Утром это обоз: дроги, брочки такие, на которых можно было там тону угля положить, то есть что-то тяжелое. И рано утром по рассвету вот эти вот дроги едут от порта и туда до Слободки, и вот так по всей набережной собирают трупы и увозят на кладбище. Там специальные траншеи, сейчас там стоит обелиск. Вот это вот тысячи, тысячи людей там погибших. Это не считая, что немцы тут.

П.А. – Были случаи, побирались, ходили?

П.В. – Нищих было... Во-первых, очень много калек было безруких, безногих. Очень много! Я лично видел моряка-черноморца без двух рук и без двух ног. И вот ему сшили такой из мешковины, и он через голову кувыркался.

П.А. – Можно ли было покинуть свой город и пойти на поиски еды, работы куда-то?

П.В. – Ну, после войны это да. А когда Голодомор был, из сел не выпускали. Никуда, в город не выпускали – расстреливали. Блокировали это все. Ну, здесь я не помню такого, верней, не знаю! Как по телевизору в документальных передают, особенно к границам России ты ничего не имел права передать, ни денег.

П.А. – А были такие, кто не голодовал?

П.В. – Номенклатура. Которые вот от горисполкома, горсовета и органы КГБ, МВД, ГПУ, они получали спецпайок. Закрытый магазин был, это все.

П.А. – Были базары, места, где можно было что-то купить, поменять?

П.В. – Было. Вот где в городе ГДК стоит, там до войны был рынок, большой рынок. Там и привоз был, высланный он был вот этой мостовой, которая осталась еще, вот возле Космоса не доходя, если сюда идти от горисполкома, вот это мостовая еще довоенная, дореволюционная. Вымощенная эта базарная площадь была, и там стекались все. Ну, тогда же и населения столько не было, тысяч 40 до войны было. И этого рынка вполне достаточно было.

П.А. – Где, по-вашему, легче жилось: в селе или в городе?

П.В. – Знаешь, мне как-то трудно определить. На сегодняшний день. Если у тебя в селе работа какая-то есть и кусочек земли, то тебе легче. Вот ты смотришь! А уже в городе у тебя основной поставщик на стол – это же рынок. Что бабушка привезет на рынок, ты пойдешь и купишь. То есть ты денег чуть не в половину больше тратишь на пропитание, нежели в селе. И здесь ты там какую-то простенькую вещичку одеда и пошла в магазин сходила. А в городе тебе надо в магазин сходить – уже одеться поприличнее. А это же надо купить, приобрести. [...]

П.А. – Как местное руководство объясняло то, что происходит?

П.В. – Ну, политработники читали на собраниях на предприятиях чуть ли не раз в неделю, что происходит, что нужно делать. Ведь правительская программа была пятилетку, там от этого до этого то-то надо сделать. Не то что сейчас. Что мы делаем? Мы сами не знаем, что мы делаем! И народу объясняли, что надо увеличить, выпуск каких товаров. И международную обстановку. Ну, конечно, там, наверное, очень много вранья было. Народ верил, народ рад, что война кончилась, рад был, что уже не надо смотреть на небо, откуда на тебя бомба упадет, снаряд упадет, мина взорвется. Их до сих пор откапывают.

П.А. – Как потом и в связи с чем вспоминали события Голодомора?

П.В. – Мало, мало об этом говорилось, и как таково вообще, на государственном уровне, такого вообще разговора нигде, ни в каких ни учебных заведениях... Это вот сейчас поднялась эта тема. А до этого, даже вот взять Соловки, эти вот ГУЛАГи Солженицына. Ты читала его? «Один день Ивана Денисовича» возьми прочитай! «Белая гвардия» – это Булгаков! Было много произведений, он же прошел вот эти вот все, понимаешь ты... ГУЛАГ – это расшифровать «Государственное управление лагерей», империя. Она охватывала нашу страну от Владивостока, север и аж до Мурманской области. При мне... я до войны, помню, мыло давали хозяйственное. Очередь стояла, большой дефицит был, вот такой кусочек мыла. Там по одному или по два куска в руки.

П.А. – А что Вы помните еще про голод 46-го года?

П.В. – Голод? Ого, еще как!

П.А. – Что помните, расскажите.

П.В. – [Сміється]. Карточная система, на взрослого, на рабочего он получал 750 грам хлеба в сутки, мать получала 500, а мы, по-моему, 350 грам – дети! И американцы что-нибудь из этого дадут, там масла кусочек, или еще чего-нибудь, какую-то консерву. А сельское население вообще ничего не получало. Можешь себе представить. Ну, что такое рабочему работать на 700 грам хлеба? Ни жиров, ни мяса. Это если бы не море, тут вообще была бы пустыня.... Каракумы. [...]

№ 47. – 2009 р., серпень 4. – смт. Комиш-Зоря Куйбишевського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Ревенком Леонідом Савичем, 1927 року народження, мешканцем смт. Комиш-Зоря Запорізької області, проведене Палій Світланою Володимирівною (БДПУ).

Палій С.В. (далі – П.С.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові.

Ревенок Л.С. (далі – Р.Л.) – Ревенок Леонід Савович.

П.С. – Ваша національність?

Р.Л. – Українець.

П.С. – Дата народження?

Р.Л. – 1927-й год. Називать число? 16 февраля 27-го года.

П.С. – Місце народження?

Р.Л. – Куйбишево. Куйбишевський район, село
Куйбишево. В Куйбишеві я народився.

П.С. – Яка Ваша освіта і професія?

Р.Л. – Чотири класи освіти.

П.С. – А професія?

Р.Л. – Кочегар паравоза. [...]

П.С. – З якого часу Ви живете в цьому населеному пункті?

Р.Л. – На Комиш-Зорі? З 1950-го года, як з армії прийшов.
[...]

П.С. – Яким було господарство Вашої родини в часи
Вашого дитинства?

Р.Л. – Яке господарство? Корова, свині і кури, а так більше
нічого.

П.С. – Як з'явилися перші колгоспи в Вашому селі?

Р.Л. – Це в 30-ты годи організовувались колхози. Багато не
хотіли в колхози поступать, виїжали. Ну, мій батько
поступив в колхоз то, а вже дядьки не хотіли поступать, в
Маріуполь виїхали, на Кубань, мій дід, так той на Алтай
аж виїхав, в одинадцятім годі виїхав. Другий дід рано
помер. Він колодязь копав, простудився і помер. Менші
брати його, Василь на Кубань виїхав у 31-м годі, а другий
вже в одинадцятім годі на Алтай як уїхав, і вже в 39-м
повернувся у наше село.

П.С. – Коли почалося розкуркулення у Вашому селі?

Р.Л. – Розкуркулення? У 29-му, 30-х годах. Ні,
розкуркулення, ще наших дідів розкуркулювали. А як
колхози організувались у 30-х годах, то не хотіли у наші
колхози йти, одіночно держали коні, своє хазяйство було.

П.С. – Чи були у Вашому селі комітети незаможних селян?

Р.Л. – А це що таке? Не ті, що ходили собирали, вибирали де клунки з зерном? Вони трусили. Це в голод. В 31-м, я знаю, ходили з піками, ширяли, забирали де зерно у кого оставалось. Ходили. А як же називали їх? Активісти ходили й трусили. Підвода ходила понад хатами та вибирали зерно, клунки, в кого що було, де квасолину, та все начисто вибирали.

П.С. – Коли Ви вперше почули слово «куркуль»?

Р.Л. – Куркулі. Це у 30-х годах куркулі.

П.С. – Кого розуміли під цим словом?

Р.Л. – Ну, багатих. Це самих багатих називали куркулями.

П.С. – Чи пам'ятаєте Ви Голодомор 1932-1933-го років?

Р.Л. – Помню, що от голоду їли. Сікли, бульйон варили, лободу сікли й кропиву, молочай їли, обчіщали, то кашка весною оце жовта, їли окацію, що цвіте білим, всю траву їли. Макуху оце доставали ми, макуху їли. Доставали висівки оці, так оце хліб робили трошки. Їли все чисто.

П.С. – Що говорили про причини голоду?

Р.Л. – Ну, неврожай був. [...] Неврожай був, балакали.

П.С. – Чи відомі Вам випадки боротьби з голодом?

Р.Л. – Всі чисто голодували у 33-м году. У мене дід ішов з центра, униз спускався, упав і кончився. Ноги попухли, вже ноги не носили. Так казали моєму батькові, що: «Іди, дядько лежить у балці». Знаю, що взяли ми возика. Ви возик знаєте? Поїхав, дядька забрав, одвіз додому. Вже й не помню, як його ховали, знаю, що од голоду помер дядько. Ішов з центру, вниз спускався у балку, де ставок, стежка була і кладка, так він і до кладки не дійшов, упав і лежав, помер. Знаю, що батько возиком їздив і забрав його, додому одвозив.

П.С. – Як відбувалась посівна, де брали зерно під час голоду?

Р.Л. – Ну, може, еліатор. На еліатор возили. А дома сіяли. Кажен трохи заготовляв. Серед городу закопували ми, а весною откопували, і ото сіяли. Знаю, що батько вручну сіяв, засівав на городі, загібав.

П.С. – Що люди сіяли в городі під час голоду?

Р.Л. – Та все чисто доставали. Їздили у Полтаву і звідтіля привозили. Вроді би саме краще люди жили у Полтаві. Їхали, добували. Дома хто й приховував то картошку, то жито особливо сіяли, пшеницю не дуже. Чорний хліб їли.

П.С. – Хто забирав худобу та крам і як це відбувалось під час голоду?

Р.Л. – Я знаю, що у нас був голова колхоза, Шевченко, так він активіст був, що забирав коней. Пацани, знаю, що розкуркулювали Василенка Дмитра, у нього було восьмеро дівчат, так знаю, що вони голодували дуже. Він держав кролі, так пацани голову Василенка утягли з двору у нього кролів, у Василенка. А він конячку держав, так конячку запряг і вшився, і довго не було чуть, де він, а впося узнали, що у Волновах він опинився, у Волновах землянку побудував, і ото поступово і дівчата попереїжали туди, у Волноваху, і там доживали.

П.С. – Куди ввозили все це і що з ним робили потім?

Р.Л. – Ну, ввозили на бригаду, напевно. Ну, на бригаду ввозили.

П.С. – Що було з тими, хто не хотів віддавати зерно?

Р.Л. – Ну, забирали і отправляли на Соловки, на стройку Білморканал. Туди усіх везли, на Білмор, на Соловки тоді називалися. Одтуди не верталися, хто попадав на Соловки.

П.С. – Чи відомо Вам про «чорні дошки»?

Р.Л. – А що це «чорні дошки»? Даже не знаю я «чорних досок».

П.С. – Що було з тими, хто одразу пішов до колгоспів?

Р.Л. – Ну, в колхозі робили. Мій батько теж пішов у колхоз, так він завхозом був, ну, він там год пробув і всьо, а потім перейшов сюди, на залізну дорогу.

П.С. – Чи вилучали зерно у них? Хто працював у колгоспі.

Р.Л. – Ні, не забирали.

П.С. – Відомі Вам випадки приховування їжі та краму під час голоду?

Р.Л. – Знаю, що ховали під час Голодомору, у 33-м годі пошти всі ховали.

П.С. – А що сталось з цими людьми, хто ховав?

Р.Л. – Судили їх.

П.С. – Чи чули Ви, що таке «Закон про п'ять колосків»?

Р.Л. – За п'ять колосків судили. [...]

П.С. – Як виживали, чим харчувались під час голоду?

Р.Л. – Ну, хто шо найде. Багато нищих ходило по хатах і просило. А один дід на двох ціпках ходив, просив. Хто дасть кусок хліба, хто картоплину. Ото отак і виживали. А після голода став урожай хороший, колхози стали давати трудовні, за трудовні ставили палочки, по 200-300 грам на день, а хто й в городі сів, і ото все зерно... тоді вітряки були, ті, шо оце крутяться вітром, так ото мішок на возик і поїхали, я з батьком їдив молоть на вітряку. Їх немає: попалили німці всі, як одступали.

П.С. – Чи можна було покинути свою місцевість і піти на пошуки їжі та роботи?

Р.Л. – Багато тоді хто уїжав, по городах їхали. У Донецьк багато, у Маріуполь, хто в Бердянськ. Та хто куди. У мене дядько на Кубань уїхав, дядько, шо я в нього півгода жив, дядько зразу уїхав, в 31-м, як колхози стали. Дід у Маріуполь уїхав з бабою, устроївся сторожем у саду, а потім дядькові написав: «Прийжай. Чого ви там будите голодувать?!» Дядько розказував: «Як приїхав, а дід уже на тракторі робить». Так він остався в хуторі, хату там зліпили. Там голоду не було, на Кубані... А це добавка про колоски. Тьотка моя, дядька Прокопа жінка, на Кубані ж жила, і пішла з подругою по качани ноччю, а бригадір побачив, так по сім год дали за пів-мішка качанів. Одбувала тьотка аж у Омські, в Сибірі.

П.С. – Чи були в селі ті, хто не голодував?

Р.Л. – Рідко, рідко хтось такий був, хіба шо такий, як председатель Шевченко, так той не голодував, а остальні голодували.

П.С. – Чи існували в цей час базари або місця, де можна було щось купити або вимінити?

Р.Л. – Були, базарі були. У центрі в Куйбишеві базар був. Я знаю, що пацаном бігав та просив, чи щоб пірожок дали, чи горішок, або ж це там яблука, або груші, сливи продавали. В нас садка не було, а хочеться ж, так ото і просили ж: «Дайте мені сливину». Хто дасть, а хто й не дасть. Знаю, що ще й крали з брички: возьмем і тікаємо. У нас євреї були, і був в них баштан, і ото по осені вони вивозили дині, кавуни, і ото ми пацанами схватимо з брички і тікати. Ворували. [...]

П.С. – Де, по-вашому, легше жилося людям: у селі чи у місті?

Р.Л. – Недобре було і в городі, і в селі. Кругом.

П.С. – Скільки людей померло у Вашому населеному пункті під час голоду?

Р.Л. – Та не сощітати, багато померло.

П.С. – Яку офіційну причину смерті вказували в документах?

Р.Л. – Не знаю. Од голоду, напевно. Мій рідний дядько, батьковин старший брат, в 47-м году з голоду помер. П'ятеро дітей, а жінка не робила, по селах ходила, щітки в'язала та ото міняла, а їх в хаті закрила, не в хаті, а в сараї, а він біля коней робив, і ото що коням давали, то жменю принесе і на жорнах змеле, дітей піддержував, а як не став спосібний вже робить, так вона закриє його у сараї, і сидить у сараї, і з голоду помер. А дочка, з 28-го году, у Москві живе, так досі на матір обіжається, а дочка, з 26-го году, забрала менших братів і матір [...]. Та ще з 32-го хлопець був, так він в 47-м году, в п'ятнадцять год, мати заставила до сусіда полізти на горіще по сало. Він поліз на горіще, а дід почув і впіймав його, так казали, що десять год дали йому, так він в Одесі, в тюрмі, так і помер з голоду. [...]

П.С. – Чи допомагали люди один одному, чи ділилися продуктами?

Р.Л. – Да, діпилися, тоді совісні люди були, такі, що піддержували.

П.С. – Чи продовжували святкувати свята?

Р.Л. – Свята? Як Перший май, Октябрська, це самі найбільші празники були. А церковні не празнували. Оце в 31-м годі церкву ліквідували, і дзвони знімали, присікали церкву.

П.С. – Як місцеве керівництво пояснювало те, що відбувалось?

Р.Л. – Пояснювали. Все на голод звертали, що неврожай.

П.С. – А як самі люди пояснювали голод?

Р.Л. – Хто казав, що умишліно зробили голодовку, врожай не поганий був, а голод зробили. [...]

П.С. – Як потім згадували події Голодомору у Вашій родині, селі?

Р.Л. – Як же об'яснить? Як wspominali? Ну, балачки були, що спеціально голод зробили, щоб ми вимерли.

П.С. – Чи пам'ятаєте Ви голод 1946-го року?

Р.Л. – Оце ж я кажу, що в цьому году дядько помер, його засудили, і він в тюрмі помер. Ну, я в армії був, голоду не знав. Сестра у Запоріжжі була, так їй на картоку хліб давали, а друга служила у хазяїв. [...]

№ 48. – 2009 р., січень 22. – смт. Куйбишеве Запорізької області. – Інтерв'ю з Вітер Галиною Акафіївною, 1918 року народження, мешканкою смт. Куйбишеве Запорізької області, проведене Сімченком Олександром Володимировичем (БДПУ).

Сімченко О.В. (далі – С.О.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові.

Вітер Г.А. (далі – В.Г.) – Вітер Галина Акафіївна.

С.О. – А дівоче прізвище?

В.Г. – А дівоче Бойко.

С.О. – Національність?

В.Г. – Українка.

С.О. – Дата народження?

В.Г. – Народилася 16 грудня 1918-го року.

С.О. – Місце народження?

В.Г. – Бердянського району Тарасовка село наше.

С.О. – Яка Ваша освіта і професія?

В.Г. – Освіта вища, а професія – я вчитель була більше сорока років. [...]

С.О. – З якого часу Ви живете в цьому населеному пункті?

В.Г. – У Куйбишеві я живу із 46-го року. Я ж і переїхала, бо ж після війни направили працювати вчителем у школу. [...]

С.О. – Яким було господарство Вашої родини в часи Вашого дитинства?

В.Г. – Господарство... Город був, корівка була і тато держали вулік пчіл. Бджоли були.

С.О. – Як з'явилися перші колгоспи в Вашому селі, чи люди хотіли добровільно йти до колгоспів?

В.Г. – Хто його знає, як? Воно ж хто заможніший – той не хотів, а хто бідніший – то йшли. [...]

С.О. – Коли почалося розкуркулення у Вашому селі?

В.Г. – Розкуркулення? Бог його знає, ну, було таке, що ходили, забирали, а в нас нічого було забирають. Нас не розкуркулювали. [...]

С.О. – Коли Ви вперше почули слово «куркуль»?

В.Г. – «Куркуль» – чула таке слово, а коли вперше – сказати важко [...].

С.О. – Кого розуміли під цим словом?

В.Г. – Ну, це розуміли, в кого там корови є, бики, воли. У нас цього не було і у сусідів теж не було.

С.О. – Чи пам'ятаєте Ви Голодомор 1932-1933-го років?

В.Г. – Да, да, це я пам'ятаю.

С.О. – Що говорили про його причини?

В.Г. – Про причини? Ну, зерно забрали ж все, все забрали, що могли. Осталось, що дома було – гарбуз, буряк. [...]

С.О. – Як відбувалась посівна, де брали зерно під час голоду?

В.Г. – Зерно... ну, хто зна, колхози десь давали, доставали, мабуть. Давали чи десь його привозили у мішках. Ну, щоб у нас – ми ж не могли дати, бо у нас не було, а десь як могли, так трошки сіяли. Трошки було.

С.О. – Що люди сіяли у себе в городі в цей час?

В.Г. – Ну, мама зібрали шкурки з картошечки, посадили кабачки, гарбузи, морква у нас сімінна. Ось оце таке, Саша, садили.

С.О. – Хто забирав зерно, худобу та крам і як це відбувалося під час голоду?

В.Г. – Ходили такі, шукали, це такими копиями пробивали. Дуже ми боялися: тато закопали два відра зерна. І ті забрали.

С.О. – Як аргументували люди, які вилучали власність, свої дії?

В.Г. – Казали, що влада заставляє, влада в город забирають, забирали. Ми й не питали. Дуже боялися.

С.О. – Куди звозили все це і що з ним потім робили?

В.Г. – Не знаю, Саша, на город, мабуть, везли.

С.О. – Що було з тими, хто не хотів віддавати зерно?

В.Г. – Віддавали. У нас у селі нікого нікуди не відправляли, а люди віддавали, боялися.

С.О. – Чи відомо вам про «чорні дошки»?

В.Г. – Ні, я не знаю. [...]

С.О. – Відомі Вам випадки приховування їжі та краму під час голоду?

В.Г. – Приховували, приховували потрошечку. Та й ховать добре й нічого було.

С.О. – Що сталося з тими людьми?

В.Г. – Ну, великих наказаній, Саша, я не знаю. Люди отдали все, що було, а що приховали, так то таке...

С.О. – Чи чули Ви, що таке «Закон про п'ять колосків»?

В.Г. – А як же ж?! Колосочки збирали, з сестрою ходили про колосочки. Саш, такий закон: ходили ми, збирали ці колосочки, до зернинки приносили. Ходили з сестрами на поле, де пшеничка була, діти збирали ці колосочки і несли

до мами в жменьках, у пеленах. Мама потруть, потруть і шось вечером спичуть. Чи на ранок буде.

С.О. – Як виживали, чим харчувались під час голоду?

В.Г. – Харчувались? Молочко трошки було, у нас буряки, був гарбуз. Оце ж все пекли його, сушили, перетирали трошки зерна, що осталося там на горищі. Так і прожили, вижили. Якось не вмер ніхто.

С.О. – Чи знаєте Ви випадки жебрацтва в цей час?

В.Г. – Жебрацтва? Та всі були тоді жебраки! Село бідне, голодне. Як на такий теперішній час, то не було багатих. Жебраки люди були.

С.О. – Як ставилися до цих жебраків, звідки вони були?

В.Г. – Не ходили в нас чужі, а за своїх я сказала.

С.О. – Чи можна було покинути свою місцевість і піти на пошуки їжі та роботи?

В.Г. – Можна, ніхто ж не держав, но наші не йшли з нашої сім'ї.

С.О. – Чи були в селі ті, хто не голодував?

В.Г. – Були, були.

С.О. – Хто вони були і як вони жили?

В.Г. – Куркулі – це ті, що якось приховали зерно, умудрилися оставить. Були такі, були.

С.О. – Чи існували в цей час базари або місця, де можна було щось купити чи вимінити?

В.Г. – У селі не було, а тато на возику їздили в Бердянск. Оце яйця поміняють на рибу і привезуть.

С.О. – Як в цей час вижили люди у селі, де, по-вашому, легше жилося людям: у селі чи у місті?

В.Г. – Ой, у місті легше!

С.О. – Чому?

В.Г. – Там і пайки були. У нас брат поїхав, так передавав і хліба, і консерв. Це ми таке і бачить не бачили!

С.О. – Скільки людей померло у Вашому населеному пункті під час голоду?

В.Г. – Не померло щоб багато, а так я не знаю, я не знаю.
[...]

С.О. – Як місцеве керівництво пояснювало те, що відбувалось?

В.Г. – А ніяк, бо ніхто і не питав. [...]

С.О. – Чи пам'ятаєте Ви голод 1921-го року, 1946-го року?

В.Г. – Ну, 21-го я мала була, а 46-го це був теж дуже великий голод, тяжке життя.

С.О. – Що пам'ятаєте?

В.Г. – Пам'ятаю, що тоже виживали, як могли, кожний тягнувся, щоб у сім'ї осталися живі, оставляли і брату, і сестрі кусочок. [...]

№ 49. – 2009 р., серпень 26. – смт. Куйбишеве Запорізької області. – Інтерв'ю з Яськіною (Яською, Отришко) Ганною Федорівною, 1929 року народження, мешканкою смт. Куйбишеве Запорізької області, проведене Бакай Дариною Геннадіївною (БДПУ).

Бакай Д.Г. (далі – Б.Д.) – Назвіть своє прізвище, ім'я, по батькові (дівоче прізвище). Національність.

Яськіна Г.Ф. (далі – Я.Г.) – Дівоче в мене Отришко Ганна Федорівна.

Б.Д. – А по чоловіку?

Я.Г. – А по чоловіку Яськіна Ганна Федорівна, теже ж так Яська тіки.

Б.Д. – А національність?

Я.Г. – Та українка ж.

Б.Д. – А дата народження?

Я.Г. – 1929-й.

Б.Д. – А число?

Я.Г. – 19 февраля.

Б.Д. – Місце народження?

Я.Г. – Куйбишево, тут.

Б.Д. – Яка Ваша освіта і професія?

Я.Г. – Ой, освіта... [сміється]. Освіта – аж чотири класи. [...]

Б.Д. – Яким було господарство Вашої родини в часи Вашого дитинства (земля, город, худоба, птиця)?

Я.Г. – Ну, таке було, конечно, земля, хазяйство.

Б.Д. – Як з'явилися перші колгоспи в Вашому селі?

Я.Г. – А я ж не знаю, бо мене ще на світі не було, мабуть. Колгоспна. Це коли це вони, мабуть, у 30-х роках чи раніше, чи в 20-х... Ну, та всякі були люди, хто соглашався, хто добровільно туди пішов, хто не хотів. Всякі були, бо не хотіли ж, у людей було хазяйство, так і коні, і корови, так не хотіли ж здавать в колгосп, жалко ж було, не хотіли ж. А в кого хазяйства не було, ті вільно йшли в колгосп. [...]

Б.Д. – Чи пам'ятаєте Ви Голодомор 1932-1933-го років?

Я.Г. – Та трохи пам'ятаю, п'ять год, мати, було, як він був. П'ять чи шість год, 33-й.

Б.Д. – Що говорили про його причини?

Я.Г. – А що говорили? Неврожай був.

Б.Д. – Чи відомі Вам випадки боротьби з голодом? Як люди боролися з голодом?

Я.Г. – Та, ну, як боролися? Хто як мог, виживали, хто як мог. Не було... Ой, їли все: і лободу, і листя, і що тіки не їли. Усяку траву їли, щоб вижити. [...]

Б.Д. – Хто забирав зерно, худобу та крам і як це відбувалося під час голоду?

Я.Г. – А худоби я не помню, щоб забирали, а хліба тоже в нас не брали, бо у нас не було, та й усе не вродило. [...]

Б.Д. – Чи існували в цей час базари або місця, де можна було щось купити, вимінити?

Я.Г. – Та де там? Як тут не було, а це ходили то в Полтаву, то куди в Бердянськ та в Маріуполь ходили пішки по камсу, тими тачками їздили.

Б.Д. – Де, по-вашому, легше жилося людям: у селі чи у місті?

Я.Г. – А хто його знає, як там в городі було? Так уже їздили чи ходили, міняли на якесь барахло. Ми в городі не

бачили, я не знаю, як тоді в городі було. А в селі що? Голодні всі були та й усе. [...]

Б.Д. – Що робили з померлими під час голоду?

Я.Г. – Та що? Ховали, вивозили на кладбище, у тряпки замотували та й усе. [...]

Б.Д. – Чи допомагали люди один одному під час голоду, чи ділилися продуктами?

Я.Г. – О, що ж ти, як же ти допоможе ж, як я голодна й сусідка голодна? Як же ми одна одній поможемо? І в тієї нема, і в тієї нема, як не було.

Б.Д. – Чи продовжували святкувати свята (які саме і як)?

Я.Г. – Та які там свята були, як голодні були?! Яке там свято було, як їсти хотілось?! Ніяких тоді свят не було. [...]

Б.Д. – Як потім згадували і у зв'язку з чим події Голодомору у Вашій родині, селі?

Я.Г. – Та як згадували? Як згадували? Тоді тіки розговор був, що як би поїсти, а після того, як уже уродило на другий год, уже все, не стали голодними, так що ж...

Б.Д. – Чи пам'ятаєте Ви голод 1946-го року? Що пам'ятаєте? Розкажіть докладніше.

Я.Г. – А, 46-47-й... А, ну, тут уже я в колхозі робила, це мені було вісімнадцять чи сімнадцять год. Голод був, голодні були, як вовки, бо не вродило, не було нічого. Голодні були, як вовки, тоже все їли: і лободу, і що було. І як привезуть там буряк який чи... так нам було за канфет. А це на роботу було їти, якоїсь баланди похльобать, так це було їти на роботу. Я ж в колхозі робила. [...]

278 *Усна історія Голодомору 1932-1933 років у
Північному Приазов'ї*
ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК¹

Chamberlain M. – ВУ
Charlton T. – ВУ
Moss W. – ВУ
Portelli A. – ВУ
Ritchie D. – ВУ
Sharpless R. – ВУ
Stricklin D. – ВУ
Thompson. P. – ВУ
Акімов С.К. – ВУ
Александрова Ніна Прокопівна (Александрова Ніна
Прокоф'євна), респондент – 9, 10
Алексєєви – 7
Алексей Ефимович, батько Корнева С.О. – 38
Альошка, односельчанин Губар М.М. – 42
Андрій, старший брат Дмитрик С.І. – 37
Анна (Потерик), баба Попової О.І. – 1
Антон Гордєєвич, батько Лук'яненко Є.А. – 2
Ася, тітка Сук О.О. – 40
Бакай Дарина Геннадіївна, інтерв'юер – 49
Баранова (Марченко) Галина Іванівна (Баранова Галина
Івановна), респондент – 35
Бессоновы – 7
Бех – 6, 7
Білівненко С. – ВУ
Бодровы, односельчани Мельникової М.Л. – 45
Бойко (Алешка), вітчим Мазенко Н.Р. – 30
Бойко А.В. – ВУ
Бойко Юлія Федорівна, інтерв'юер – 42, 44
Болотін, односельчанин Губар М.М. – 42
Боровко Прокіп – 43
Брежнев Л. – 1
Булгаков М. – 46
Буриліна Наталія Валеріївна, інтерв'юер – 3

¹ Подано за транскриптами інтерв'ю. Подається номер інтерв'ю.
ВУ – «Від упорядників».

Бурлакова (Димова) Степанида Федорівна (Бурлакова Степанида Федоровна), респондент – 28
Бухарин Н. – 46
Валя, племінниця Завадько К.А. – 36
Ваня, брат Павлової Л.В. – 22
Василенко Дмитро, односельчанин Ревенка Л.С. – 47
Василина, баба Сук О.О. – 40
Василь, брат діда Ревенка Л.С. – 47
Василь, брат Лук'яненко Є.А. – 2
Величко Олександра Пантелеївна, респондент – 26
Верка, односельчанка Губар М.М. – 42
Вітер (Бойко) Галина Акафіївна, респондент – 48
Власенко, баба Мікуліної К.Й. – 34
Вовк М.В. – ВУ
Воронцов – 34
Гарпешка – 22, 23
Гитлер А. – 38
Гнибіда Євген Володимирович, інтерв'юер – 27, 30, 36
Голик Евдокия Сергеевна, баба Єременко К.Д. – 39
Головко Ю. – ВУ
Горбачев М. – 22
Гордієнко Людмила Володимирівна, інтерв'юер – 17, 18, 24, 25
Гриєвз – 23
Гришка, дядько Дмитрик С.І. – 37
Грінченко Г.Г. – ВУ
Грушевський М.С. – ВУ
Губар (Шелутько) Марія Мусіївна, респондент – 42
Гурбич Марина Сергіївна, інтерв'юер – 43
Гутнев Аркадій Сергійович (Гутнев Аркадий Сергеевич), респондент – 6, 7
Демко Наталя Анатоліївна, інтерв'юер – 1, 4, 5, 8
Дерман І.П. – ВУ
Дженков Григорій Пилипович (Дженков Григорий Филиппович), респондент – 20, 21
Димид, дядько Дмитрик С.І. – 37
Дмитрик (Панасенко) Софія Іванівна, респондент – 37
Довгаль Іван Опанасович, респондент – 44
Дора (Федора), баба Баранової Г.І. – 35

280 *Усна історія Голодомору 1932-1933 років у
Північному Приазов'ї*

Драй Петро Андрійович (Драй Петр Андреевич), респондент – 27

Дрижаї, односельчани Дудки Ф.І. – 43

Дудка Федір Іонович, респондент – 43

Дуліна (Аликова) Раїса Іллівна (Дулина Раиса Ильинична), респондент – 41

Дуся, сестра Павлової Л.В. – 22

Екатерина II (Катерина II), імператриця – 34, 45

Елена Григорьевна, мати Черненко П.Н. – 3

Еременко Денис Семенович, батько Єременко К.Д. – 39

Єля, односельчанка Губар М.М. – 42

Єременко Катерина Денисівна (Еременко Екатерина Денисовна), респондент – 39

Єременко М.М. – ВУ

Завадько Клавдія Антонівна (Завадько Клавдия Антоновна), респондент – 36

Іван Денисович – 46

Іван, дядько Бурлакової С.Ф. – 28

Іван, дядько Сук О.О. – 40

Ілля, брат Губар М.М. – 42

Ілля, брат Дмитрик С.І. – 37

Каганов Іван, сусід Павлової Л.В. – 22

Каларов В. – 28

Калінічінки, односельчани Губар М.М. – 42

Каразін В.Н. – ВУ

Кара-Курчи [Ю.И.], викладач – 13

Карбула Олександра Анатоліївна, інтерв'юер – 19

Карімова Катерина Володимирівна, інтерв'юер – 29, 31, 32, 37, 38

Карл, дід Попової О.І. – 1

Квитко, чоловік Мікуліної К.Й. – 34

Кирильченко (Литюшкина) Олександра Яківна (Кирильченко Александра Яковлевна), респондент – 17, 18

Кіосов Петро Михайлович (Киосов Петр Михайлович), респондент – 11, 12

Клава, тітка Дмитрик С.І. – 37

Класен – 6, 7

Кобилешна (Гасенко) Ольга Михайлівна, респондент – 32

Коваль Татьяна Павловна, мати Коваль Т.П. – 29

- Коваль Тетяна Павлівна (Коваль Татяяна Павловна), респондент – 29
Коля Москва, брат Северин О.С. – 4
Комісарчук (Рябуха) Марія Іванівна (Комиссарчук Мария Ивановна), респондент – 24, 25
Константинова В.М. – ВУ
Корнев Сергій Олексійович (Корнев Сергей Алексеевич), респондент – 38
Королевська Ю.Ю. – ВУ
Коротун Яна Федорівна, інтерв'юер – 13
Кравчук [Л.М.] – 4
Ксения Ефимовна, тітка Гутнєва А.С. – 6
Кульбак В'ячеслав Олексійович, інтерв'юер – 6, 7, 15, 16, 22, 23
Кульміч Микола, односельчанин Дудки Ф.І. – 43
Курбацкая, прабаба Баранової Г.І. – 35
Ленин В. – 46
Лєна, односельчанка Губар М.М. – 42
Лидія Тимофєєвна, мати Корнева С.О. – 38
Лиман І.І. – ВУ
Ліпич В.М. – ВУ
Лук'яненко Євдокія Антонівна (Лукьяненко Евдокия Антоновна), респондент – 2
Магомєдова Саніят Селімханівна, інтерв'юер – 2
Мазенко Анатолій Володимирович, чоловік Мазенко Н.Р. – 30
Мазенко Надія Романівна (Мазенко Надежда Романовна), респондент – 30
Марія, односельчанка Губар М.М. – 42
Марков Іван Юхимович (Марков Иван Ефимович), респондент – 8
Марта, баба Пашко М.А. – 5
Маруся – 2
Марченко Акуліна Анисимовна, баба Баранової Г.І. – 35
Марченко Іван Митрофанович, батько Баранової Г.І. – 35
Марченко Фекла Парфєновна, мати Баранової Г.І. – 35
Матвієнки, односельчани Губар М.М. – 42
Махно Н. – 13
Мельникова (Рекотова) Марія Леонтіївна (Мельникова Мария Леонтьевна), респондент – 45
Митрофанова Анна Фатєєвна, мати Мельникової М.Л. – 45

282 *Усна історія Голодомору 1932-1933 років у
 Північному Приазов'ї*

Мікуліна Катерина Йосипівна (Микулина Катерина
Иосифовна), респондент – 34
Міненко Євгенія Миколаївна, інтерв'юер – 28
Морозов Павлик – 38
Муссолини Б. – 38
Набокови, односельчани Губар М.М. – 42
Нагульный – 46
Назар Яковлевич, батько Черненко П.Н. – 3
Науменко Павло, односельчанин Дудки Ф.І. – 43
Никифор, односельчанин Губар М.М. – 42
Новицький Я.П. – ВУ
Ольга Ивановна (Оля), тітка Павлової Л.В. – 22, 23
Павлова (Самохвалова) Людмила Василівна (Павлова Людмила
Васильевна, Люда, Людка), респондент – 22, 23
Павлюк Аліна Сергіївна, інтерв'юер – 45, 46
Палій Світлана Володимирівна, інтерв'юер – 47
Панасенко Іван Кузьмич, батько Дмитрик С.І. – 37
Панасенко Матвій Федорович, односельчанин Дудки Ф.І. – 43
Папанова, баба Мазенко Н.Р. – 30
Параска, односельчанка Дудки Ф.І. – 43
Парфирий, дід Баранової Г.І. – 35
Пашко Марія Артемівна, респондент – 5
Петр Романович, брат Мазенко Н.Р. – 30
Петя, брат Павлової Л.В. – 22
Плеханов – 46
Плохій С. – ВУ
Погорілов Семен, односельчанин Дудки Ф.І. – 43
Подгорних Вікторія Сергіївна, інтерв'юер – 14
Попова (Мэкк) Ольга Іванівна (Попова Ольга Ивановна),
респондент – 1
Попович Валентин Спиридонович, респондент – 46
Приська – 19
Прокоп, дядько Ревенка Л.С. – 47
Пугачова (Юрина) Марія Костянтинівна (Пугачева Мария
Константиновна), респондент – 14
Расторгуєв – 4
Рая, знайома Северин О.С. – 4
Ревенок Леонід Савич, респондент – 47
Рекотов Леонтий Маркович, батько Мельникової М.Л. – 45

Роман – 44
Роман, батько Мазенко Н.Р. – 30
Ромасько Єлизавета Юріївна, інтерв'юер – 39
Савченко Василій Фьодорович, односельчанин Дудки Ф.І. – 43
Савченко, односельчанин Губар М.М. – 42
Сало Кость Несторович, голова комітету незаможних селян, односельчанин Дудки Ф.І. – 43
Самарченко – 22
Сандерсон – 38
Саута Юлія Володимирівна, інтерв'юер – 34
Северин (Вареник) Ольга Семенівна (Оля), респондент – 4
Сербінова Х.О. – ВУ
Сидоренко Артем Ігорович, інтерв'юер – 40
Сиферт Марша (Siefert Marsha) – ВУ
Сімченко Олександр Володимирович (Саша), інтерв'юер – 48
Сковпень Олександра Григорівна (Сковпень Олександра Григорьевна), респондент – 15, 16
Смольный, поет – 38
Снятин Иван, сусід Павлової Л.В. – 22
Солженицын А. – 46
Сонька – 4
Сопины – 7
Софія, тітка Дмитрик С.І. – 37
Ставронова Кіракія (Лідія) Іванівна, мати Дмитрик С.І. – 37
Сталін Й (Сталин И.) – 4, 8, 13, 16, 22, 25, 38
Сук Варка Олексіївна, мати Сук О.О. – 40
Сук Олександр Семенович, батько Сук О.О. – 40
Сук Ольга Олександрівна, респондент – 40
Сук Семен, дід Сук О.О. – 40
Сурева Н. – ВУ
Тахтаджиев Дмитрий Іванович, батько Тахтаджієвої Г.Д. – 33
Тахтаджиев Иван Григорьевич, дід Тахтаджієвої Г.Д. – 33
Тахтаджиева Анастасія Дмитрієвна, баба Тахтаджієвої Г.Д. – 33
Тахтаджиева Анна Агафьевна, мати Тахтаджієвої Г.Д. – 33
Тахтаджиева Ганна Дмитрівна (Тахтаджиева Анна Дмитрієвна), респондент – 33
Тільчарова Ксенія Олегівна (Ксюша), інтерв'юер – 9-12, 20, 21
Троцкий Л. – 46

284 *Усна історія Голодомору 1932-1933 років у
 Північному Приазов'ї*

Труханова Ірина Володимирівна, інтерв'юер – 33, 41

Турій О.Ю. – ВУ

Ульяновський В.І. – ВУ

Уляна – 37

Фрибус – 6, 7

Фрося Ефимовна, мати Лук'яненко Є.А. – 2

Харитон, дядько Дмитрик С.І. – 37

Хімченко Олександр Сергійович, інтерв'юер – 35

Хованець (Мовчан) Неоніла Іванівна, респондент – 19

Хрущев М. – 46

Цукарман, односельчанин Мельникової М.Л. – 45

Цукармановы, односельчани Мельникової М.Л. – 45

Черненко Пелагея Назарівна (Билаш Пелагея Назаровна),
респондент – 3

Шевченко, голова колгоспу, односельчанин Ревенка Л.С. – 47

Шелудько, односельчанин Губар М.М. – 42

Шолохов М. – 46

Штани, односельчани Дудки Ф.І. – 43

Шура, дядько Павлової Л.В. – 22, 23

Щербина (Онищенко) Марина Миколаївна (Щербина Марина
Николаевна), респондент – 31

Юносова В.О. – ВУ

Юхно Юрій Михайлович (Юхно Юрий Михайлович),
респондент – 13

Ющенко В.А. – 28

Якименко Анастасія Олексіївна, інтерв'юер – 26

Яськіна (Яська, Отришко) Ганна Федорівна, респондент – 49

ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК¹

America – ВУ
Austin – ВУ
Lanham, місто – ВУ
London, місто – ВУ
New York, місто – ВУ
Азовське козацьке військо – ВУ
Азовське море – ВУ, 23, 28
Алтай – 47
Америка (America) – ВУ, 5, 7
Американська Рада Наукових Товариств – ВУ
Андрівка, село – 12, 37
Андріївський район – 33, 36
Анівка, село – 33, 38
Баку, місто – 28
Башкирія – 17
Бердянськ (Бердянське), місто – ВУ, 1-49
Бердянський виноградарний технікум – 22
Бердянський державний педагогічний університет (БДПУ) – ВУ, 1-49
Бердянський осередок Запорізького наукового товариства ім. Я.П. Новицького – ВУ
Бердянський педагогічний інститут (Бердянський учительський інститут, Бердянський інститут) – 6, 7, 42
Бердянський район – 2, 7, 29, 31, 37, 45, 46, 48
Берестове (Берестова), село – 2, 4, 19, 26
Біломорканал – 47
Болград, місто – 22
Брянська область – 15, 16
Будапешт, місто – ВУ
Буздяк, станція – 18
Буздяцький район – 17
Верхова – 3
Владивосток, місто – 46
Водяне, село – 5
Вознесенка, село – 17

¹ Подається номер інтерв'ю. ВУ – «Від упорядників».

Волноваха, місто – 47
Вологда, місто – 4
Воскресівка, село – 8
Гарвардський університет – ВУ
ГУЛАГ – 34, 46
Гуляйполе, місто – 5
Дмитрівка, село – 7, 30, 35, 37, 45, 46
Дніпро, ріка – 38
ДніпроГЕС – 34, 38
Дніпропетровськ, місто – 7, 19
Дніпропетровська область – 7, 13
Дон, ріка – 46
Донецьк, місто – 5, 8, 11, 43, 47
Донецька область – 12, 37, 40
Дюміна, вулиця – 13
Європа – 46
Єлизаветівка, село – 12, 43
Єлисеївка, село – 3
Запоріжжя, місто – ВУ, 5, 7, 28, 34, 47
Запорізька область – 1-49
Запорізька торгово-кооперативна школа – 36
Запорізька філія Східного інституту українознавства
ім. Ковальських – ВУ
Запорізьке відділення Інституту української археографії та
джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України – ВУ
Запорізьке наукове товариство ім. Я.П. Новицького – ВУ
Запорізький край – ВУ
Запорізький національний університет – ВУ
Західна Росія – 16
Західна Україна – 10
Зоря, комуна – 43
Ізмаїл, місто – 22
Ізмаїльська область – 22, 40
Інзівка, село – 38
Казахстан – 10, 46
Каракуми, пустеля – 46
Карла Маркса, село – 2
Катеринославська область – 7
Керч, місто – 23

Київ, місто – 16
Київський національний університет імені Тараса Шевченка – ВУ
Київщина – 37
Кірова, колгосп – 43, 44
Клинцівський район – 15, 16
Коларівка (Романівка, Каларово), село – 28
Колима – 18
Колонія, мікрорайон – 1, 6, 7
Комиш-Зоря, селище міського типу – 6, 7, 47
Комінтерн, колгосп – 4
Комінтерн, колгосп – 45
Константинівка, місто – 40
Крим – 19, 28
Кубань – 10, 43, 44, 46, 47
Куйбишеве, селище міського типу – 47-49
Куйбишевський район – 5, 19, 47
Курганський, колгосп – 45
Курськ, місто – 34
Курська губернія – 7
Курська область – 46
Курський край – 45
Ланцеве (Ланці), село – 5
Леніна, колгосп – 45
Ленінград – 46
Ліски, мікрорайон – 39
Лодзь, місто – ВУ
Лозанівка, село – 42
Луначарське, село – 15, 16
Луначарський, колгосп – 16
Львівський державний педагогічний інститут – 37
Мангуш, селище міського типу – 13
Маринівка, село – 43
Маріуполь (Жданов), місто – 2, 5, 23, 36, 37, 43, 47, 49
Маріупольський район – 13
Медведово, село – 15, 16
Мелітополь, місто – 46
Мелітопольський інститут (Мелітопольський педагогічний інститут) – 15, 16

288 *Усна історія Голодомору 1932-1933 років у
 Північному Приазов'ї*

Миколаїв, місто – 45
Миколаївка, село – 2, 31
Михайлове, село – 37
Москва, місто – 4, 8, 47
Мурманська область – 46
Нижнє Придунав'я – ВУ
Нижньодунайський регіон – ВУ
Німеччина (Германія) – 7, 19, 21, 35
Нововасилівка, село – 4
Нововасилівський район – 38
Новомосковський учительський інститут – 13
Новосибірськ, місто – 1
Новотроїцьке, село – 11, 27, 29
Обіточенське училище – 41
Обіточна коса – 39
Обіточна, річка – 45
Обіточне (Приморський р-н.), село – 39
Одеса, місто – ВУ, 47
Одеська область – 40
Омськ, місто – 47
Орловка, село – 8
Осипенко, село – 4
Партизани (Новопавлівка), село – 24, 25, 37, 38, 42-44
Перелип, село – 1
Південна Україна – ВУ
Північне Приазов'я – ВУ
Поволжя – 10, 16, 46
Пологи, місто – 7, 45
Пологівський район – 32
Полоузівка, село – 11, 12
Полтава, місто – 5, 12, 47, 49
Полтавська область – 40
Польща – 19
Польща – ВУ
Преславський технікум – 38
Приазовський район – 38
Приморськ (Ногайськ), місто – 20, 21, 39, 46
Приморський район – 3, 8, 20, 21, 24, 25, 28, 33, 37-39, 41-44
Пролетарський проспект – 6

Радолівка, село – 28, 21, 33, 41
Роза – 4
Розівка, селище міського типу – 26
Романівське, село – 32
Росія – 1, 13, 16, 19, 23, 38, 44, 46
Ростов, місто – 27
Санкт-Петербурзький державний університет – ВУ
Сапрун, місто – 8
Сеновате (Ясиновата) – 13
Сербія – 28
Середня Азія – 1
Сибір – 1, 9, 18, 40, 46, 47
Слободка, мікрорайон – 46
Смирново (Попівка), село – 5, 19, 26
Соловки (Соловецькі острови), острови – 4, 42, 47
Сочницький повіт – 1
СРСР (СССР, Радянський Союз, Союз) – 10, 13, 41
Сталін, колгосп – 4
Старобешівський район – 37
Степова Україна – ВУ
Стива, село – 37
Тарасівка – 48
Тарасівка (Петропавлівка) (Пологівський р-н.), село – 32
Труд Ілліча, колгосп – 4
Тульча, місто – ВУ
Угорщина – 8
Україна – ВУ, 1, 4, 10, 13, 15, 16, 18, 19, 22, 46
Український Католицький Університет – ВУ
Урал – 10
Уфа, місто – 43
Харків, місто – ВУ
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна – ВУ
Харківський педагогічний інститут імені Сковороди – 7
Херсон, місто – 9, 10
Центрально-Європейський університет – ВУ
Центрально-Східна Європа – ВУ
Цілина – 8
Червоне Озеро, село – 7
Чернігів, місто – 1

290 *Усна історія Голодомору 1932-1933 років у
 Північному Приазов'ї*

Чернігівка, селище міського типу – ВУ

Чернігівська губернія – 7

Шварца, рудник – 13

Шевченко, село – 45

Шмідта, сільськогосподарська артіль – 7

Штукар, село – 43, 45

ПЕРЕЛІК ОПУБЛІКОВАНИХ ТЕКСТІВ-ТРАНСКРИПТІВ

№ 1. – 2009 р., лютий 2. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Поповою Ольгою Іванівною, 1918 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Демко Наталею Анатоліївною (БДПУ).

№ 2. – 2009 р., вересень 2. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Лук'яненко Євдокією Антонівною, 1918 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Магомедовою Саніят Селім ханівною (БДПУ).

№ 3. – 2009 р., лютий 9. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Черненко Пелагеєю Назарівною, 1922 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Буриліною Наталією Валеріївною (БДПУ).

№ 4. – 2009 р., лютий 3. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Северин Ольгою Семенівною, 1923 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Демко Наталею Анатоліївною (БДПУ).

№ 5. – 2009 р., січень 18. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Пашко Марією Артемівною, 1923 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Демко Наталею Анатоліївною (БДПУ).

№ 6. – 2009 р., січень 18. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Гутнєвим Аркадієм Сергійовичем, 1923 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

№ 7. – 2009 р., червень 22. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Гутнєвим Аркадієм Сергійовичем, 1923 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

№ 8. – 2009 р., січень 23. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Марковим Іваном Юхимовичем, 1924 року

народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Демко Наталею Анатолівною (БДПУ).

№ 9. – 2009 р., січень 12. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Александровою Ніною Прокопівною, 1925 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

№ 10. – 2009 р., липень 5. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Александровою Ніною Прокопівною, 1925 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

№ 11. – 2009 р., січень 11. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кіосовим Петром Михайловичем, 1925 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

№ 12. – 2009 р., липень 12. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кіосовим Петром Михайловичем, 1925 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

№ 13. – 2009 р., вересень 5. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Юхном Юрієм Михайловичем, 1926 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Коротун Яною Федорівною (БДПУ).

№ 14. – 2009 р., квітень 11. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Пугачовою Марією Костянтинівною, 1926 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Подгорних Вікторією Сергіївною (БДПУ).

№ 15. – 2009 р., січень 2. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю зі Сковпень Олександрою Григорівною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

№ 16. – 2009 р., червень 22. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю зі Сковпень Олександрою Григорівною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

№ 17. – 2009 р., січень 12. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кирильченко Олександрою Яківною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гордієнко Людмилою Володимирівною (БДПУ).

№ 18. – 2009 р., серпня 18. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кирильченко Олександрою Яківною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гордієнко Людмилою Володимирівною (БДПУ).

№ 19. – 2009 р., січень 20. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Хованець Неонілою Іванівною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карбулою Олександрою Анатоліївною (БДПУ).

№ 20. – 2009 р., січень 14. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Дженковим Григорієм Пилиповичем, 1928 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

№ 21. – 2009 р., липень 10. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Дженковим Григорієм Пилиповичем, 1928 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Тільчаровою Ксенією Олегівною (БДПУ).

№ 22. – 2009 р., січень 6. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Павловою Людмилою Василівною, 1929 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

№ 23. – 2009 р., червень 25. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Павловою Людмилою Василівною, 1929 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Кульбаком В'ячеславом Олексійовичем (БДПУ).

№ 24. – 2009 р., січень 4. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Комісарчук Марією Іванівною, 1930 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гордієнко Людмилою Володимирівною (БДПУ).

№ 25. – 2009 р., липень 17. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Комісарчук Марією Іванівною, 1930 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гордієнко Людмилою Володимирівною (БДПУ).

№ 26. – 2009 р., травень 7. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Величко Олександрою Пантелеївною, 1930 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Якименко Анастасією Олексіївною (БДПУ).

№ 27. – 2007 р., серпень 23. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Драєм Петром Андрійовичем, 1914 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Гнибідю Євгеном Володимировичем (БДПУ).

№ 28. – 2008 р., березень 7. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Бурлаковою Степанидою Федорівною, 1914 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Міненко Євгенією Миколаївною (БДПУ).

№ 29. – 2008 р., січень 15. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Коваль Тетяною Павлівною, 1915 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

№ 30. – 2007 р., серпень 25. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Мазенко Надією Романівною, 1915 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гнибідю Євгеном Володимировичем (БДПУ).

№ 31. – 2008 р., січень 27. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Щербиною Мариною Миколаївною, 1916 року

народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

№ 32. – 2008 р., січень 24. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Кобилешною Ольгою Михайлівною, 1921 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

№ 33. – 2008 р., січень 13. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Тахтаджієвою Ганною Дмитрівною, 1923 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Трухановою Іриною Володимирівною (БДПУ).

№ 34. – 2008 р., січень 31. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Мікуліною Катериною Йосипівною, 1923 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Саутою Юлією Володимирівною (БДПУ).

№ 35. – 2008 р., січень 19. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Барановою Галиною Іванівною, 1924 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Хімченком Олександром Сергійовичем (БДПУ).

№ 36. – 2007 р., липень 28. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю із Завадько Клавдією Антонівною, 1926 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Гнибідю Євгеном Володимировичем (БДПУ).

№ 37. – 2008 р., січень 22. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Дмитрик Софією Іванівною, 1926 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

№ 38. – 2008 р., січень 28. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Корневим Сергієм Олексійовичем, 1926 року народження, мешканцем м. Бердянська Запорізької області, проведене Карімовою Катериною Володимирівною (БДПУ).

№ 39. – 2008 р., січень 15. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Єременко Катериною Денисівною, 1927 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Ромасько Єлизаветою Юрївною (БДПУ).

№ 40. – 2008 р., квітень 9. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Сук Ольгою Олександрівною, 1931 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Сидоренком Артемом Ігоровичем (БДПУ).

№ 41. – 2008 р., січень 11. – м. Бердянськ Запорізької області. – Інтерв'ю з Дуліною Раїсою Іллівною, 1933 року народження, мешканкою м. Бердянська Запорізької області, проведене Трухановою Іриною Володимирівною (БДПУ).

№ 42. – 2009 р., серпень 11. – с. Партизани Приморського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Губар Марією Мусіївною, 1920 року народження, мешканкою с. Партизани Запорізької області, проведене Бойко Юлією Федорівною (БДПУ).

№ 43. – 2009 р., травень 1. – с. Партизани Приморського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Дудкою Федором Іоновичем, 1925 року народження, мешканцем с. Партизани Запорізької області, проведене Гурбич Мариною Сергіївною (БДПУ).

№ 44. – 2009 р., серпень 22. – с. Партизани Приморського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Довгалем Іваном Опанасовичем, 1928 року народження, мешканцем с. Партизани Запорізької області, проведене Бойко Юлією Федорівною (БДПУ).

№ 45. – 2009 р., лютий 6. – с. Дмитрівка Бердянського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Мельник Марією Леонтіівною, 1924 року народження, мешканкою с. Дмитрівки Запорізької області, проведене Павлюк Аліною Сергіївною (БДПУ).

№ 46. – 2009 р., лютий 13. – с. Дмитрівка Бердянського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Поповичем Валентином Спиридоновичем, 1931 року народження, мешканцем

с. Дмитрівки Запорізької області, проведене Павлюк Аліною Сергіївною (БДПУ).

№ 47. – 2009 р., серпень 4. – смт. Комиш-Зоря Куйбишевського району Запорізької області. – Інтерв'ю з Ревенком Леонідом Савичем, 1927 року народження, мешканцем смт. Комиш-Зоря Запорізької області, проведене Палій Світланною Володимирівною (БДПУ).

№ 48. – 2009 р., січень 22. – смт. Куйбишеве Запорізької області. – Інтерв'ю з Вітер Галиною Акафіївною, 1918 року народження, мешканкою смт. Куйбишеве Запорізької області, проведене Сімченком Олександром Володимировичем (БДПУ).

№ 49. – 2009 р., серпень 26. – смт. Куйбишеве Запорізької області. – Інтерв'ю з Яськіною (Яською, Отришко) Ганною Федорівною, 1929 року народження, мешканкою смт. Куйбишеве Запорізької області, проведене Бакай Дариною Геннадіївною (БДПУ).

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

NY – New York

БДПУ – Бердянський державний педагогічний університет
вул. – вулиця

ГДК – Городской дворец культуры

ГПУ – Государственное политическое управление

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей,
трудовых поселений и мест заключения

ЗНТН – Запорізьке наукове товариство ім. Я. Новицького

ЗНУ – Запорізький національний університет

ім. – імені

ін. – інше

КГБ – Комитет государственной безопасности

км – кілометр

корп. – корпус

м. – місто

МВД – Министерство внутренних дел

МТС – машинно-тракторна станція

НАН – Національна Академія Наук

НЕП (НЭП) – нова економічна політика (новая экономическая
политика)

НЗ – неприкосновенный запас

р. – рік

рр. – роки

с. – село

с. – сторінка

сmt. – селище міського типу

СОЗ – спілка обробітку землі

СРСР – Союз Радянських Соціалістичних Республік

ст. – століття

т. – том

УКУ – Український Католицький Університет

ФЗО – фабрично-заводское обучение

Х. – Харків

ЧП – чрезвычайное происшествие

ЗМІСТ

Від упорядників	5
Джерела усної історії Голодомору	29
Іменний покажчик	278
Географічний покажчик	285
Перелік опублікованих текстів-транскриптів	291
Список скорочень	298

300 *Усна історія Голодомору 1932-1933 років у
 Північному Приазов'ї*

CONTENTS

Preface	5
Primary Sources of Oral History of Holodomor	29
Name Index	278
Geographical Index	285
List of Published Texts-Transcripts	291
List of Shortenings	298

Лиман Ігор Ігорович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії України, проректор з міжнародних зв'язків Бердянського державного педагогічного університету. Учасник низки міжнародних наукових проєктів. Автор та упорядник понад 150 наукових праць, зокрема сімнадцяти монографій та археографічних видань. Сфера наукових інтересів: історична регіоналістика, історія Церкви, історія козацтва, усна історія.

Константінова Вікторія Миколаївна – кандидат історичних наук, доцент Бердянського державного педагогічного університету, докторант Запорізького національного університету. Автор та упорядник семи книг. Організатор і учасниця низки історико-археографічних експедицій у південноукраїнському регіоні. Працює над докторською дисертацією, присвяченою урбанізаційним процесам на півдні України.

Наукове видання

**Усна історія Голодомору 1932-1933 років у
Північному Приазов'ї. Бердянський вимір**

Упорядники:
**ЛИМАН Ігор Ігорович,
КОНСТАНТИНОВА Вікторія Миколаївна**

Комп'ютерна верстка та макетування: **І.І. Лиман**
Художнє оформлення: **С.К. Акімов, М.М. Бучакчийська**
Коректори: **В.М. Ліпич, В.О. Юносова**

Підписано до друку 3.11.2009. Формат 60х84 1/16
Папір офс. Гарн. Таймс. Друк різогр.
Ум. друк. арк. 17,55.
Наклад 900 прим.

Видавництво ПП «АА Тандем»
Адреса: 69032, м. Запоріжжя, а/с 7633, тел. (061)222-70-10
Свідоцтво про внесення до державного реєстру видавців: Серія
ДК № 2899

Поліграфічна дільниця ЗНТН
м. Запоріжжя, вул.Тюленіна, 23